

Виктор Григорьевич КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ

Сборник воспоминаний,
посвященных 100-летию
Первого ректора МИФИ

Москва 2024

etv

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЯДЕРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИФИ»

Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов

*Сборник воспоминаний,
посвященных 100-летию
Первого ректора МИФИ*

Москва 2024

УДК 530.1
ББК 22.3г,22.31
В 43

Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Сборник воспоминаний, посвященных 100-летию Первого ректора МИФИ. М.: НИЯУ МИФИ, 2024. – 224 с.

Представленная книга является сборником статей и материалов, посвященных памяти выдающегося человека, первого ректора МИФИ В.Г. Кириллова-Угрюмова, к 100-летию со дня его рождения.

Авторы, в большинстве своем выпускники МИФИ 50–70-х годов прошлого столетия, делятся своими воспоминаниями о Викторе Григорьевиче, как о друге, старшем товарище, учителе-наставнике, коллеге по работе, ученом, государственном деятеле. Яркой особенностью сборника является искренность рассказов авторов о различных памятных эпизодах своей жизни, в которых Виктор Григорьевич сыграл решающую роль. Книга содержит объемную библиографию научных трудов В.Г. Кириллова-Угрюмова, фотографии и материалы газеты «Инженер-физик».

Составители сборника:
доцент Мальцев Валерий Александрович,
профессор Петрухин Анатолий Афанасьевич

ISBN 978-5-7262-3043-6

© Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ», 2024

Содержание

Шевченко Владимир Игоревич	
Вступительное слово ректора НИЯУ МИФИ	4
Биографическая справка	6

ВОСПОМИНАНИЯ

Петрухин Анатолий Афанасьевич	13
Белякова Анастасия.....	47
Кувшинников Борис Алексеевич	56
Оганесян Юрий Цолакович.....	76
Стриханов Михаил Николаевич.....	83
Патрикеев Лев Николаевич.....	85
Рубцова Адэлина Ивановна.....	96
Кириллов-Угрюмов Михаил Викторович.....	105
Шарков Борис Юрьевич.....	109
Улин Сергей Евгеньевич.....	111
Сергеев Феликс Михайлович.....	118
Мальцев Валерий Александрович	120
Калин Александр Александрович.....	130
Малявина (Васильева) Надежда Васильевна	141
Поздравительное письмо ВГ к 50-летию хора МИФИ	144
Мерзон Габриэль Израилевич	146
Страмоус Татьяна Евгеньевна	153
Дмитренко Валерий Васильевич.....	154
Грачёв Виктор Михайлович	158
Машкович Лидия Евгеньевна.....	162
Урин Михаил Генрихович	165
Библиография трудов В.Г. Кириллова-Угрюмова	166
Диссертации, подготовленные под руководством В.Г. Кириллова-Угрюмова	191
Статьи в периодической печати.....	194
Фотоальбом.....	207

ШЕВЧЕНКО Владимир Игоревич

Выпускник МИФИ 1996 года. В 1994–2009 годах работал в Институте теоретической и экспериментальной физики, в 2010–2021 годах в НИЦ «Курчатовский институт». В 2014–2019 годах возглавлял научно-координационный комитет НИЦ «Курчатовский институт» по сотрудничеству Российской Федерации с ЦЕРН. С 30 декабря 2021 года – ректор НИЯУ МИФИ. Лауреат Государственной премии РФ для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники 2003 года, доктор физико-математических наук.

Вступительное слово ректора НИЯУ МИФИ

Университеты нашей цивилизации – удивительные организмы, и прежде всего, они удивительны своей способностью жить гораздо дольше человеческого века. Один из источников этой долгой жизни очевиден – каждый учебный год в университетские стены приходят новые молодые люди, принося с собой энергию и амбиции юности. Однако само по себе это не гарантирует непреходящего успеха. Должно сойтись немало факторов, чтобы университет обрел собственное уникальное лицо и в конце концов стал тем, в чей адрес эпитеты «выдающийся» и «легендарный» звучат не лестью, а констатацией факта. В истории многих университетов есть фигура его лидера, с чьим именем и делами связан этот не всегда заметный внешнему глазу переход «от эффективности к величию». Для Национального исследовательского ядерного университета МИФИ таким человеком, без сомнений, является Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, возглавлявший МИФИ с 1959 по 1974 год.

Вы держите в руках сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Виктора Григорьевича. На его страницах благодарным пером друзей, коллег и учеников для нас написан портрет замечательного сына своей эпохи, героя фронтовика, многообразная деятельность которого на ниве развития отечественной науки и образования принесла столь много добрых плодов. И среди них тот, которым уже больше 60 лет пользуются все мифисты – основной

комплекс зданий университета на Каширском шоссе. Из этих стен вышли тысячи прекрасных инженеров, десятки блестящих ученых и даже три министра атомной отрасли разных лет. Сейчас каждое утро первый ректор нашего университета встречает всех входящих в главный корпус с мемориальной доски на левой колонне. Его строгий взгляд как будто спрашивает нас, сегодняшних мифистов – чем мы живем, о чем мечтаем, и что готовы сделать, чтобы воплотить эти мечты в жизнь? Уверен, нам есть что сказать Виктору Григорьевичу и надеюсь, что собранные под этой обложкой воспоминания людей, хорошо его знавших, помогут нам быть честными и точными в этом очень важном разговоре с ним.

В свой вековой юбилей профессор Кириллов-Угрюмов по-прежнему в нашем строю.

18 марта 2024 года исполняется 100 лет со дня рождения первого ректора МИФИ Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова, выдающегося деятеля России в области науки и высшего ядерно-физического образования. По предложению Совета ветеранов НИЯУ МИФИ это событие решено отметить изданием сборника воспоминаний коллег и близких Виктору Григорьевичу людей, лично знавших этого замечательного человека.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный гражданин города Скопин Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов родился в Москве 18 марта 1924 года. Его отец – Кириллов-Угрюмов Григорий Никитич (1887–1925) – окончил Военное юнкерское училище имени Великого князя Владимира Александровича в Петрограде. Мать – Жукова Полина Семеновна (1900–1960) преподавала математику (награждена орденом Ленина в 1940 году). Супруга – Арапова Эмма Яковлевна (1924–2013) – химик по специальности. Сыновья: Андрей Викторович (1949 г.р.) – инженер, Михаил Викторович (1954 г.р.) – физик, писатель. Дочь Татьяна Викторовна (1962 г.р.) – историк.

В 1931 году Виктор поступил в московскую среднюю школу № 348. Учился хорошо, мечтал о военной службе и готовился к ней. Заслуженно получил четыре популярных знака отличия: ГТО, Ворошиловский стрелок, ПВХО и ГСО. Накануне Великой Отечественной войны поступил в 10-й класс Московской военно-морской спецшколы. 1 мая 1941 года участвовал в параде на Красной площади. В день объявления войны вместе со всеми выпускниками училища подал рапорт с просьбой направить на фронт. Его зачислили в Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. 8 августа он принял присягу, а 31 октября старшина 1-й статьи Кириллов-Угрюмов в числе 75 первокурсников

был откомандирован в 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, направлявшуюся на фронт.

Вскоре эшелон с бригадой ушел на запад. 26 ноября 1941 года бригада выгрузилась в Рязске Рязанской области. Батальон, в котором Виктор был командиром отделения, в походном строю по заснеженной дороге двинулся к Скопину. На подходе к небольшой деревеньке разведчики обнаружили и разгромили группу немецких мотоциклистов. Это было боевое крещение Виктора. Храбро действовал он и при наступлении на Скопин. Город был захвачен передовыми моторизованными отрядами немцев, и возникла угроза потери важного железнодорожного узла. 28 ноября после упорных двухдневных боев Скопин был освобожден. Спустя годы благодарные скопинцы присвоили В.Г. Кириллову-Угрюмову звание почетного гражданина этого города.

В конце ноября 1941 года бригада была переброшена в Загорск (ныне Сергиев Посад). Там она вошла в состав 1-й ударной армии Западного фронта и приняла активное участие в битве за Москву. Отделению, которым командовал старшина 1-й статьи Кириллов-Угрюмов, довелось сражаться с фашистами в районе канала Москва-Волга, а позднее – участвовать в освобождении города Клина.

12 декабря в жарком бою под Клином В.Г. Кириллов-Угрюмов был ранен: пуля попала в локоть левой руки, разбила кость. Он провел три месяца в госпиталях. Рана то заживала, то вновь открывалась. Рука даже начала чернеть. И тогда его направили в один из госпиталей города Москвы. В июне 1942 года медкомиссия определила инвалидность, и он был уволен из армии. Виктор решил поступить в Московский механический институт боеприпасов (ММИБ), который по настоянию академика И.В. Курчатова в 1953 году стал называться Московским инженерно-физическим институтом (МИФИ). Осенью 1943 года Виктор стал студентом конструкторского факультета ММИБ, а после создания инженерно-физического факультета перевелся туда.

О годах учебы в ММИБ В.Г. Кириллов-Угрюмов вспоминал: «Условия учебы были очень суровые. Достаточно сказать, что зимой приходилось надевать перчатки, для того чтобы писать, чернила замерзали в чернильницах. Тогда еще авторучек не было. Нас

по возможности поддерживали питанием. Было так называемое УДП. Это усиленное дополнительное питание, которое состояло в том, что давали котелок бульона, ну и ордер на галоши. Это уже нас опекал профком». О преподавательском составе ММИБ В.Г. Кириллов-Угрюмов вспоминал следующее: «Пришли выдающиеся физики XX века. Замечательные люди, не только с точки зрения знаний. Ведь учебников не было. Мы фактически учились по лекциям. И они не жалели времени для того, чтобы читать нам дополнительные лекции, и вместе с тем вносили элемент жизни. Академик Мигдал не считал зазорным, например, тогда, когда мы выходили на перемену, с нами попрыгать на длину с места. Или академик Арцимович, которого сопровождали два шкафа – охранники – но который отправлял их за дверь и очень свободно и легко читал лекции, он был блестящий лектор».

Сталинский стипендиат 1947 года Виктор окончил ММИБ в 1949 году с отличием, поступил в аспирантуру и начал заниматься исследованием космических лучей, параллельно работая в Институте физики Академии наук СССР (ФИАН) под руководством известного ученого А.И. Алиханяна. В 1953 году Виктор Григорьевич защитил кандидатскую диссертацию и в возрасте 29 лет (!) стал деканом инженерно-физического факультета МИФИ. В мае 1955 факультет разделился на физико-энергетический факультет (ФЭФ) и факультет теоретической и экспериментальной физики (ФТЭФ). Две недели, с 16 июня по 30 июня 1955 года В.Г. Кириллов-Угрюмов является деканом ФЭФ, а с 30 июня 1955 по 28 августа 1957 – деканом ФТЭФ, который с мая 1956 был переименован в Факультет экспериментальной и теоретической физики (Т) В 1957–1959 годах был заместителем заведующего кафедрой экспериментальной ядерной физики (в будущем кафедры №7). С 6 июня 1959 – в возрасте 35 лет – Виктор Григорьевич становится директором МИФИ, а с 25 апреля 1961 – ректором МИФИ. В 1965 году Виктор Григорьевич защитил докторскую диссертацию. В должности ректора он работал до 3 января 1975 года.

Со временем прихода Виктора Григорьевича к руководству МИФИ связано мощное развитие института: был построен современный кампус института на Каширском шоссе, стали развиваться новые научные направления, были организованы новые кафедры,

факультеты и лаборатории, вступил в строй первый в истории высшей школы исследовательский ядерный реактор ИРТ МИФИ, открылся спортивно-оздоровительный лагерь «Волга».

7 января 1967 года Указом Президиума Верховного Совета СССР МИФИ был награжден орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся достижения в подготовке специалистов для атомной промышленности и проведении научных исследований. В это время МИФИ стал участвовать в международных научно-образовательных выставках в различных странах: Польше, Венгрии, Канаде, США.

В 1972–1974 годах ректор МИФИ профессор В.Г. Кириллов-Угрюмов возглавлял Совет ректоров вузов Москвы. На этом посту Виктор Григорьевич много сделал для распространения опыта работы передовых вузов. В 1973 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

В 1974–1987 годах В.Г. Кириллов-Угрюмов выполнял особенно важную задачу – возглавлял Высшую аттестационную комиссию (ВАК) при Совете Министров СССР. Опираясь на авторитетных ученых, он существенно усовершенствовал структуру ВАК, добился введения нового уровня требований к соискателям ученых степеней и профессорских званий, в президиум ВАК были введены руководители крупных научных учреждений страны, были созданы и вполне оправдавшие себя экспертные советы по основным направлениям науки и техники.

В 1987 году по состоянию здоровья Виктор Григорьевич был вынужден уйти на пенсию. Он вернулся в МИФИ, где еще долгие годы работал профессором-консультантом, продолжал активную научную деятельность, готовил кандидатов и докторов наук, пополнял список научных работ, который превысил 200 наименований, возглавлял Совет ветеранов МИФИ, одновременно был заместителем председателя Совета ветеранов 1-й ударной армии. И ни на день не прерываясь, продолжал научную деятельность. В 1992 году удостоен медали Российской академии наук имени П.Л. Капицы. В 2000 году ему была присуждена премия Президента РФ в области образования. В 2004 году международный библиографический центр при Кембриджском университете наградил Виктора Григо-

рьевича Кириллова-Угрюмова Почетной медалью, Почетным дипломом и внес его имя в книгу «Выдающиеся ученые мира XX века».

В 2004 году В.Г. Кириллов-Угрюмов стал инициатором создания домового православного храма при МИФИ во имя Смоленской иконы Божией Матери. На вопрос, почему было выбрано такое посвящение православному храму в МИФИ, он отвечал, что ему известно, что Игорь Васильевич Курчатов молился перед иконой Смоленской Божией Матери в московском Новодевичьем монастыре накануне первого испытания атомной бомбы в СССР.

Умер Виктор Григорьевич 6 ноября 2007 года после тяжелой и продолжительной болезни. Похоронен на Введенском кладбище г. Москвы.

В 2009 году в честь 85-летия Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова на стене главного корпуса МИФИ была установлена бронзовая мемориальная доска.

Заслуженный деятель науки РСФСР Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и восемнадцатью медалями, а также получил 25 правительственных наград, медаль имени П.Л. Капицы от Российской академии наук (1992) и был лауреат Премии президента в области образования. Научные интересы В.Г. Кириллова-Угрюмова касались области космических лучей и физики элементарных частиц, по этой тематике он имел более двухсот печатных работ. В 1977 году Государственный комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР признал работу группы сотрудников МИФИ под руководством В.Г. Кириллова-Угрюмова «Обнаружение свободного мюноклонного атома» открытием.

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕТРУХИН Анатолий Афанасьевич

Окончил МИФИ в 1959 году. В 1961–1964 годах обучался в аспирантуре, в 1965 защитил кандидатскую диссертацию, а в 1974 году – докторскую. С 1977 года профессор, читал курсы лекций по ядерной физике, физике нейтрино, неускорительной физике. С 2014 года – главный научный сотрудник. С 1962 по 1988 год руководитель Мюонной лаборатории кафедры № 7, которая размещалась в старом здании МИФИ на ул. Кирова, 21. С 1988 года руководитель Экспериментального комплекса НЕВОД (учебно-исследовательского центра), переименованного в 2014 году в Научно-образовательный центр НЕВОД.

НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ СУДЬБЫ

*Дни работы жаркие,
На бои похожие,
В жизни парня сделали
Поворот крутой...*

Практически вся жизнь Виктора Григорьевича была связана с МИФИ и может быть описана в двух строках: студент, аспирант, старший инженер, старший преподаватель, декан, директор, ректор, заведующий кафедрой, профессор-консультант, председатель совета ветеранов. Вне МИФИ он занимал всего лишь две должности: председатель Совета ректоров вузов г. Москвы и председатель Высшей аттестационной комиссии СССР. Но и в эти периоды он не уходил из МИФИ и принимал активное участие в его жизни и развитии научных исследований.

За этим сухим перечнем должностей и областей деятельности Виктора Григорьевича скрывается целая жизнь неординарного человека, которому судьба приготовила множество крутых поворотов и испытаний.

В 17 лет (22 июня 1941 года) он добровольцем ушел на фронт и в битве под Москвой был тяжело ранен в руку, которую так и не удалось полностью восстановить.

Распростившись с мечтой о военной службе, он в 1943 году поступил в МИФИ (тогда еще ММИ), затем стал аспирантом, в 1953 году защитил кандидатскую диссертацию и сразу же

(в 29 лет!) был назначен деканом факультета № 3, в дальнейшем теоретической и экспериментальной физики.

Весной 1959 года, в возрасте 35 лет (!), Виктор Григорьевич был назначен директором, а затем ректором МИФИ. Он стал самым молодым ректором московских вузов.

В декабре 1962 года ему пришлось перенести страшный удар. В соответствии с распоряжением Н.С. Хрущева здание МИФИ на ул. Кирова, 21 было фактически разгромлено, а все вещи и оборудование выброшены во внутренний двор. Новый комплекс МИФИ на Каширском шоссе только начинал строиться и переезжать было некуда. Можно представить состояние ректора в этот период.

Какой же силой воли должен обладать человек, чтобы в такое тяжелое время закончить начатую ранее научную работу и блестяще защитить докторскую диссертацию (1965 году)!

Следующий крутой поворот случился в 1972 году, когда Виктор Григорьевич был назначен председателем нового органа – Совета ректоров вузов г. Москвы, в который входили хорошо известные и, на первый взгляд, более достойные ректоры крупнейших московских вузов (МГУ, МВТУ, МАИ, МЭИ и др.). Виктор Григорьевич блестяще выдержал и это испытание.

И уж совершенно неожиданным для всей научно-педагогической общественности страны, хотя, возможно, и закономерным для линии жизни Виктора Григорьевича, стало его назначение в 1974 году председателем Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР – нового межведомственного органа аттестации научно-педагогических кадров.

Последний крутой поворот в судьбе Виктора Григорьевича случился в 1987 году, когда он также неожиданно был отстранен от должности Председателя ВАК СССР.

С Виктором Григорьевичем я начал работать в 1959 году, когда он уже был ректором МИФИ, и все последующие крутые повороты в его судьбе проходили на моих глазах. Конечно, сегодня многое забылось, а дневников я никогда не вел, но самые яркие события, повлиявшие на дальнейшую судьбу Виктора Григорьевича, а также в некоторых случаях и на мою судьбу, остались в моей памяти. Естественно, помимо тяжелых драматических событий, за эти годы были и веселые, забавные происшествия.

В своих воспоминаниях я хотел бы остановиться на тех событиях, участником которых мне довелось быть. Учитывая, что крутые повороты в жизни Виктора Григорьевича были тесно связаны с определенными местами г. Москвы, мои воспоминания привязаны к адресам этих событий.

Улица Кирова, 21

Впервые я услышал фамилию Кириллова-Угрюмова, когда стал студентом третьего факультета МИФИ, деканом которого был Виктор Григорьевич. Однако общаться с ним, пока я был студентом, мне не пришлось, так как причин для этого не было. Учился я хорошо, и в деканат меня не вызывали. А все оргвопросы решал наш староста, который и осуществлял связь с деканатом. Так что за время обучения я видел Виктора Григорьевича лишь несколько раз на различных собраниях.

Ситуация изменилась после защиты диплома. В это время готовилось Постановление Совета Министров об организации в ведущих вузах проблемных лабораторий для проведения фундаментальных исследований, под которые выделялись специальные штатные единицы и соответствующее финансирование. Дело в том, что до этого вузы могли получать финансирование НИР только по договорам с различными организациями. Естественно, эти работы носили, в основном, прикладной характер и были ограничены жесткими сроками и, как правило, небольшим количеством привлекаемых работников вузов. Поэтому создание проблемных лабораторий было призвано изменить эту ситуацию, существенно расширить использование научного потенциала вузов путем привлечения к работе таких лабораторий преподавателей, аспирантов и студентов.

В МИФИ планировалось создание нескольких проблемных лабораторий, в том числе проблемной лаборатории «Физика частиц высоких энергий», научным руководителем которой являлся Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, ставший к тому времени ректором МИФИ. Для создания этой лаборатории требовались молодые кадры и я был одним из тех, кого пригласили для работы в ней.

Но Постановление еще не вышло, обещанные штаты не были выделены, и Виктор Григорьевич предложил мне поучаствовать в

создании мюонного годоскопа для павильона «Атомная энергия» на ВДНХ. Это был период, когда атомная энергия была у всех на слуху: атомные реакторы, атомные ледоколы, атомные подводные лодки, и посетителей в этом павильоне всегда было много. Но, к сожалению, в экспозиции были только плакаты, схемы, фотографии и некоторые макеты. Поэтому Государственный комитет по атомной энергии (ГКАЭ) поручил МИФИ создать действующий прибор, который бы наглядно показывал, как регистрируются невидимые глазом частицы. Выбор пал на мюонный годоскоп, в котором были бы видны треки проходящих через него мюонов, составляющих подавляющую часть космических лучей на поверхности Земли. Так началась моя первая работа с мюонами, которая продолжается до сих пор.

В создании мюонного годоскопа я принимал участие вместе с Борисом Анатольевичем Долгошеиным и другими сотрудниками кафедры экспериментальной ядерной физики (№ 7). Так как мы готовили выставочный экземпляр, необходимо было его сделать не только качественно, но и красиво. Виктор Григорьевич посоветовал связаться с Промышленным художественным училищем. Он позволил ректору, я к нему подъехал, и он выделил для этой работы промышленного художника по фамилии Вздыхалкин, который и придал нашему годоскопу красивую технологичную форму. Созданный прибор заказчику понравился и был установлен в павильоне «Атомная энергия» на ВДНХ, а Виктор Григорьевич получил благодарность от руководства ГКАЭ.

Как долго мюонный годоскоп проработал на ВДНХ, я не знаю, так как был целиком поглощен другим более масштабным заданием. В конце января 1961 года Виктор Григорьевич пригласил меня к себе в кабинет и как всегда немногословно изложил суть новой работы. Он сообщил, что в НИИЯФ МГУ разработан новый прибор – ионизационный калориметр – для измерения энергии каскадных ливней, образуемых адронным компонентом космических лучей. По этой причине калориметр должен работать на научной станции на горе Арагац, принадлежащей Ереванскому физическому институту, директором которого был Артем Исаакович Алиханьян, в течение многих лет возглавлявший кафедру № 7.

Виктор Григорьевич предложил использовать ионизационный калориметр для изучения каскадных ливней, образуемых мюонами высоких энергий для решения различных задач по исследованию мюонного компонента космических лучей, в частности процессов генерации и взаимодействия мюонов. Я съездил в НИИЯФ МГУ, встретился с Наумом Леонидовичем Григоровым, узнал от него много интересного, а также то, что все экспериментальное оборудование уже находится на горной станции. Так я в первый раз попал в горы на высоту 3300 метров.

Ознакомление с ионизационным калориметром, который работал на горе Арагац, показало, что никакого готового прибора, который можно было бы использовать для решения различных задач, не существовало. И для каждой новой задачи необходимо создавать свой ионизационный калориметр, несмотря на простоту его конструкции. Ионизационный калориметр состоит из последовательных слоев ионизационных камер и слоев поглотителя (железа, свинца или другого вещества), толщина которого определяется характером решаемой задачи. К тому же в калориметре на Арагаце использовались круглые цилиндрические ионизационные камеры, в которых пробег частицы, и, соответственно, электрический сигнал, создаваемый ею, зависел от места ее прохождения через ионизационную камеру, что создавало дополнительные трудности при интерпретации результатов измерений. Конечно, лучше использовать прямоугольные цилиндрические камеры, в которых пробег всех частиц одинаковый, но для этого нужны были волноводы – продукт дефицитный.

Вернувшись из командировки, я все рассказал Виктору Григорьевичу. Он сразу понял проблему. В те времена вся мало-мальски ценная продукция: оборудование, товары, материалы и т.п., распределялась Госпланом СССР по министерствам и ведомствам под реализацию конкретных задач и проектов. Естественно, оставался некий резерв на непредвиденные работы (н/р), но его размер был очень небольшим. Поэтому Виктор Григорьевич позвонил первому заместителю председателя ГКАЭ с просьбой помочь. Он пригласил нас к себе, выслушал объяснения, зачем нам это надо. Задача поиска возможных отклонений от квантовой электродинамики в процессе рассеяния мюонов на электронах ему понравилась, и он рас-

порядился выдать нам н/р-ский наряд (с красной полосой) на Кольчугинский завод, производивший волноводы.

Аналогичным образом была решена и проблема изготовления из волноводов ионизационных камер. В те времена в Москве существовал завод «Физприбор», который по заявкам научных организаций изготавливал физическую аппаратуру с требуемыми характеристиками. Наличие такого завода сильно упрощало и ускоряло создание различных экспериментальных устройств. Естественно, завод пользовался популярностью и постоянно был загружен. Виктору Григорьевичу удалось получить в Министерстве приборостроения, которому принадлежал завод «Физприбор», н/р-ский наряд на изготовление ионизационных камер и необходимой электроники для ионизационного калориметра МИФИ. В результате осенью 1962 года основное оборудование и необходимые материалы были получены и встал вопрос о помещении для нового ионизационного калориметра.

Описываемый период совпал с началом строительства нового комплекса МИФИ на Каширском шоссе. И к осени 1962 года был готов главный корпус и некоторые другие помещения, в том числе для лабораторий кафедры «Сопротивление материалов» со специальным оборудованием высотой до 4–5 метров, для размещения которого требовалось двухсветное помещение. На улице Кирова, 21 это оборудование находилось в большом круглом зале площадью порядка 100 кв. м и высотой около 7 м. После переезда кафедры сопромата на Каширское шоссе это помещение было передано нам для размещения ионизационного калориметра, высота которого превышала 4 м.

15 октября 1962 года в это помещение были внесены первые ионизационные камеры и детали конструкции ионизационного калориметра. За полтора месяца был создан бетонный фундамент, смонтирована поддерживающая ферма, завезено 40 тонн железного поглотителя, смонтированы стойки для размещения электронных блоков и проведены другие работы, необходимые для сборки ионизационного калориметра, начало которой было запланировано на понедельник 3 декабря 1962 года.

Но утром 3 декабря ректору МИФИ Кириллову-Угрюмову пришлось предписание на основе распоряжения Совета Министров, под-

писанного лично Н.С. Хрущевым, в пятидневный срок освободить помещения на ул. Кирова, 21 и переехать в частично готовые здания на Каширском шоссе.

А дело было в том, что совместным постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 27 октября 1962 года был создан Комитет партийно-государственного контроля. Для его размещения потребовалось здание в центре Москвы. Его нашли, выселив оттуда подразделения менее значимого министерства, которые тоже надо было куда-то перемещать. И так цепочка дотянулась до Управления приборостроения Мосгоссовнархоза (совнархозы были созданы Н.С. Хрущевым для замены отраслевой системы управления региональной. Позже они были упразднены). При обсуждении вопроса, куда переместить это управление, какой-то доброжелатель сказал, что на ул. Кирова, 21 есть хорошее здание, занимаемое МИФИ, для которого государством построены новые корпуса на Каширском шоссе, но МИФИ не торопится туда переезжать и надо его подтолкнуть. И это предложение было включено в распоряжение, подписанное Н.С. Хрущевым. Естественно, не выполнить такое распоряжение в те годы было невозможно.

Можете представить себе задачу, возникшую перед молодым ректором! Собрать, упаковать и перевезти все имущество, документы и оборудование лабораторий, которые еще необходимо было демонтировать, в пятидневный срок, было ни практически, ни теоретически невозможно. Конечно, кое-что успели вывезти, но далеко не все. Все попытки добиться отсрочки выполнения распоряжения успеха не имели, хотя в МИФИ несколько раз приезжал заместитель председателя Совета Министров СССР, который мог оценить реальную обстановку.

Поэтому на пятый день установленного срока освобождения здания, когда стало ясно, что оно не будет освобождено, к зданию подъехали автобусы, из которых высыпали молодые солдаты, роты две, если не больше, под командованием майора. Когда солдаты построились, он им скомандовал: «Повзводно, рассредоточиться по этажам и очистить помещения. Вещи выкидывать во внутренний двор». И началось. Представьте себе молодых ребят, засидевшихся в казарме, а тут такая веселуха. Хотя это казалось невозможным, но

к вечеру все помещения были освобождены! А во внутреннем дворе возвышалась гора из мебели, приборов и другого имущества высотой до четвертого этажа. Так по приказу известного реформатора нашей страны была ликвидирована часть МИФИ, размещавшаяся на ул. Кирова, 21.

Но не вся! Когда началась вакханалия, связанная с переездом, и в здание пришли представители Управления приборостроения, чтобы распределить переходящие к ним помещения, мы забаррикадировали дверь и начали... собирать ионизационный калориметр! Вход в нашу лабораторию был только один, через буфет для студентов и преподавателей. Буфет он и есть буфет, и представители въезжающей организации им особо не интересовались, а то, что через него есть вход в другое помещение, никто не догадывался. А мы тщательно следили за дверью. Ее приходилось открывать, так как необходимо было занести оставшиеся материалы и оборудование, которые находились в других помещениях.

И в какой-то момент я вдруг вижу, что через незакрытую кем-то дверь входит какой-то мужчина в пыжиковой шапке. А проход у нас был низкий, и ходить приходилось согнувшись. Так вот он вошел, разогнулся и увидел огромный зал, поднял голову, чтобы посмотреть наверх и.... Как потом он сам рассказывал, а это был представитель Совнархоза, даже не Управления приборостроения, а более высокого уровня: «Заглянув в буфет, я увидел дверь, которая была открыта, за ней узкий проход с низким потолком, а когда я вошел, увидел огромный зал с очень высоким потолком. Я поднял голову, чтобы посмотреть и... почувствовал, что я лечу... и оказался снова в буфете, а дверь была закрыта. Я даже подумал, что мне это привиделось». А дело было так: когда я увидел этого человека, двое наших лаборантов, недавно вернувшихся из армии – здоровые ребята – взяли его под руки и вынесли его обратно в буфет, закрыв за собой дверь.

А события тем временем развивались следующим образом, мне о них рассказал Виктор Григорьевич. У него в кабинете проходили многочисленные совещания с участием не только руководства МИФИ, но и представителей Минвуза, Минсредмаша (ныне Росатом) и некоторых других министерств и ведомств, в которые распределялись выпускники МИФИ. Задача была простая – получить

отсрочку для переезда. Но ничего не получилось. Во-первых никто, даже руководители таких весомых министерств, как средмаша и обороны, не рискнули перечить Хрущеву по такому, на их взгляд, незначительному поводу. Во-вторых, все понимали, что задержка освобождения здания на ул. Кирова задержит всю цепочку запланированных перемещений, так как МИФИ было куда переезжать, а остальные ждали освобождения предназначенных им помещений.

Поэтому дискуссия перетекла в другую плоскость. В постановлении был указан размер площадей, которые должен освободить МИФИ, что-то порядка 5,5 тыс. кв. м. Поэтажные планы помещений, которые к тому же неоднократно перестраивались, у различных организаций оказались разными и дело дошло до измерений помещений, ходили с рулеткой. В конце концов насчитали необходимые квадратные метры и кое-что можно было оставить МИФИ. Виктор Григорьевич настаивал, чтобы осталась кафедра № 7, которой некуда было переезжать, так как корпус «Э» на Каширском шоссе только начинал строиться, и наша Мюонная лаборатория, в которой создавалась уникальная научная установка. Против сохранения на 2–3 года кафедры № 7, которая занимала полуподвальное помещение в самом конце здания, никто особенно не возражал. А вот лишиться большого зала в самом центре здания, да к тому же на совершенно неопределенное время, совнархозные представители никак не соглашались, хотя по квадратным метрам и без этого зала распоряжение Хрущева выполнялось. Наш ректор твердо стоял на своем и в конце концов зам. председателя Совета Министров решил сам посмотреть на этот зал и на установку.

Мне позвонили из ректората и сообщили о визите. Мы открыли дверь, вошли двое: наш проректор по науке Виталий Васильевич Фролов и зампред. Я подошел к ним, и Фролов попросил меня рассказать, что здесь делается и с какой целью. Я сообщил, что это будет новая научная установка, единственная в мире для исследования горизонтального потока мюонов космических лучей высоких энергий и т.п. По моему мнению, из всего, что я сказал, зампред понял только два знакомых ему слова: космические и энергия, так как это был период, когда слова космос и атомная энергия знали практически все.

А в это время ребята продолжали собирать калориметр. А надо сказать, что ионизационные камеры, сделанные из волноводов, были оранжево-красного цвета. И показывая на них, зампред спросил: «А это что, стержни?». Я быстро сообразил, что единственно правильным ответом будет: «Да, это стержни». Он удовлетворенно кивнул и, обращаясь к Фролову, спросил: «Они, что, ее разбирают?». Затюканный происходящим Фролов повернулся ко мне и переспросил: «Они, что, ее разбирают?». Я твердо ответил: «Нет, они ее собирают!» Фролов, повернувшись к зампреду, повторяет: «Нет, они ее собирают!» Зампред удивленно смотрит на Фролова, до которого доходит, что он сказал, и они оба поворачиваются и смотрят на меня. До этого зампред на меня даже не взглянул ни разу. Я твердо им повторяю: «Они ее собирают!». Такого удивления на лицах я больше никогда не видел. Еще бы, распоряжение подписано Хрущевым, а они ее собирают. Ничего больше не сказав, оба визитера удалились.

Как потом рассказал Виктор Григорьевич, именно этот зампред решил нашу судьбу. На последнем совещании, которое проходило уже после разгрома здания солдатами, где-то в первом часу ночи решался наш вопрос. Один фрагмент из этого совещания.

Представитель совнархоза: «Их нельзя оставлять, так как вход в лабораторию через буфет, и они будут ходить через него в своих радиоактивных халатах».

Виктор Григорьевич: «Во-первых, там никакой радиоактивности нет и не будет, а во-вторых, там имеется вход с улицы, а проход через буфет можно вообще заделать».

Представитель совнархоза не унимается: «Но там нет даже туалета, они все равно будут к нам ходить».

Виктор Григорьевич: «Ничего, там работают одни мужики, в раковину пописают».

Как рассказывали другие очевидцы, присутствовавшие на этом заседании, такого взрыва смеха редко услышишь.

Да, можно себе представить: пять дней совместных заседаний, ругани, обвинений в невыполнении решения правительства и т.п., вдруг взрыв хохота и ситуация как-то сразу изменилась. Слово взял зампред Совета Министров, который сказал примерно следующее: «На все вопросы мы получили ответы, я там был, работают ребята

серьезные, пусть остаются. Время позднее, все вопросы решены, давайте на этом закончим». Так мы и остались на ул. Кирова, 21, где Мюонная лаборатория просуществовала 26 лет до 1988 года, когда в период правления другого реформатора М.С. Горбачева нас все-таки вынудили освободить это помещение.

Ну, а для Виктора Григорьевича это был последний день его работы в ректорском кабинете на ул. Кирова, 21. Впоследствии он появлялся в этом здании на кафедре № 7, пока она не переехала на Каширское шоссе, и у нас в Мюонной лаборатории. Особо мне запомнились два эпизода. Первый, когда мы собрали ионизационный калориметр и он начал регистрировать каскадные ливни. Виктор Григорьевич пришел вместе с Исаем Исидоровичем Гуревичем, членом-корреспондентом РАН, профессором кафедры № 7. Ознакомившись с установкой и первыми результатами, Гуревич сказал: «Анатолий, вы знаете, как я вам завидую?». Виктор Григорьевич обращается к нему: «Это он Вам должен завидовать, Вы известный ученый, член-корреспондент РАН, а он – аспирант». «Нет, – ответил Гуревич, – это мы должны ему завидовать, у него сейчас самое интересное, создана установка, начинаются исследования, пойдет обработка и осмысление результатов, публикация статей». Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

Второй эпизод связан с Новым годом, который мы отмечали 25 декабря. Так как у нас был отдельный вход, то нам было все равно, какой это день недели – рабочий или выходной. На это празднество мы приглашали наших коллег с Каширского шоссе. Раз два – три на Новый год к нам заезжал и Виктор Григорьевич. Однажды он приехал вместе с дочкой Татьяной и принес нам бутылку джина Gordon, привезенного из заграничной командировки. В советское время это была диковинка. Он пояснил нам, что джин пьют с тоником, но бутылка джина была 0,5 л, а бутылочка тоника 0,2 л, так что попробовать напиток в настоящей пропорции нам не удалось.

Каширское шоссе, 31

После переезда ректора и значительной части МИФИ на Каширское шоссе (у института оставались еще здания на Малой Пионерской в районе метро «Павелецкая» и на ул. Усиевича, метро «Сокол») мои встречи с Виктором Григорьевичем стали более редкими.

Над ним висел груз проблем, связанных с продолжением строительства комплекса МИФИ на Каширском шоссе, включая новые общежития, с переездом подразделений в новые корпуса, с организацией учебного процесса в этих сложных условиях. Достаточно упомянуть лишь проблему транспорта. Это сейчас Каширское шоссе имеет по четыре полосы движения в каждую сторону, а в те времена это была узкая булыжная мостовая, по которой несколько раз в день ходил автобус от Площади Революции до Горок Ленинских. И важным событием стало открытие регулярных автобусных маршрутов № 150 от станции метро «Добрынинская» и № 94 от станции «Автозаводская».

Очень сложной была ситуация с общежитиями, которые строились в чистом поле. Мне приходилось ходить в первый построенный корпус общежития. К нему вела специально проложенная узкая деревянная дорожка и в весеннюю (осеннюю) распутицу при любом неверном шаге чуть влево или вправо ноги почти по колено проваливались в грязь.

Вряд ли кто-нибудь, не переживший подобной ситуации, может себе представить, какая нагрузка и административно-организационная, и особенно морально-психологическая легла на плечи ректора! В первые недели после переезда на Каширское шоссе у него даже кабинета не было. Он сидел в обычной комнате (~ 20 кв. м) на первом этаже главного корпуса, в которой был небольшой письменный стол и несколько стульев. Ни приемной, ни секретаря, вход свободный. Но насколько Виктор Григорьевич был сильным, целеустремленным человеком свидетельствует то, что в этот архисложный период его жизни он находил силы и время, чтобы закончить написание докторской диссертации, над которой он начал работать еще до описываемых событий. Ее защита состоялась в 1965 году в Объединенном институте ядерных исследований в г. Дубна. Как ректор МИФИ, он не мог защищаться в диссертационном совете, созданном в нашем институте.

Естественно, мы – его коллеги по научным работам, результаты которых были использованы в диссертации, поехали в Дубну для участия в защите. Сама защита прошла достаточно стандартно, без каких-либо запоминающихся моментов. Оппоненты дали положительные оценки диссертации, отметив лишь некоторые незначи-

тельные недостатки в ее тексте. Выступившие члены диссертационного совета также поддержали предложение о присуждении В.Г. Кириллову-Угрюмову ученой степени доктора физико-математических наук.

Более интересным стало последовавшее за этим событие. Чтобы отметить присуждение ученой степени, в ресторанчике Дома ученых ОИЯИ был организован товарищеский ужин. Это был действительно ужин, а не банкет в классическом смысле этого слова. Был накрыт стол на 12–15 человек, а за остальными столиками сидели члены Дома ученых (в ресторан пускали только по членским билетам), пришедшие поужинать или встретиться друг с другом.

За нашим столом сидели сотрудники ОИЯИ, из которых я мало кого знал. Наиболее важным был Венедикт Петрович Джелепов – директор лаборатории ядерных проблем. Ну и мы – несколько сотрудников МИФИ. Начало ужина было стандартным для такого повода. Выпили за Виктора Григорьевича, его успешную защиту, за науку и т.п. И в тот момент, когда возникла пауза перед очередным тостом, в зал вошли двое мужчин и с ними очень красивая, ярко и модно одетая молодая женщина. Они сели за столик в углу и что-то заказали официанту. Судя по взглядам, которые бросали на эту женщину не только мужчины, сидевшие за нашим столом, но и практически все находившиеся в зале, эту женщину никто раньше не видел.

В этот момент кто-то обратил внимание, что за нашим столом сидят только мужчины и неплохо было бы украсить его присутствием красивой женщины. И немедленно (а выпито к этому времени было уже за пять или шесть тостов) появляется следующая идея – пригласить именно эту женщину. После недолгой дискуссии Венедикт Петрович и Виктор Григорьевич решают, что это должен сделать самый молодой из присутствующих, т.е. я. Все смотрят на меня, предлагая встать и пойти. Расстояние метров 10–15, не больше. В голове вихрем пробегают мысли, что сказать и как сказать, чтобы не послали куда подальше.

Подхожу и говорю: «Добрый вечер, извините, но у меня к Вам есть предложение... можно я присяду» (четвертый стул у них был свободный). «Пожалуйста», – отвечает один из мужчин. Я сажусь, второй мужчина пододвигает мне какую-то рюмку и что-то в нее

наливает и говорит: «Коль Вы наш гость – давайте выпьем». Мы чокнулись и выпили. А как известно, после совместной выпивки люди, если и не становятся сразу друзьями, то по крайней мере уже ближе друг к другу. «Мы Вас слушаем», – произнес первый мужчина.

Чтобы быть убедительным, решил не хитрить и ничего не придумывать. «Видите, за тем большим столом сидит мужская компания. Мы отмечаем успешную защиту человека, который сидит в торце стола. Это ректор МИФИ – Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Все сидящие за столом единогласно решили, что нам для полного счастья не хватает молодой красивой женщины за нашим столом. И от имени всех ученых, сидящих за тем столом, я обращаюсь к Вам (смотрю на мужчин) с просьбой разрешить Вашей даме поучаствовать в этом праздновании и провести несколько минут за нашим столом». После этих слов я посмотрел на женщину. Мужчины сделали то же самое – «Ты не возражаешь?», – спросили они. «Я согласна помочь», – ответила она. Я поблагодарил всех, пообещал вернуть даму в целости и сохранности, и мы отправились к нашему столу.

Трудно описать, что происходило, когда мы подошли. Большинство сидевших вскочило и стало предлагать место этой даме рядом с собой. В конце концов ее усадили рядом с виновником торжества. Виктор Григорьевич оживился, стал предлагать тост за нее, но она возразила и сказала, что сначала хочет поздравить его с успешной защитой диссертации. (Она оказалась представительницей одной из соцстран, входящих в международный институт, если не ошибаюсь Чехословакии, и хорошо говорила по-русски.) С ее появлением атмосфера за столом существенно изменилась, тосты сыпались один за другим и почти все вызывали смех, а то и хохот присутствующих.

Я сказал Виктору Григорьевичу, что пора возвращать девушку, но он поднялся со своего места и громко через весь зал, обратился к двум мужчинам, продолжавшим сидеть за столиком в углу зала, и пригласил их к нашему столу. Те переглянулись, встали и пошли к нашему столу. Мы потеснились, официанты принесли еще два стула, тарелки и приборы. Все уместилось и веселье продолжилось.

Кто-то из присутствующих знал этих мужчин, завязались разговоры, шутки и веселые истории сыпались как из рога изобилия.

Когда мы веселые и уставшие возвращались в гостиницу, Виктор Григорьевич сказал: «Защита удалась!».

К концу 60-х годов основные мероприятия, связанные с перебазированием МИФИ на новую территорию, были успешно завершены и мифическая жизнь вошла в свою колею. Одновременно происходили и другие изменения. МИФИ становился более открытым, поэтому у сотрудников МИФИ, не связанных напрямую с закрытыми работами, появилась возможность участвовать в международных конференциях, проходящих за границей. О двух таких конференциях, в которых мне посчастливилось участвовать вместе с Виктором Григорьевичем, я хочу кое-что рассказать.

Международные конференции по космическим лучам проводятся раз в два года, начиная с 1947 года. В этих конференциях участвуют ученые из всех стран, в которых проводятся исследования космических лучей. Программа конференций охватывает все аспекты, связанные с их изучением: происхождение космических лучей, их распространение во Вселенной, включая нашу Галактику, прохождение через гелиосферу, магнитосферу и атмосферу Земли и возникающие при этом наблюдаемые эффекты, а также методы и аппаратуру для таких исследований.

Первая международная конференция по космическим лучам (11-я по счету), на которой мне удалось побывать, проходила в Будапеште в 1969 году. Так как конференция проходила в социалистической стране, то в ней участвовало несколько десятков ученых из СССР. А вот следующая (12-я) проходила в Австралии, в г. Хобарте, на острове Тасмания в 1971 г. Во-первых, это довольно далеко от Москвы и, соответственно, очень дорогая поездка, а во-вторых, это капиталистическая страна. Поэтому от СССР в ней участвовало всего восемь человек: три представителя академических институтов, по одному представителю от Армении и Грузии. В делегацию Минвуза кроме нас входила Ирина Вячеславовна Ракобольская – декан факультета повышения квалификации Московского университета, которая в период Великой Отечественной войны была начальником штаба легендарного авиационного полка «Ночные ведьмы».

Конференция прошла для нас успешно, наши доклады вызвали интерес и были опубликованы в трудах конференции. В настоящее время нет большого смысла обсуждать научные итоги конференции, прошедшей свыше 50 лет тому назад, лучше вспомнить о некоторых событиях в период этой конференции, о которых мало кому известно.

Конференция по количеству участников была небольшая – всего около 200 участников, по сравнению с нынешними конференциями, в которых число участников превышает 1000 человек. Поэтому два организатора этой конференции, оба по фамилии Фентон (A.G. Fenton – председатель Оргкомитета и K.B. Fenton – ответственный секретарь), решили пригласить всех участников в свои дома на вечеринки с коктейлями. Все участники были разбиты на группы по 10–12 человек, которые по очереди приглашались в их дома. При этом группы формировались из ученых разных стран так, чтобы в каждой было не более двух представителей из одной страны. Нам с Виктором Григорьевичем повезло. Когда мы получили приглашения, то выяснилось, что мы идем в одно и то же время к одному и тому же Фентону.

Естественно, в первые дни были приглашены наши академики: Г.Т. Зацепин и А.Е. Чудаков (они были в разных группах и в разные даты). Когда на следующий день мы их спросили, что происходило на этих вечеринках, они рассказали, что оказались в компании совершенно незнакомых ученых из различных стран, к тому же занимающихся разными областями физики космических лучей. Всем налили по бокалу напитка (по желанию). Общего разговора не получилось, хозяин после нескольких приветственных слов вообще исчез. Короче говоря, получалась довольно бессмысленная трата времени.

Когда настал наш день, мы с Виктором Григорьевичем договорились: пойдем, выпьем по бокалу, закусим тем, что будет на столе, и тихо, по-английски, уйдем. Но нам повезло, в нашей группе оказались несколько знакомых участников конференции из различных стран, с которыми я познакомился на предыдущей конференции в Будапеште, из Англии, из США, из Германии, и С. Мияке – директор Института космических лучей Токийского университета (Япония). Увидев друг друга, мы обрадовались, заулыбались и, когда хозяин –

один из Фентонов – сказал первый тост, пожелав нам весело провести вечер и дальнейшего активного участия в конференции, дружно чокнулись, выпили и пошли к «бармену» – человеку, который разливал напитки, за второй порцией. Наша активность понравилась другим участникам и за второй тост чокнулись уже все участники. К тому же один из них, по-моему из Франции, знакомый с работами Виктора Григорьевича, начал его расспрашивать о каких-то деталях. Так как оба владели английским не в совершенстве, то плохо понимали друг друга, и тогда им на помощь пришел англичанин, который после дополнительных расспросов, корректно формулировал вопросы и ответы на прекрасном английском языке. Затем к ним присоединился еще кто-то. В общем, атмосфера вечера была веселая, дружеская, звучали тосты и запасы напитков стали быстро уменьшаться. Оценив ситуацию, хозяева приняли не самое лучшее решение – убрали «бармена».

Когда бокалы у всех участников оказались пустыми, а наливать было некому, появилась идея всем присутствующим исполнять роль бармена по очереди. Открытые бутылки быстро закончились, стали открывать новые, благо в комнате, где проходил прием, их было много... Когда на следующий день к этому Фентону была приглашена очередная группа, то, со слов ее участников, на столе стояли четыре или пять бутылок и никаких других емкостей не было видно.

Другой интересный эпизод связан с нашим отъездом из Хобарта. Конечно, у нас были билеты на весь маршрут, но, так как мы летели с несколькими пересадками, то бронирование мест было сделано только на путь «туда», а «обратно» мы должны были это делать сами. Из Хобарта в ближайший город на материке – Мельбурн – ежедневно вылетали два рейса в 7:00 и в 11:00. Учитывая, что аэродром находится довольно далеко от города, расположенного в горной местности, и время в пути составляло 1,5–2 часа, естественно, участники конференции бронировали места на 11-часовой рейс. Так как наша делегация, как обычно, прибыла впритык к началу конференции, то все места на этот рейс были раскуплены.

Вставать в три часа ночи, чтобы успеть на самолет, никому не хотелось, да к тому же накануне отъезда был запланирован Conference Dinner, так что лечь пораньше также было проблематично. Мы

с Виктором Григорьевичем отправились в комнату, которая на время конференции была предоставлена представителям разных компаний, обеспечивающих участников конференции транспортными и другими услугами. Подойдя к представителю авиакомпании, мы подарили ему бутылку «Столичной», которой он очень обрадовался, и объяснили нашу проблему. Он ответил, что места все заняты и у него в листе ожидания записано уже шесть человек. Тогда я достал из портфеля еще одну бутылку и вручил ему. После этого он помолчал и не очень уверенно сказал, что он постарается что-нибудь придумать.

В течение нескольких дней, практически каждый день, мы заходили в эту комнату, но он отрицательно покачивал головой. И вот наконец, когда до отъезда оставалось два дня, при очередном нашем визите, он приветливо помахал нам рукой – заходите. И, когда мы подошли, сообщил, что ему удалось организовать для нас специальный рейс, который также отправляется в 11:00. Мы, конечно, очень обрадовались и искренне благодарили его.

Как потом выяснилось, это был небольшой самолет, человек на двадцать, который оказался полностью забит пассажирами. Так как, кроме нас, были еще желающие улететь в это время, то авиакомпания решила организовать дополнительный рейс. Но на этом история не закончилась. Когда мы прибыли в аэропорт, то увидели длинную очередь, в которой стояли все участники конференции, которые улетали в этот день.

Причина была в том, что в августе 1971 года США отказались от золотого стандарта доллара, чем вызвали его практическую девальвацию на ~10 %. Это случилось как раз 16 августа, в день начала конференции (она проходила с 16 по 25 августа). Естественно, все авиабилеты, в том числе и обратные, были куплены до этого события и авиакомпания потребовала доплатить за обратные билеты. А мы гордо прошли мимо длинной очереди со словами «Советская валюта – самая крепкая в мире» к нашему маленькому самолету. С нас не потребовали доплаты, так как билеты были оплачены советскими рублями!

Но самолет наш был небольшой, летел не быстро, и большой реактивный лайнер, несмотря на задержку вылета, успел нас обогнать и приземлиться раньше. А дело было в том, что Мельбурн

был промежуточной посадкой, дальше все летели в Сидней, в том числе и мы. Места были забронированы, поэтому самолет ждал нас. Когда мы приземлились, у трапа ждал аэродромный автобус, нас посадили и подвезли к трапу самолета, вылетавшего в Сидней. В самолете также было много участников конференции и они видели, как к трапу лихо подкатил автобус, из которого вышли советские участники, поднялись в салон, дверь захлопнулась и самолет отправился на взлетную полосу.

Следующая конференция, в которой я участвовал вместе с Виктором Григорьевичем, проходила в Денвере (США) в 1973 году. Эта поездка также была связана с некоторыми приключениями, которые начались еще в Москве. Дело в том, что в Советском Союзе для заграникомандировки необходимо было иметь две визы: въездную, которую давало посольство (или консульство) страны, в которую вы направляетесь, и выездная, которую давала специальная комиссия при ЦК КПСС. И если заграничные визы оформлялись заранее, то выездные визы проставлялись в паспорте накануне, в лучшем случае за 2–3 дня до поездки.

Обычно делегаты международных конференций собирались накануне в ведомстве, которое занималось организацией данной конференции, и ждали, когда уполномоченный сотрудник привезет паспорта со всеми визами. Это могло случиться днем и поздним вечером. В 1973 году мы собрались в ГКНТ (Государственный комитет по науке и технике) и ждали паспорта. Вылет был на следующий день утром.

Часов в 7 вечера уполномоченный сотрудник появился, позвал руководителя делегации Николая Алексеевича Добротина, заместителя директора ФИАН, в коридор. Потом они позвали еще академика Г.Т. Зацепина. Когда они наконец вернулись, было объявлено, что трем членам делегации выездные визы не дали: академику Виталию Лазаревичу Гинзбургу и двум сотрудникам МИФИ. Поэтому часть делегации вылетит завтра, а с тремя оставшимися будут еще разбираться.

В результате визы мы получили лишь через день. После того, как мы получили паспорта и посмотрели даты на выданных визах, то выяснили, что визы в наших с Виктором Григорьевичем паспортах были отмечены тем же днем, что и у остальных членов делегации,

улетевших вовремя, а виза в паспорте Виталия Лазаревича была проставлена в тот день, когда нам выдали паспорта. Узнав, что визу не дали только В.А. Гинзбургу – будущему лауреату Нобелевской премии, руководство Академии и ГКНТ забеспокоилось и дало команду не выдавать паспорта и сотрудникам МИФИ, что в общем-то не вызывало особых вопросов, учитывая закрытый характер МИФИ.

Но на этом приключения не закончились. Свободных мест на рейсы в Нью-Йорк на ближайший день не было, и нас отправили через Монреаль (Канада), оттуда были прямые рейсы в Денвер. Но когда мы прибыли в Монреаль, оказалось, что на пересадку у нас очень мало времени. Из зала прилета мы быстро перешли в зал вылета, нашли необходимую стойку, когда уже посадка заканчивалась. Две милые девушки по телефону сказали кому-то, что есть еще три пассажира, быстро нас оформили, и мы поспешили на посадку. К началу конференции мы, конечно, опоздали, но были счастливы, что все же на нее попали.

На следующий день Виктор Григорьевич подошел ко мне и попросил показать ему мой авиабилет. Я дал билет и спросил, а в чем дело? И тут выяснилась интересная деталь. Дело в том, что при составлении плана поездки в него было включено посещение нескольких научных организаций в Сан-Франциско после завершения конференции. Поэтому авиабилеты были оформлены на весь маршрут, включая обратный путь из Денвера через Сан-Франциско – Нью-Йорк – Москва. А структура билетов была такая – на каждый рейс одна стандартная страничка, которую при посадке в самолет отрывали. Так вот, в Монреале одна из девушек, оформлявших нашу посадку на самолет в Денвер, вместе со страничкой билета в Денвер, оторвала и страничку с билетом на Сан-Франциско, который, по-видимому, прилип к первому. Таким образом у Виктора Григорьевича не оказалось билета в Сан-Франциско, но были билеты из Сан-Франциско в Нью-Йорк и из Нью-Йорка в Москву.

Самое интересное в этой истории было то, что для полетов по США у нас были билеты на рейсы разных компаний, поэтому было непонятно, куда обращаться. Мы решили для начала обратиться в авиакомпанию, офис который был недалеко от нашей гостиницы,

по-моему это была Юнайтед Аэрлайнс (United Airlines). Зайдя в здание, мы обратились к девушке, у стойки которой посетителей не было. Изложили ситуацию с демонстрацией двух одинаковых билетов, выданных компанией Аэрофлот: один с билетом до Сан-Франциско, второй без, и спросили, с кем из руководства можно обсудить возникшую проблему (в СССР подобную проблему можно было решить в лучшем случае через начальника аэропорта). Девушка выслушала нас, удивилась и сказала, что это ее работа и никаких начальников беспокоить не надо. Мы, конечно, тоже удивились, но начали отвечать на ее вопросы: когда вылетели, номер рейса и т.п. После этого она заполнила какую-то бумагу, дала подписать Виктору Григорьевичу, забрала его билет и попросила нас подождать на диванчике возле столика с рекламной продукцией.

Минут через 20–30 она позвала нас к стойке и сообщила, что она связалась с Монреалем, там нашли оторванный листок и обещали прислать его в эту компанию. После этого она выписала билет по маршруту Денвер – Сан-Франциско на бланке своей компании, но на рейс другой компании, которым мы все должны были лететь! При этом она не потребовала никакой доплаты. Нашему изумлению не было предела. Простая сотрудница компании приняла на себя финансовые обязательства. Ведь эта компания должна будет заплатить за рейс той компании, на самолете которой мы полетим. Затем, получив оторванный листок из Монреаля, эта компания должна получить деньги с Аэрофлота. Одним словом морока, да и только. При этом услугами этой компании мы не пользовались. Мы несколько дней обсуждали эту историю, пытались приложить ее к российской (тогда еще советской) действительности.

На конференции произошло одно, на первый взгляд, незначительное событие – мы познакомились с Питером Котцером, который фактически был родоначальником нового направления в физике частиц и космических лучей – Deep Underwater Muon and Neutrino Detection (DUMAND) – положившего начало бурному развитию современных нейтринных телескопов, которые создаются в Антарктиде, на Байкале и в Средиземном море. Первый проект черенковского водного детектора, представленный П. Котцером, имел размер $100 \times 100 \times 100 \text{ м}^3$, т.е. массу 1 мегатонна.

Обсуждение проекта П. Котцера среди советских ученых дало первый толчок развитию проектов создания черенковского водного детектора НЕВОД на поверхности Земли и Байкальского нейтринного телескопа (БНТ). Более широкое обсуждение проекта создания черенковского водного детектора массой ~1 гигатона состоялось на следующей 14-й Международной конференции по космическим лучам, на которую Виктор Григорьевич по причинам, изложенным в следующих разделах воспоминаний, не попал.

Армянский переулок, 7

Летом 1972 в составе группы лекторов, сформированной обществом «Знание», я был командирован на Сахалин и Курильские острова для чтения лекций пограничникам. Важной особенностью пребывания и главным образом перемещения в зоне Курильских островов и Сахалина являются погодные условия, поэтому из-за плохой погоды наша группа задержалась на Курильских островах, и я не смог вовремя вернуться из отпуска. Когда я добрался до Москвы и пришел в МИФИ, то, естественно, зашел к Виктору Григорьевичу, ожидая услышать суровые слова. Но вопреки ожиданиям, Виктор Григорьевич вел себя очень мягко, поинтересовался нашей поездкой и лишь в конце разговора произнес: «Пока ты там гулял по островам, меня тут без меня женили – назначили председателем Совета ректоров вузов г. Москвы». На это я ему ответил: «Нельзя говорить без меня, так как весной этого года в газете «Известия» была опубликована статья о проблемах дальнейшего развития высшей школы, подписанная ректором МФТИ О.М. Белоцерковским и ректором МИФИ В.Г. Кириловым-Угрюмовым, в которой, в частности, предлагалось в крупных вузовских центрах создать советы ректоров вузов с целью улучшения взаимодействия, обмена опытом и координации деятельности».

Многие предложения, сформулированные в этой статье, вошли в Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» от 18 июля 1972 г. № 535. Насколько я потом понял, эта статья и Постановление в значительной степени были инициированы Московским горкомом партии. Поэтому уже на следующий день Поста-

новлением МГК КПСС был утвержден состав Совета ректоров вузов г. Москвы, в который вошли ректоры нескольких крупных вузов и представители городских организаций на уровне заместителей руководителей. Председателем Совета ректоров был назначен ректор МИФИ В.Г. Кириллов-Угрюмов.

«Виктор Григорьевич, я Вас поздравляю с высоким назначением, – сказал я ему, – но чем я могу Вам помочь?» «В совете ректоров нужен ученый секретарь, так что давай берись за это дело». В той ситуации мне неудобно было отказываться, к тому же дело было новое, возможно, будет интересным. «А что конкретно надо делать?», – спросил я. «Да я сам не знаю», – ответил он. «Езжай в горком партии в отдел науки и вузов на ул. Куйбышева к Анатолию Федоровичу Добрице, он тебе все расскажет». Так началась моя деятельность в Совете ректоров г. Москвы.

А задача была поставлена действительно интересная, ее так сформулировал А.Ф. Добрица – зам. зав. отделом науки и вузов МГК КПСС: «Надо подменить министерство, но так, чтобы оно этого не заметило». В те времена это было Министерство высшего и среднего специального образования (МВ и ССО), с которым у Московского горкома были какие-то проблемы. Поэтому Виктору Григорьевичу приходилось крутиться между этими монстрами: Министерством и горкомом, как между Сциллой и Харибдой. Приведу несколько примеров.

Горком партии утвердил состав Совета ректоров вузов г. Москвы сразу после выхода постановления ЦК КПСС и СМ СССР, а Министерство разработало Положение о советах ректоров вузов лишь в августе, и поэтому надо было утверждать состав Совета заново, а горком был против. Вышли из этой ситуации так: разработали собственное Положение о Совете ректоров вузов г. Москвы, прописали в нем его структуру, четко определили функции и задачи создаваемых комиссий и т.д. В соответствии с этим Положением был сформирован Совет ректоров в составе всех ректоров вузов г. Москвы, а утвержденный горкомом состав Совета ректоров стал Президиумом. А чтобы окончательно запутать ситуацию, из состава Президиума было выделено Бюро в составе председателя Совета, его заместителей и ученого секретаря. И такой состав Совета ректоров вузов г. Москвы никем не был утвержден, но успешно проработал

до распада СССР. Самое интересное, что разработанные в Москве документы понравились ответственному сотруднику министерства Н.Н. Пахомову, который был направлен в инспекционную поездку по регионам для обобщения опыта создания советов ректоров и везде показывал наше Положение. В результате, наш подход был принят практически всеми советами ректоров.

Другой пример. Казалось бы, простое дело – название доклада на первом заседании Совета ректоров в полном составе. Министерство требовало доклад о формировании Совета ректоров с обсуждением его задач и способов их решения, а горком требовал отчет об уже проделанной работе. Виктор Григорьевич назвал свой доклад так: «О формировании и работе Совета ректоров вузов г. Москвы», в который включил и вопросы структуры Совета и его задачи с учетом уже полученного опыта работы по их решению. Самое удивительное, что прочитав доклад, ни Министерство, ни горком не сделали никаких замечаний по его содержанию.

Еще одна проблема возникла с годовым отчетом. Кому отсылать первый экземпляр: в Министерство или в горком? В те времена принтеров еще не было, отчет печатался на обычной машинке и по качеству печати можно было определить, какой это экземпляр – первый, второй или третий. В результате было найдено гениальное решение. Первый экземпляр никому не отсылать, а оставить у себя в архиве, а из второго и третьего экземпляров сделать два одинаковых, перемешав их между собой через один лист, поэтому внешне они выглядели практически одинаковыми.

Но самая тяжелая проблема была связана с ректорами крупнейших московских вузов. Первая реакция была понятной – создали еще какую-то организацию, которая будет командовать, присылать разные бумаги, требовать отчеты и т.п. К тому же председателем назначили довольно молодого (по возрасту) ректора не самого крупного вуза. Поэтому первые разговоры с ректорами были довольно тяжелыми. Чтобы оградить Виктора Григорьевича от неприятных разговоров, я взял эту миссию на себя. Звонки по обычным телефонам, через секретарей, успеха не имели. Объяснения типа, что я ученый секретарь Совета ректоров, созданного в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР, впечатления на

них не производили, и начиналась обычная тягомотина: его сейчас нет (он очень занят), позвоните завтра и т.д.

В горкоме мне дали прямые телефоны ректоров и стало намного легче. Большинство ректоров правильно реагировало на информацию о том, что Совет ректоров создан МГК КПСС в соответствии с Постановлением ЦК КПСС, хотя были и такие, которые пытались послать куда подальше, чуть ли не матом.

Поэтому первое заседание, на котором Виктор Григорьевич выступил с уже упомянутым докладом, было решено провести в зале заседаний горкома. Явка была практически стопроцентной. Мы с самого начала поставили цель, что Совет ректоров будет не собранием представителей вузов, а именно собранием ректоров. Поэтому уже в первом приглашении было написано, что должны участвовать лично ректоры, а заменяющие их и.о. ректора или проректоры не допускаются. По тем временам это было серьезное новшество, так как обычно требовалось обязательное присутствие представителей всех вузов.

Но еще более серьезная проблема возникла накануне дня проведения заседания. На вопрос, а где тексты речей тех ректоров, которые будут выступать после доклада, я ответил, что мы никого не готовили, кто захочет, тот и выступит. Надо было видеть лицо Анатолия Федоровича Добрицы: «Вы что делаете? На совещании в горкоме мы не знаем, кто что будет говорить?» Я ему отвечаю: «Не на совещании в горкоме, а на заседании Совета ректоров, которое пройдет в зале заседаний горкома. В конце концов должно быть место, где хотя бы ректоры могли сказать, что они думают». А.Ф. Добрица: «Мало ли что они будут говорить и до чего договорятся», – я ему в ответ, – «ну, Вы наконец сможете узнать, о чем думают ректоры». Виктор Григорьевич меня поддержал: «Анатолий Федорович, ну что мы все время выступаем по бумажкам, это никому не интересно. Ректоры у нас умные и опытные люди, вряд ли они будут нести какую-то чушь. И будет полезно узнать, что они думают, какие внесут предложения. Когда мы с Олегом Михайловичем (Белоцерковским) предлагали создать советы ректоров, то как раз имели в виду такие неформальные обсуждения вузовских проблем в сообществе людей, которые обеспечивают работу высшей школы и несут ответственность за это». А.Ф. Добрица слушал мол-

ча, тут я добавил: «Анатолий Федорович, если вдруг выяснится, что кто-то из ректоров без бумажки и слова сказать не может или несет какую-то чушь, то в Вашей власти поменять такого ректора».

После довольно долгого молчания, во время которого он посматривал то на меня, то на Виктора Григорьевича, он сказал: «Ну давайте попробуем, но если мне секретарь МГК (курирующий высшую школу) врежет, то тогда пеняйте на себя. А я могу предсказать, если не будет заранее подготовленных выступающих, никто выступать не будет, потому что все привыкли к тому, что есть список подготовленных выступающих, а другим не надо в это лезть». Мы ему в ответ: «Не пора ли начать ломать эту дурную традицию?» «Вы что, хотите демократию развести?», – спросил А.Ф. Добрица. Мы дружно кивнули головами. Он ничего не ответил и встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Естественно, его предположение полностью оправдалось. После доклада Виктора Григорьевича, который был заслушан с большим вниманием, председательствующий спросил, какие будут вопросы? Вопросов не было. Тогда председатель спросил «Кто желает выступить?». В ответ гробовое молчание. Все действительно привыкли, что выступления на таких заседаниях готовятся заранее, поэтому все ждали, когда первый по списку выйдет к трибуне, но никто не выходил. Тогда Виктор Григорьевич обратился к присутствующим со следующими словами: «Уважаемые товарищи! Советы ректоров должны стать новой формой координации деятельности вузов, обмена опытом работы и площадкой для нашего ректорского общения. Поэтому мы не готовили выступающих, давайте говорить о том, что кого волнует, а потом уже можно будет обозначить назревшие проблемы и как-то начать их решать». Но и после этого призыва никто не встал и в зале царило молчание, до того уже все было необычным (напомню, что это происходило в здании горкома КПСС и это был 1972 год!). Тогда слово взял Анатолий Федорович и сказал примерно следующее: «Да, мы действительно решили попробовать новую форму проведения совещаний (так он сказал) ректоров вузов без заготовленных текстов, подготовленных вашими помощниками. Так давайте поговорим о том, что наболело, какие вопросы надо решать в первую очередь. Так что не стесняйтесь». Но и после этих слов никто не встал и не попросил слова. То-

гда Анатолий Федорович в сердцах сказал: «Ну что ж, если вам нечего сказать и ничто вас не волнует, давайте закончим наше собрание и разойдемся». И тут наконец поднялся ректор строительного института Николай Антонович Стрельчук: «Если Вы хотите узнать, о чем я думаю, я скажу. Вот мы заседаем, обсуждаем, как лучше готовить студентов, как им преподавать и т.д., но никто не интересуется, что едят студенты. Нам завозят продукты для студенческой столовой из городского комбината (я не помню из какого), а посмотрите, что привозят, это же есть невозможно, а студентов мы этим кормим...», ну и далее в таком же духе. Когда он закончил, поднялся другой ректор и начал говорить примерно то же самое про общежитие, в каких условиях вынуждены жить студенты. За ним поднялись еще два ректора, и председательствующий начал предоставлять слово по очереди. К сожалению, я тогда не знал ректоров в лицо, хотя с большинством разговаривал по телефону, и поэтому не могу привести список выступавших. А Николая Антоновича Стрельчука я запомнил, так как он был первым, кто послал меня куда подальше вместе с Советом ректоров. Когда я рассказал об этом в горкоме, то мне сообщили, что Николай Антонович в сталинские времена работал зам. зав. орготделом ЦК КПСС и видел такое, что его уже ничем не испугаешь.

Я не помню, сколько ректоров выступило на первом заседании Совета ректоров, так как протокол не велся, за что я получил соответствующее внушение. Естественно, каждый выступающий говорил о проблемах своего вуза, и в целом получилась довольно пестрая картина. Прения пришлось прекратить не потому, что не было желающих выступить, а просто истекло время.

Подводя итог, Анатолий Федорович сказал, что он давно работает в высшей школе (он пришел в горком из МВТУ им. Н.Э. Баумана) и, поработав в горкоме, считал, что хорошо знает ее проблемы, но сегодня он услышал много нового и совсем по-другому смотрит на эти проблемы.

В заключительном слове Виктор Григорьевич поблагодарил всех выступивших за хорошие емкие выступления, за дельные предложения.

После завершения заседания ректоры не торопились расходиться, что-то обсуждали, разделившись на кучки. Было видно, что все соскучились по живому общению.

Надо сказать, что результат первого заседания превзошел самые смелые ожидания в части решения обсуждавшихся проблем, по крайней мере, одной из них. Когда все разошлись, ко мне подошел инструктор горкома Б.Н. Алдошин и пригласил к себе в кабинет. Порывшись в ящике своего стола, он вытащил маленькую брошюрку формата А5 и дал мне посмотреть. Как следовало из заголовка, это было совместное постановление Мосгорисполкома и Горкома профсоюза высшей школы (примерно так он назывался) по улучшению питания студентов. Когда я прочитал это постановление, особенно, его постановляющую часть, я понял, что подавляющее большинство вопросов, касающихся питания студентов, которые поднимали и обсуждали ректоры на только что закончившемся заседании, уже решены, по крайней мере, на бумаге. В частности, там были прописаны вопросы качества продуктов, право вузов отказывается от поставщиков некачественных продуктов и многие другие вопросы, решения которых требовали вузы в лице своих ректоров. Я спросил Б.Н. Алдошина, знают ли в вузах об этом постановлении? Он ответил, что вряд ли.

В углу брошюры стоял ее номер, поэтому я спросил, этот документ секретный или ДСП? Он ответил, что нет, но отпечатан в ограниченном количестве экземпляров, которые были разосланы только городским организациям. Позвонив в несколько вузов, мы выяснили, что в вузах об этом документе даже не слышали. Тогда я предложил Виктору Григорьевичу просто размножить и разослать это постановление во все вузы. После согласования этого вопроса с руководством отдела науки и вузов горкома, а руководила отделом замечательная женщина Зоя Петровна Коршунова, это постановление было разослано по вузам и произвело эффект разорвавшейся бомбы. Оказалось, что у вузов были права и возможности в деле организации питания студентов, о которых они не имели представления.

Это событие существенно повлияло на авторитет Совета ректоров и его молодого председателя. Ректоры московских вузов оценили возможности, которые предоставляла новая организация, и

безусловную пользу участия в ней. Поэтому ситуация, когда для обеспечения явки ректоров заседание пришлось проводить в горькоме партии, больше не повторилась. Все последующие собрания Совета ректоров вузов г. Москвы проходили в актовом и прочих залах различных московских вузов. А о явке уже не надо было беспокоиться, не приходили только больные и командированные.

Дальнейшая работа Совета ректоров выявила еще одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что любой сотрудник вуза, какую бы должность он ни занимал, может посоветоваться со своим коллегой такого же уровня: доцент с доцентом, профессор с профессором, декан с деканом, проректор с проректором. Все, кроме ректора, который один. А Совет ректоров представил возможность для контактов между ректорами любых вузов. Нельзя сказать, что до создания советов ректоров не было контактов между ректорами. Естественно, они были. Ректоры вузов, расположенных в одном районе, вместе участвовали в различных районных мероприятиях и могли там общаться. Но там были и другие люди, не только ректоры, и не всех вузов, с которыми хотелось бы пообщаться. Совет ректоров решил обе проблемы: в нем были только ректоры и всех вузов г. Москвы.

Организационная структура Совета ректоров вузов г. Москвы также способствовала не только обсуждениям, но и совместной работе ректоров. Были созданы комиссии по основным направлениям работы вузов: по научной и учебной работе, по аспирантуре, по вопросам питания, по общежитиям и т.п. И все ректоры были разделены по этим комиссиям с учетом их интересов.

Естественно, возник вопрос, где размещаться Совету ректоров? Так как советы ректоров создавались как общественные организации, то специальные штатные единицы для них не были предусмотрены. Предполагалось, что необходимое организационное обеспечение работы Совета ректоров (печатающие бумаги, телефонная связь, организация заседаний и пр.) возьмет на себя тот вуз, ректор которого является его председателем. Но в Москве на тот момент было 78 вузов, и чтобы даже просто их обзвонить (электронной почты тогда не было), требовался целый рабочий день. Поэтому для выполнения этих работ МИФИ выделил двух сотрудников, которых разместили непосредственно в горькоме, так как

МИФИ находился далеко от центра города и поездки туда требовали много времени.

Но очень скоро стало понятно, что работать в помещении горкома неудобно. Во-первых очень маленькая комната, во-вторых, в горком можно было пройти только по партбилетам. Поэтому вскоре нам предложили перебраться на ул. Горького (ныне Тверская) в помещение, принадлежавшее Горкому профсоюза работников высшей школы. Место было хорошее, но там могли работать лишь несколько человек в одной большой комнате, в которой невозможно было провести заседание даже Президиума Совета ректоров. Поэтому Виктор Григорьевич настоятельно требовал от руководства г. Москвы предоставить нам помещение в центре города, в котором могли бы собираться члены Президиума, а также комиссии Совета ректоров.

В конце концов нам было выделено помещение по адресу Армянский пер., д. 7, в которое после проведенного там ремонта мы въехали в феврале 1974 года. Очень быстро это помещение стало местом притяжения не только для ректоров и ученых секретарей комиссий, но и других представителей вузов для решения возникающих вопросов.

В целом за два с половиной года, когда Совет ректоров возглавлял Виктор Григорьевич, была создана та структура и тот стиль работы, которые сохранились в течение всех двадцати лет его работы при Советском Союзе.

За 20 лет было сделано много полезных дел, в которых Виктор Григорьевич уже не принимал участия. Но самое главное, в Москве появилась организация, которая оказывала существенное влияние на состояние высшей школы не только в Москве, но и в стране. В «лихие» девяностые годы, когда предпринимались попытки приватизировать все подряд, в том числе и высшие учебные заведения, объединенный к тому времени Совет ректоров вузов Москвы и Московской области установил связи с советами ректоров других регионов и вместе с ними выступал против планов приватизации вузов. Тактика была простой. Как только поступали сведения о предстоящей приватизации, собирался российский съезд ректоров, на который приглашались первые лица государства, в том числе, президент Б.Н. Ельцин. Первые два таких съезда состоялись в Ко-

лонном зале Дома Союзов, а затем они проводились в Актовом зале Московского университета. С докладом обычно выступал один из председателей какого-либо совета ректоров, как правило, регионального, и после информации о жизни вузов и проблемах, с какими они сталкиваются, в лоб ставился вопрос о недопустимости приватизации вузов. После этого в своем выступлении Б.Н. Ельцин, как правило, заявлял, что он против такой приватизации и не допустит ее. После этого идеологи приватизации на некоторое время затихали, но потом все начиналось сначала. И снова собирался съезд ректоров российских вузов, снова приглашался Президент и история повторялась. Я уже не помню, сколько раз собирались такие съезды, но они спасли высшую школу от приватизации, а в результате сотрудничества советов ректоров был создан Российский совет ректоров, который функционирует до сих пор.

Что же касается Виктора Григорьевича, то судьба подготовила для него новое испытание. В конце 1974 года вышло очередное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое предусматривало реорганизацию системы присуждения ученых степеней и присваивания ученых званий и создание Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, председателем которой был назначен Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Трудно сегодня судить о мотивах такого выбора, но очевидно, что не последнюю роль в этом сыграл успешный опыт Виктора Григорьевича по созданию нового комплекса МИФИ на Каширском шоссе и организации Совета ректоров вузов г. Москвы. В этом случае не потребовалось строительства нового здания, но его вклад в создание организационных, методических и даже психологических основ новой формы объединения ректоров и их участия в управлении вузами трудно переоценить. С начала 1975 года Виктор Григорьевич оставил должность ректора МИФИ и пост председателя Совета ректоров вузов г. Москвы и полностью погрузился в новую задачу – создание новой системы аттестации научных и педагогических кадров.

Улица Грибоедова, 12

По этому адресу было возведено здание, предназначенное специально для размещения ВАК СССР. Оно было построено за очень

короткий срок благодаря усилиям Виктора Григорьевича, и уже в конце 1976 года сотрудники ВАК, разбросанные по различным адресам, стали собираться вместе и начали работать в комфортных условиях.

А до этого в течение двух лет Виктор Григорьевич и два его помощника работали в помещении Совета ректоров в Армянском переулке. И нам приходилось согласовывать графики различных заседаний, проводимых Советом ректоров и ВАК СССР. И часто случалось, что сегодня заседание Президиума Совета ректоров, а завтра заседание Президиума ВАК. Но эти две организации жили дружно и всегда помогали друг другу.

По настоятельной «просьбе» горкома мне какое-то время пришлось поработать в Совете ректоров и с новым председателем – ректором МВТУ им. Н.Э. Баумана Георгием Александровичем Николаевым, которого затем сменил ректор Института нефтехимической и газовой промышленности Владимир Николаевич Виноградов.

Пока Виктор Григорьевич работал в помещении Совета ректоров, мы с ним часто встречались, обсуждали нашу научную работу и связанные с ней вопросы. Когда же он переехал на ул. Грибоедова, видаться мы стали значительно реже, хотя весь период его работы Председателем ВАК СССР он продолжал оставаться заведующим кафедрой. Понятно, что единственный день недели, когда он мог появляться на кафедре, была суббота. И на этот день назначались все мероприятия, в которых требовалось его участие. В остальные дни, в случае необходимости, сотрудники кафедры приезжали в ВАК на ул. Грибоедова. Там же часто проводились научные семинары. Таким образом Виктор Григорьевич постоянно держал руку на пульсе и в решении принципиальных вопросов всегда принимал участие.

Расскажу об одном событии, которое сильно повлияло на мою дальнейшую научную работу. В 1986 году по инициативе Академии наук началась подготовка Программы развития физики высоких энергий. Виктор Григорьевич договорился с руководством Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ СССР) о включении предложений МИФИ в эту программу. Мы подготовили проект Нейтринного водного детектора (НЕВОД) на поверхности Земли. И

этот проект был включен в Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1987 года «О мерах по развитию материально-технической базы физики высоких энергий» отдельной строкой, наряду с другими крупномасштабными научными комплексами, создание которых предусматривалось этим постановлением: Ускорительно-накопительный комплекс (УНК), Ускоритель на встречных электрон-позитронных пучках, Мезонная фабрика, Установка ШАЛ – 1000, Байкальский нейтринный телескоп и НЕВОД. Это была многолетняя программа, которую, к сожалению, полностью выполнить не удалось, и НЕВОД оказался единственным пунктом Программы, который был реализован практически в полном объеме. Таким образом, именно Виктор Григорьевич дал зеленый свет работам по созданию хорошо известного экспериментального комплекса НЕВОД, по праву претендующего на статус уникальной научной установки класса мегасайенс.

Работа Виктора Григорьевича в должности председателя ВАК на ул. Грибоедова закончилась в 1987 году, и он вернулся в свой родной институт МИФИ.

И вновь Каширское шоссе, 31

Вернувшись в МИФИ, Виктор Григорьевич работал профессором-консультантом на кафедре № 7. Он также был избран председателем Совета ветеранов МИФИ, где благодаря своей энергии и большому опыту организационной работы сделал много добрых дел для ветеранов института. Из забавных историй этого периода жизни Виктора Григорьевича хочу рассказать об одной. Когда ему исполнилось 80 лет, было организовано соответствующее мероприятие, на которое он приехал заранее. Он сидел в комнате Совета ветеранов, куда заходили настоящие и будущие ветераны, чтобы лично поздравить его с юбилеем.

Когда я зашел в эту комнату и взглянул на Виктора Григорьевича, сразу понял, что что-то не так. На его лице была болезненная гримаса. Я спросил, что случилось? В ответ он рассказал плачевную историю. Специально к его юбилею были куплены новые ботинки, которые он не успел ни разу надеть. И в этот день, собираясь в МИФИ, он надел их в первый раз. Почувствовал, что они ему жмут,

хотя, когда он их примерял, такого ощущения не было. Он решил, что, возможно, у него немного отекли ноги, и вышел на улицу, где его уже ждала машина.

Когда он оказался в Совете ветеранов и посмотрел внимательно на ботинки, то выяснилось, что он по ошибке надел ботинки, купленные для его жены Эммы Яковлевны, которые были размера на два – три меньше! И Эмма Яковлевна не могла ему помочь, так как уже уехала из дома и была где-то в пути. Он снял ботинки и сидел за столом без ботинок, сдвинув скатерть так, чтобы не видны были ноги. А впереди было торжественное заседание в Актовом зале, где он должен был сидеть в Президиуме на сцене. От одной мысли, что ему надо идти в Актовый зал на четвертый этаж в этих ботинках, и потом 1,5–2 часа сидеть и вставать для ответов на поздравления, любому человеку стало бы плохо.

Я тут же позвонил в лабораторию и спросил у ребят, у кого есть какая-нибудь обувь подходящего размера. Нашлись кроссовки, естественно, не новые, их принесли в Совет ветеранов. Виктор Григорьевич их надел, они ему подошли, и надо было видеть его лицо, которое светилось от счастья, что его муки закончились. В этих стоптанных кроссовках он и пришел в Актовый зал, где состоялась его чествование в связи с 80-летием.

Я хорошо запомнил выражение его радостного лица, и когда я стоял у его гроба, провожая в последний путь, у меня перед глазами появлялся именно этот образ – довольный улыбающийся Виктор Григорьевич.

Анастасия БЕЛЯКОВА

*«Студенческий меридиан»,
номер 10, 2006.*

МИФИЧЕСКИЙ АЛЬМА-ПАТЕР

Прочитала где-то, что древние делили людей на три категории: живых, мертвых и тех, кто в море. Потом фраза как-то забылась. И вдруг снова всплыла в памяти, когда я оказалась в гостях у профессора В.Г. Кириллова-Угрюмова, бывшего военного моряка.

Хотя, наверное, говорить «бывшего» – неправильно. Виктор Григорьевич через всю жизнь пронес флотские традиции, усвоенные в военно-морской спецшколе и училище, проверенные на фронте. И пусть военная карьера старшины I статьи Кириллова-Угрюмова оборвалась в 17 лет, но свою гражданскую судьбу он выстраивал по морским законам.

Поэтому, наверное, звание подполковника получил, когда «командовал» Московским инженерно-физическим институтом. А когда под его началом была Высшая аттестационная комиссия (ВАК), у соискателей ученых степеней даже появилась примета: если под костюмом председателя тельняшка – жди бури. Сегодня, в свои 82 года, Виктор Григорьевич – профессор-консультант МИФИ и глава Совета ветеранов вуза – признается, что чувствует себя в родном институте, как рыба в воде: «Поплаваю» среди молодых лиц – и сил прибавляется!»

Семнадцатилетний командир

После выпускного вечера в июне 1941 года ребята из 1-й Московской военно-морской спецшколы подписали коллективное заявление об отправке на фронт. И дружно получили отказ.

Виктор Кириллов-Угрюмов отправился в Ленинград в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского – строить карьеру и продолжать династию: моряком был его отец, погибший, когда сыну исполнился год.

– До августа 1941 года я проходил «оморячивание» на острове Вольный в Ленинграде, – рассказывает Виктор Григорьевич. – Утром побудка, пробежка вдоль береговой линии. Подъем на 5-метровую вышку: наверху – боцман, который подталкивает тех, кто робеет, внизу – другой в шлюпке и с набором спасательных кругов.

Потом о море снова пришлось забыть – училище эвакуировали в Балахну. Поезд с курсантами, в числе которых был и Кириллов-Угрюмов, чудом успел проскочить по железнодорожной ветке до того, как немцы сомкнули кольцо вокруг Ленинграда. Оставшиеся в северной столице студенты и офицеры с семьями уходили по Ладожскому озеру на баржах. Суда стали тонуть, и командир дал сигнал SOS открытым текстом. Фашисты начали обстрел... Когда весть о трагедии долетела до Балахны, курсанты снова подали заявление об отправке на фронт. Но командование отклонило его и во второй раз.

На передовой семнадцатилетние моряки в звании старшин I-й статьи оказались только в октябре. Попали в 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. И сразу были назначены командирами отделений. Причем руководить пришлось матросами-тихоокеанцами, которые были почти вдвое старше.

– Как вас воспринимали тридцатилетние моряки? – спрашиваю Виктора Григорьевича.

– Я бы сказал, по-отечески, – говорит он, и по лицу видно, с какой радостью погружается в воспоминания. – И тем не менее с уважением – все мои команды выполняли. Атмосфера была какая-то, не скажу семейная, но дружеская, товарищеская. Мне очень повезло с людьми. Моряки были дрожжами, закваской, которая поднимала дух всей армии. На войне важ-

но чувствовать локоть друга. И это было. Морское братство в этом отношении – великое!

Эшелон с бригадой двинулся к Москве, но не доехал. Остановился у города Ряжска, важного железнодорожного узла, связывающего столицу с югом.

– Разгружаемся на полустанке, – вспоминает Виктор Григорьевич. – Где-то сбоку стоит товарняк, явно побывавший под обстрелом. В вагонах – винтовки, подобранные на поле боя, и гранаты. Берешь винтовку, смотришь на просвет, заряжаешь патрон – и в воздух. Выстрелила – вооружен.

– А с обмундированием проблем не было?

– Думаю, важным фактором победы под Москвой было то, что нас экипировали для морозной погоды. А немцы мерзли, как клопы. Они же готовились к молниеносной войне, поэтому и одеты оказались легко. Даже их техника на морозе вставала: все Рогачевское шоссе под Дмитровом было забито танками, которые не заводились. Держались они только в деревнях, в избах. Пробивали фундамент в домах и устраивали в полу пулеметные гнезда. В поле не выходили. Там мы были хозяевами.

Свой первый бой Кириллов-Угрюмов принял у оккупированного фашистами Скопина. Немцев выбивали их же «шмайстерами». А когда освободили Скопин, он стал первым в череде городов, никогда больше не переходивших к врагу. Много лет спустя скопинцы присвоили Виктору Григорьевичу звание «Почетный гражданин» города.

– Я прочитал воспоминания немецкого генерала Гудериана. И поразился: «Превосходящие силы русских, вооруженные до зубов, разгромили 5-й моторизированный полк моей армии». На самом деле их одолели молодые морячки с оружием, подобранным на поле боя, – рассказывает Виктор Григорьевич.

Под Москвой бригада влилась в 1-ю ударную армию. 5 декабря 1941 года под Яхромой началось контрнаступление. Бои были такими кровавыми, что прожить в этом аду хотя бы несколько дней было подвигом. Из шеститысячной бригады, в которой служил Кириллов-Угрюмов, осталось всего несколько человек.

– Перед боем под Клином политрук дал нам наставление: «Морячки, даешь Клин, за Клином – Берлин!», – говорит ветеран. – Это было 12 декабря. Мы шли в атаку из

леса у деревни Бородино. Из дзота велся пулеметный обстрел. Видно было, как летит рой пуль. Упадешь в снег, они просвистят над головой, поднимаешься и идешь дальше. Так рывками и продвигались. На середине поля меня ранило. Три с половиной месяца провел в госпиталях. Хо-

тели даже руку ампутировать...

Он был уверен, что вернется на фронт, пока летом 1942 года не увидел приказ об увольнении из армии по инвалидности. Пришлось смириться и окунуться в гражданскую жизнь.

Поступил в только что открывшийся Московский механический институт боеприпасов, который в 1953 году был преобразован в МИФИ. И снова, как на войне, оказался в хорошей компании.

– Руку все-таки вылечили, – продолжает Виктор Григорьевич. – Да так, что я и мотоспортом увлекся, и с парашютом прыгал в студенческие годы.

Благодарность – Кириллову, выговор – Угрюмову

– Виктор Григорьевич, а по жизни вы Кириллов или все-таки Угрюмов? – спрашиваю я.

Мой визави смеется, и я замечаю, что улыбка у него точь-в-точь такая же, что и на висящем на стене портрете юного курсанта военно-морского училища.

– Когда был ректором, да и потом в ВАКе, который возглавлял с 1974 по 1987годы, ходила шутка: прежде чем зайти ко мне в кабинет, визитер обязательно интересовался у секретаря: «Ну как он сегодня: Кириллов или Угрюмов?»

Двойная фамилия у семьи появилась еще во времена Екатерины II. Ее путешествие в покоренную Потемкиным Тавриду проходило по Калужской области, славившейся золототкачеством. Под Малоярославцем императрица получила в подарок золотое шитье и повелела выписать мастеру благодарственную грамоту. Спросили имя артельщика, и староста деревни назвал его прозвище Угрюмый, а писарь переименовал в фамилию Угрюмов. На что мастер возмутился: мол, я Кириллов. Пришлось записать обе.

Но если эта история сугубо семейная, то в мировую историю замысловатую фамилию вписал сам Виктор Григорьевич. Кембриджский университет причислил его к числу 200 выдающихся физиков XX века. Ему вместе с коллегами из МИФИ удалось в 1977 году обнаружить свободный нуклонный атом. Научных трудов у Кириллова-Угрюмова более двухсот, есть и книга «Атомы и мезоны» (Атомиздат, 1980 г., В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ю.П. Никитин, Ф.М. Сергеев). Одним словом, он взял науку под уздцы, прямо как человек коня на эмблеме МИФИ.

– Как получилось, что вы связали жизнь с физикой?

– Поначалу поступил на конструкторский факультет – должен был собирать ракеты. А в 1945 году появился инженерно-технический факультет. Его возглавлял академик Александр Ильич Лейпунский, человек удивительного обаяния. Он лично беседовал с теми, кто хотел там учиться. Думаю,

под его влиянием я и выбрал физику. Нам читали лекции люди, которые непосредственно занимались созданием атомной бомбы. Своими учителями считаю академиков Арцимовича и Зельдовича. Я сам принимал участие в строительстве реактора на тяжелой воде.

Мое направление исследований – физика элементарных частиц и физика космических лучей. Над докторской диссертацией работал в Дубне на ускорителе. Горжусь тем, что моим оппонентом был один из основоположников теории нейтрино – Бруно Максимович Понтекорво.

А вообще физика хороша тем, что в ней, пожалуй, чаще, чем в любой другой науке, можно задать вопрос «почему?» и постараться на него ответить.

Между прочим, наука помогла Виктору Григорьевичу создать семью. За чашкой чая его супруга Эмма Яковлевна рассказала, как произошла их встреча.

– Мы познакомились в ФИАНе – Физическом институте академии наук, где я работала у академика Сергея Вавилова. А Виктор Григорьевич учился в аспирантуре МИФИ и параллельно работал. Он уже тогда заменял заведующего лабораторией, когда тот уезжал в командировки. Работал на установке, которая регистрировала космические лучи. Она давала такой выхлоп, что стекла вылетали в половине корпуса здания.

У нас постоянно вывешивались приказы на доске: первый – об объявлении Кириллову-Угрюмову строгого выговора и рядом второй – об объявлении ему же благодарности за научное открытие, – смеется Эмма Яковлевна. – Я была еще и редактором стенгазеты. И как-то решила написать об их лаборатории. Виктор мне все рассказал, я добросовестно записала, сфотографировала. Но пленки, как потом оказалось, в фотоаппарате не было. И статья не вышла.

Я пошла извиняться. Он меня отчитал и выгнал: мол, вы проявили неуважение к моим сотрудникам. А через неделю были танцы, я подошла и задорно так ему сказала: «Вместо того, чтобы ругаться, пойдем танцевать!» Он возразил, что не умеет, но все-таки пошел...

– И сколько лет вы учите его танцевать?

– Страшно сказать: 54 года. У нас трое детей и четверо внуков.

Эмма Яковлевна говорит, что всегда старалась ограждать мужа от семейных неприятностей. Ведь работал он по двенадцать часов в день. И не зря трудился: в 29 лет стал деканом факультета экспериментальной и теоретической физики МИФИ. Потом – заместителем заведующего кафедрой экспериментальной ядерной физики. А в 35 лет – ректором родного вуза, который возглавлял с 1959-го по 1974 год.

– Виктор Григорьевич, тяжелее было командовать отделением на войне или студентами и профессорами в МИФИ?

– Когда руководишь, важно ощущение собственной надобности, сознание, что ты делаешь что-то полезное и нужное – независимо от того, отделение ли это, где 12 человек, или 5-тысячный институт.

Кстати, знаменитый мужской хор МИФИ родился во время ректорства Виктора Григорьевича. А современные «мифистки» вообще обязаны ему своим появлением: именно ректор настоял на том, чтобы в вуз принимали и представительниц прекрасной половины человечества.

– МИФИ – его дом, – объясняет Эмма Яковлевна. – Все сортовые растения, которые были у нас на даче, он постепенно перевез в институт. Вырастил там даже потрясающей красоты сакуру.

Пару лет назад почетный профессор Кириллов-Угрюмов решил, что в «его доме» обязательно должна появиться часовня. Но храм на территории МИФИ возводить пока не собираются – идея почему-то приглянулась не всем.

– На Руси было традицией в память о людях и о событиях ставить храмы. Мы хотели, чтобы часовня стала памятником всем работникам атомной промышленности и, конечно, – основателям МИФИ. Ректор написал письмо Патриарху, тот дал согласие, но дело так и не сдвинулось с места: некой группе людей в институте идея не понравилась...

Между прочим, мы установили интересный факт: Курчатов перед взрывом первой советской атомной бомбы прежде чем отправиться на аэродром, чтобы лететь в Казахстан, заезжал в Новодевичий монастырь поклониться иконе Смоленской Божьей матери.

Военная фляжка и куртка от Фиделя

По всему видно – Виктор Григорьевич человек из породы настоящих русских офицеров. И выправка, и галантность выдают. Да и любимое выражение – тоже: «Честь имею!» Говорит, когда после ранения переводил жизнь на гражданские рельсы, первым делом повесил в комитете комсомола МИФИ военно-морской флаг. И до сих пор на даче большое семейство Кирилловых-Угрюмовых всегда поднимает такой же. И в рынду – морской колокол – там всегда звонят. И поют морские песни, обожаемые и дедом, и внуками.

– Жаль только – военной формы не осталось, – сетует моряк.

– На торжественные мероприятия Виктор Григорьевич ходит в куртке, которую ему Фидель подарил. Под награды ее приспособил, – говорит Эмма Яковлевна.

Что за новая веха в и без того богатой биографии? Оказалось, в середине 60-х Фидель Кастро организовал Всемирный конгресс интеллигенции, и в числе делегатов от СССР на нем присутствовал наш герой. Там познакомился с легендарным революционером Че и с мексиканским художником Сикейросом. И получил в подарок, как и все остальные участники конгресса, белую куртку. Она до сих пор, как новая, а награды все прибавляются.

Виктор Григорьевич – кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, трех орденов Трудового Красного Знамени, 18-ти медалей, 25-ти правительственных наград. В 1992 году он был удостоен медали Российской академии наук имени П.Л. Капицы. Недавно стал лауреатом Премии президента в области образования.

Свою теперешнюю должность профессора-консультанта заслуженный деятель науки и техники называет не иначе, как щадящей.

– Нерегулярно, но читаю лекции, принимаю участие в заседании научного совета, присутствую на защитах дипломных проектов и диссертаций. Девяносто процентов времени отдаю делам Совета ветеранов МИФИ, который возглавляю.

– Вы всю жизнь были рядом с молодежью. Она сильно изменилась?

– Конечно, она другая. Но для нас, стариков, приятно, что некоторые молодые люди ценят то, что дорого и нам. У меня возникают

только положительные эмоции, когда я общаюсь со студентами. Сейчас они самостоятельно организуют студенческий клуб «Верность». Сами предложили: теперь не вы будете организовывать поездки по местам боевой славы для нас, а мы для вас. «Мифисты» берут шефство над своими профессорами, ушедшими на пенсию.

Преимственность поколений никуда не делась, убеждены супруги Кирилловы-Угрюмовы. Они вспоминают, как Виктор Григорьевич проводил урок мужества в классе младшего внука. Он не стал рассказывать детям истории, а показал фляжку военных лет. И объяснил, что пить в походе разрешалось только по колпачку воды через каждые 50 км. Первоклашки выстроились в очередь, чтобы попробовать содержимое фляжки. И рассказывали потом, какой необыкновенно вкусной была эта вода...

– Вы знаете, какие прозвища вам дают студенты? – поинтересовалась я.

– Нет... – призадумался Виктор Григорьевич.

– А я знаю, по крайней мере, одно – наш МИФИческий альма-патер!

– Вот спасибо! – засмеялся альма-патер и снова стал похож на семнадцатилетнего курсанта с портрета.

КУВШИННИКОВ Борис Алексеевич

Выпускник МИФИ 1955 года. Доцент МИФИ (1963–1967), Советник Представительства СССР при МАГАТЭ (1968–1973), Представитель МАГАТЭ при ООН в Нью-Йорке (1975–1982), Заместитель начальника Управления в Минсредмаше СССР (1983–1989).

ПАМЯТИ «ВГ»

С МИФИ были связаны ровно двадцать лет моей жизни. В эти годы было всякое: и разочарования, и неудачи, и потери. Но сейчас эти годы вспоминаются как самые счастливые в жизни. Я безмерно благодарен институту, то есть людям, с которыми мне довелось вместе учиться и работать, за это ощущение счастья в прошлом. Я видел жизнь института с разных сторон и, думаю, это дает право попытаться описать эту жизнь на основании только того, что я видел сам, в чем лично участвовал. Но сейчас речь пойдет не об институте, а только об одном человеке, с которым меня свела институтская жизнь.

Прошло 15 лет с тех пор, как шестого ноября 2007 года скончался Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, «ВГ» – как часто заочно, а иногда и в лицо, называли его друзья и коллеги. Скончался он в канун ныне отмененного праздника Великой Октябрьской Социалистической революции – праздника, который им ставился, как и День Победы, на один и тот же – высший уровень. За прошедшие годы несколько утихла боль утраты, воспоминания о ВГ стали более четкими, яркими, содержательными. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии» – в этой стихотворной строчке много правды. И появилось желание рассказать то, что я знаю о нем. Это было не только желание, но и некоторое чувство ответственности, долга. Ведь так случилось, что я был близок к ВГ и по служебным делам, и в личной жизни более, чем полвека.

Насколько мне известно, других его друзей с таким длительным временем знакомства уже нет с нами.

Я познакомился с ВГ в самом конце сороковых годов прошлого века. Тогда меня избрали председателем совета Добровольного спортивного общества «Наука» института, а он участвовал в партийной работе. Оба мы были студентами, но разница между нами была просто гигантская. И совсем не потому, что был ВГ тогда старше меня на четверть и учился на самом привилегированном факультете. Просто я все еще был почти «безусым школьником» с небольшим жизненным опытом, хотя и пережившим войну в Москве и проучившимся год в Московской спецшколе ВВС. А ВГ с юношеских лет «болел» морем, служил курсантом в Ленинградской школе юнг. Но воевать ему пришлось на суше, защищая Москву на Перемиловских высотах под Дмитровом. В этих боях погибли почти все его однополчане-юнг, но немцы к Москве не прошли. Тяжело раненый, он был демобилизован и пришел в институт с громадным, хотя в значительной степени и тяжелым, жизненным опытом. С мечтой о море пришлось распрощаться, но до конца дней своих ВГ под рубашкой с галстуком носил полосатую морскую тельняшку.

Фронтное воспитание постоянно сказывалось на решениях и поступках ВГ. Более того, оно было одной из главных черт его характера и жизненной философии. Например, он считал своим «святым долгом» поддерживать фронтовиков, помогать им утвердиться в мирной жизни, в быту, в получении образования. Он доверял этим людям, был убежден в их честности и ответственном отношении к жизни, и, не колеблясь, «продвигал» их на более высокие посты. Примеров тому в истории МИФИ – числа нет. И я не могу припомнить ни одного случая, когда его решение, принятое на основе этой «философии», оказалось бы ошибочным.

От первого моего знакомства с ВГ запомнилось немного: его немногословность и очень внимательный, несколько даже суровый взгляд из-под бровей. И еще – эпизод, который просто не мог не запомниться. В ходе одного из партсобраний на факультете ТЭФ один из выступавших задал риторический вопрос: «Будем откровенны, товарищи. Ну, кто любит критику?». ВГ, тогда еще студент, встал и громко, на всю аудиторию заявил: «Я люблю!». И это была не поза, а часть его жизненной позиции, формирование которой началось

еще в детстве, под сильным влиянием его родственников, особенно мамы, и завершилось во время войны.

В пятидесятые годы я закончил институт, затем аспирантуру, и начал работать на кафедре автоматики и телемеханики приборостроительного факультета. Подготовка диссертации и преподавательская работа на кафедре, которая только-только начинала «вставать на ноги», требовали много времени и сил, поэтому я прекратил играть в волейбол и баскетбол за институт и отошел от общественной работы. Вся моя жизнь проходила в здании на Малой Пионерской улице, вдали от штаб-квартиры института на Кировской. Поэтому в этот период я редко «пересекался» с ВГ по служебным или общественным вопросам. Вместе с тем, в этот период образовался некий круг друзей, куда входили, например, Н. Борков, Ю. Быковский, Д. Смолин, И. Греков, с кем и я был в дружеских отношениях. ВГ был безусловным лидером этой группы, участников которой, несмотря на разницу в возрасте, интересах и служебном положении, сплачивала работа в институте, общие инициативы в делах и отдыхе, понятная друг другу жизненная философия. Сплачиванию группы содействовали и жены ее участников, которых объединяла в свой, тоже дружный коллектив, супруга ВГ – Эмма Яковлевна – одна из самых остроумных «выдумщиц» в МИФИ и Физическом институте Академии наук СССР, где она работала. За этим женским коллективом числился ряд впечатляющих достижений. Но об этом – позже.

В пятидесятые годы ВГ окончил с отличием факультет Теоретической и экспериментальной физики (ТЭФ) и остался в аспирантуре, чтобы продолжать научную работу по изучению космического излучения. В этой связи он работал, преодолевая каждодневные трудности, на высоте под три тысячи метров над уровнем моря, в уникальной высокогорной научной лаборатории на горе Алагез под Ереваном, созданной в послевоенные годы академиком А. Алиханьяном. В результате – стал зрелым научным работником, защитил диссертацию кандидата физико-математических наук. Продолжая свою научную работу на базе Физического института АН СССР и Объединенного института ядерных исследований в Дубне, преподавал на факультете ТЭФ, избирался секретарем парткома института, членом Бюро райкома КПСС. Был счастлив в семье, в ко-

торой росли двое, а потом и трое детей, и которую «с его согласия» возглавляла Эмма Яковлевна.

Я не в состоянии оценивать значимость его вклада в науку. Могу только сказать, что позднее мне посчастливилось быть в Большой аудитории Объединенного института ядерных исследований в Дубне, когда ВГ защищал свою докторскую диссертацию. На подобных мероприятиях и официальные оппоненты, и другие выступающие, как правило, дружно хвалят диссертанта, превознося его «до небес». Здесь это было по-другому. Выступающих было много и похвал тоже. Но хвалили не диссертанта, а итоги работы. И надо было видеть, как «смаковали» ученые мужи с широко известными именами представленные им результаты исследований, как светились от удовольствия их глаза.

В конце пятидесятых годов институтом руководил И. Новиков. Был он очень «сильным» директором, дальновидным, умным, тактичным и настойчивым в выполнении принятых решений. Уважение, которым он пользовался, очень помогло персоналу института «прийти в себя» после «гражданской войны», которая почти год шла между преподавательским коллективом и директором К. Шалимовой, и начать спокойно работать. Но проработал он недолго и ушел из института неожиданно, может быть и для самого себя. В это время завершалось создание научных институтов в Новосибирском Академгородке и ему, как и еще нескольким ведущим ученым с опытом административной работы, предложили возглавить один из них с присвоением при этом звания члена-корреспондента АН СССР. И он – согласился. Так институт потерял очень сильного директора, и многие думали, что это – конец «золотого периода». Но на самом деле этот период был еще впереди.

Начался он в 1959 году, когда новым директором, а с 1961 года ректором МИФИ был назначен ВГ, несмотря на сравнительно молодые тридцать пять лет и невысокие для этой должности научную степень и звание. Но возглавил он институт удивительно вовремя. Страна уже преодолела последствия войны, развивалась, богатели, и могла оказывать все больше и больше помощи в развитии высшего образования, в частности МИФИ, в первую очередь – через Минсредмаш. Наступало время новых принципиальных перемен в жизни института и это, конечно, был трудный период для ректора-

та. Ведь само по себе ничего не возникало. Любое решение в пользу института надо было продумать, подготовить, «пробить» через бюрократические преграды и добиваться его реализации. В этой ситуации ВГ удавалось все. Он понимал, что надо сделать для дальнейшего развития и укрепления института, знал, как это нужно организовать, и не жалел ни времени, ни сил для достижения требуемого.

В 1960 году был построен восьмиэтажный многоквартирный дом, где нуждающиеся преподаватели и сотрудники института получили квартиры. А еще раньше было принято решение о строительстве комплекса новых зданий института, общежитий и жилых домов на Каширском шоссе. Когда все это было построено, и институт, ранее разделенный на три «территории», объединился под «одной крышей». И какой!

Нет необходимости описывать этот комплекс. Все, кто связан с МИФИ, знают его не понаслышке. Надо только понять, как фантастически он выглядел полвека тому назад. По тем временам соперничать с институтом мог только комплекс МГУ, который, по понятным причинам, был вне конкуренции среди всех вузов страны. Как удавалось ВГ добиваться таких воистину «эпохальных» результатов? На этот очевидный вопрос у меня нет ответа. Могу только сказать, что он никогда не увлекался красноречием. Но он предлагал только то, что было глубоко продумано, аргументировано. И он умел донести свою убежденность до чиновника, от которого зависело решение, часто находил нестандартные способы убеждения.

Для коллектива института в то время самым тяжелым было отсутствие надежного транспорта на «Каширку». Метро еще только строилось, и до института приходилось ездить автобусами от метро Серпуховская или Автозаводская. Поэтому даже не в часы пик поездки в институт были серьезным испытанием для студентов и преподавателей, особенно – для сотрудников института, рабочий день которых начинался в девять утра. А о поездках в часы пик лучше и не вспоминать. Утешало только то, что часть студентов и преподавателей переехала в жилгородок МИФИ недалеко от института, и в качестве средства транспорта им были нужны только собственные ноги. Это старались учитывать и в расписании занятий, отводя первые «часы» преподавателям, живущим близко от инсти-

тута. Ну, а потом заработало и метро. Но в начальный период было заметное число опозданий на работу. ВГ не издавал никаких приказов на этот счет и не накладывал взысканий. Он просто начал появляться в вестибюле главного входа в институт в девять утра и оставался там, на виду у всех спешащих на работу, примерно до половины десятого. При этом до девяти пятнадцати он просто кивал головой тем, кто с ним здоровался, а после – начинал, поглядывая на часы, здороваться за руку и обмениваться короткими фразами с теми преподавателями и сотрудниками, кого знал в лицо, а знал он очень многих. Эта «бархатная» воспитательная мера действовала очень сильно.

Ко времени переезда название института было уже изменено на «Московский инженерно-физический институт», что полностью соответствовало его сущности. Был образован Физико-энергетический факультет (Э), по профилю близкий к потребностям Минсредмаша, а Механический факультет превратился, позднее факультет ЭВУСА – в факультет Вычислительной техники (В) и факультет Автоматики (А). Учебные планы новых специальностей были составлены с максимальным учетом интересов атомной промышленности и накопленного институтом опыта. Непрерывно совершенствовались и планы уже существующих специальностей с целью приближения их к интересам отрасли. Улучшалось качество преподавания как, за счет подготовки, в основном, собственных кадров из окончивших аспирантуру выпускников института, так и за счет приглашенных из научно-исследовательских институтов специалистов. И за всеми этими переменами стоял ВГ, который остро чувствовал, что нужно сделать для того, чтобы превратить институт в «кузницу кадров», и не просто кадров, а кадров высокой квалификации, нужных для научных институтов и промышленности.

В этот сложный период количественного и качественного роста института, период принятия важных, зачастую нестандартных решений, определявших его настоящее и будущее, требовалось единство профессорско-преподавательского коллектива, отсутствие местничества и эгоистических устремлений. Требовался лидер, от которого расходились бы «волны» нравственных устоев, и кем определялись бы стандарты отношения к работе, нормы и принци-

пы принятия кадровых и хозяйственных решений. Институту повезло, что в этот период его возглавлял ВГ. Работа деканатов, Ученого совета института и только что созданных Ученых советов факультетов, участие парткома, месткома, комитета комсомола в создании нравственного климата в коллективе – всему этому он уделял неустанное внимание, как и хозяйственным вопросам жизни уже многотысячного коллектива. Требуемые результаты он получал разными способами: и систематической работой, и разовыми яркими, часто необычными, но всегда эффективными решениями и способами. Так на вопрос: «Где ректор?», – его многолетний и единственный секретарь Анна Михайловна довольно часто отвечала: «Ходит по институту». Он ходил почти всегда в одиночку, никого не предупреждая заранее о маршруте, заглядывая и в аудитории, и в укромные уголки зданий, и в научные лаборатории. Не обходилась вниманием и требовавшая постоянного ухода большая территория института. Все, что он видел при этом, и хорошее, и не вполне, или обсуждалось безотлагательно с сотрудниками института и, если требовалось, отражалось в приказах, или откладывалось в памяти «на будущее».

ВГ предпочитал добиваться поставленных целей путем принятия продуманных решений и организации системы их выполнения. При этом никогда не подчеркивал своей роли, не выводил себя вперед. Но если требовали обстоятельства, он без колебаний, открыто, брал на себя роль лидера и личным примером вел за собой коллектив. Показателен один случай, правда, не относящийся к служебной деятельности. В 1964 году ВГ был назначен руководителем отдела «Атом для мира» советской национальной выставки в Лондоне. В выходной день он с сотрудниками отдела поехал в Брайтон посмотреть этот курортный городок и искупаться в Ла-Манше. С погодой не повезло. Несмотря на июль месяц, было холодно, ветрено, иногда моросил дождь. Когда группа добралась до пляжа, совершенно пустого, желание купаться быстро исчезло. Все, поживаясь, стояли у воды, явно предпочитая вместо купания заняться чем-нибудь другим, лучше в теплом помещении. Видя это, ВГ начал снимать куртку со словами: «Приехали купаться, так надо купаться. А погода нам не помеха!». И первый пошел в воду, а за ним и все, действительно – все, остальные. Потом в группе не было че-

ловека, который не вспоминал бы об этом купании с удовольствием.

При всей занятости общими для института делами ВГ никогда не терял из вида проблемы отдельных людей. Не было случая, чтобы он не смог принять кого-либо по личному вопросу, вне зависимости от занимаемой этим человеком должности. И он никогда не забывал о данных обещаниях, о мерах, которые с его точки зрения надо было принять в той или иной ситуации. К тому только один пример. Одного из молодых преподавателей института Минсредмаш оформлял в краткосрочную загранкомандировку. Проректор по режиму, отвечавший по линии КГБ за вопросы безопасности, отказал в разрешении поездки, мотивируя тем, что этот сотрудник посещал один из секретных объектов Минсредмаша в районе Томска. Когда ВГ узнал об этом, то без каких-либо обращенных к нему просьб, он на выездных документах вместо визы проректора написал: «Согласен. Под мою личную ответственность в отношении осведомленности» и поставил свою подпись. И пустой по существу, но практически не решаемый вопрос, важный даже не для института в целом, а только для одного из его сотрудников, был решен. Сомневаться в праве ректора принимать подобные решения под свою личную ответственность никто не стал.

В рабочие дни недели «график» ВГ был почти всегда один и тот же: подъем в 6 утра, прогулка с собакой, завтрак и – в институт, на весь день, если не надо было ехать к какому-нибудь высокому начальству. Что он делал целый день в институте? А все, что было нужно для института. Перечисление здесь было бы длинным и утомительным. Вечером – домой, ужин, дети и другие семейные дела, и в 10 вечера – спать. Эти вечера с семьей были полны душевной теплоты, шуток и розыгрышей. По большому счету, кроме работы и семьи он больше ничем и не занимался. Его, конечно, интересовали книги, театр, кино, концерты. Но для этого в «графике» очень часто просто не было времени. Он редко ходил в гости, и только к людям, которых он хорошо знал. К себе приглашал охотнее, но тоже не часто, и опять – из-за «графика». Но в году были два обязательных дня: день рождения Эммы Яковлевны и встреча Нового Года. В эти дни гости в доме были всегда, и гостей было много. Но об этом – позже.

В отношении самого себя ВГ был предельно скромен. Он никогда не гнался за «лучшим». Были добротные, но обычные, одежда и питание, и никаких «изысков». Даже принадлежности для любимых им охоты и рыбалки были самые обычные. Я не могу, например, припомнить, что видел на его голове шляпу. Кепка – осенью и весной, и всегда во время праздничных демонстраций, зимняя «ушанка» при холодах и вязаная спортивная шапочка в выходные дни. В эти дни он всячески старался действительно отдохнуть, сбросить с себя «груз ответственности» за институт. ВГ не мыслил себя без контактов с природой, был «фанатом» рыбалки, особенно зимней, любил и охоту, хотя в меньшей степени. Но это, возможно, просто потому, что в одной азартной погоне за утками его супруга оказалась на линии огня спиной к стрелку, что привело к необходимости выковыривать из-под кожи довольно много дробинки. При этом был и соответствующий «обмен мнениями».

Новый комплекс МИФИ создал широкие возможности для выполнения силами коллективов кафедр научных работ по хозяйственным договорам с промышленными предприятиями и отраслевыми НИИ. Эти возможности активно использовались, и очень быстро в институте практически не осталось кафедр, кроме некоторых общеобразовательных, где не выполнялись бы работы по договорам. Кроме того, на «добытые», при активном участии ВГ, у Минфина бюджетные деньги было создано несколько «проблемных лабораторий», работавших по темам, представлявшим интерес для кафедр, но слишком «проблемным», чтобы найти для их финансирования заказчиков на стороне. Все это очень помогало повышению уровня знаний и квалификации молодых преподавателей, а также давало им и техническому персоналу дополнительный заработок. Хоздоговорные работы позволяли оснащать лаборатории, в том числе и учебные, современным оборудованием и приборами. Они создавали новое «лицо» института, делали его «своей» организацией в системе Минсредмаша, в ряду НИИ других оборонных министерств и ведомств.

Новые оснащенные помещения института открывали широкие возможности для развития студенческой самодеятельности, кружковой работы и других увлечений, не связанных со спортом. В прекрасном актовом зале «в полный голос» запел институтский хор,

работа которого с момента его основания была постоянно в поле зрения ВГ. Наряду со знаменитым студенческим театром МИФЭСТ появились факультетские творческие самодеятельные коллективы. Расширил свою работу Молодежный Университет культуры, начались КВН, Клуб студенческой песни, заработало субботнее кафе «КВАНТ», появился литературный кружок. Все эти увлечения, если даже и не инициировались ректоратом, то постоянно им поддерживались.

Я покинул институт весной 1967 года. После этой даты, в силу обстоятельств, я получал только очень отрывистые и случайные сведения о том, как жил институт. Поэтому иметь какое-либо обоснованное суждение о событиях в его жизни после 1967 года я, конечно, не могу. «Золотой период» в жизни института продолжался долго, до декабря 1974 года, когда ВГ было предложено занять пост Председателя Высшей аттестационной комиссии. Это было предложение, от которого «нельзя было отказаться», и золотой период закончился. После ВГ на посту ректора МИФИ сменилось несколько человек. Все они были выпускниками института, учеными заметного уровня, обладали обширным опытом педагогической, административной и общественной работы. Все они честно, квалифицированно и добросовестно работали, но ни один из них все-таки не смог подняться до уровня ВГ. В разговоре со мной в 2002 году Министр по атомной энергии А. Румянцев, сам выпускник МИФИ, еще раз подтвердил эту, очевидную для всех знавших историю института истину, сказав: «В истории МИФИ только и был один настоящий со всех точек зрения ректор – Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов».

В период руководства ВГ ВАКом мне редко приходилось бывать в Москве и поэтому плохо представляю себе условия работы там. Ясно только одно: ему там было трудно, намного труднее, чем в МИФИ. В институте был творческий коллектив единомышленников, созданный при его активном участии. А в ВАКе – бюрократический аппарат, «присидевшийся» на своих «теплых» местах и совершенно не стремящийся к каким-либо переменам. Вопреки правилам бюрократии, ВГ пришел в ВАК как одиночка, не «притащив» с собой «свиту» из верных «слуг». И бороться за остро необходимые перемены в работе ВАКа ему приходилось почти в одиночку. Еди-

номышленников в стенах бюрократической крепости было мало. Тем не менее, за почти тринадцать лет его работы в ВАКе ему удалось изменить в лучшую сторону многое. Была усовершенствована система экспертных советов по отдельным направлениям науки и техники. Для работы в советах были подобраны компетентные и добросовестные специалисты, их возглавили видные ученые. В результате, повысилась объективность в оценке диссертаций, сократились сроки их рассмотрения, то есть улучшилась та работа, для выполнения которой и существовал ВАК.

Работа с кадрами, которая для ВГ всегда была приоритетной, постепенно давала свои результаты. Делопроизводство стало более четким, повысилась ответственность за результаты работы. Для укрепления коллектива использовались самые разные методы. Но, как это всегда было типичным для ВГ, «пряника» было несравненно больше, чем «кнута». Показателен один эпизод, свидетелем которого я был во время моего единственного посещения ВАКа. Раймонду Паулсу, который был тогда в зените своей славы, было присуждено звание доцента. ВГ сумел договориться, что после процедуры вручения диплома Р. Паулс даст небольшой концерт для сотрудников ВАКа. А он, уже по собственной инициативе, привез на концерт весь свой великолепный детский ансамбль «Кукушечка». Концерт, на который собрался весь ВАК прошел с громадным успехом. Р. Паулс и дети старались изо всех сил, и результат был просто фантастическим. После концерта ВГ пригласил Р. Паулса на небольшое «застолье», где было всего пять человек: «виновник» торжества, ВГ и я – с женами. В самом начале «мероприятия» произошел конфуз, когда Р. Паулс, увидя на столе бутылку коньяка, сразу сказал: «Это – не для меня». Он откровенно пояснил, что в юности много играл по ночам в ресторанах Риги. Это, естественно, сопровождалось тостами поклонников и, в конце концов, привело к алкогольной зависимости. По счастью, он рано понял это, нашел в себе силы пролечиться, выздоровел и с тех пор не выпил ни капли спиртного. В знак солидарности коньяк был немедленно убран, что никак не повлияло на удовольствие от неформального общения с талантливым музыкантом.

Самым крепким «орешком» для ВГ была принятая система оценки качества диссертаций, защищенных на «закрытых» ученых сове-

тах, по результатам секретных работ для обороны страны. Как и во всех случаях, когда воздвигаются какие-либо «заборы», нарушений в этой сфере было больше, чем в «открытой» области. А ВАК от оценки качества таких диссертаций был фактически отстранен. И все попытки ВГ не то, чтобы «сломать» этот барьер секретности, – что было, конечно, невозможно, – а чтобы ввести хоть какой-нибудь контроль, ни к чему не приводили. За подобными диссертациями стояли могучие покровители, и предложения ВГ, хотя и тщательно продуманные и обоснованные, в Правительстве СССР поддержки не находили. В том числе и не без помощи ряда сотрудников ВАКа. Отношение Правительства к ВАКу поясняет один пример. По инициативе ВГ было начато строительство для нового здания ВАКа. Великолепное по архитектуре и удобствам для работы здание было построено, но занял его не ВАК, а Арбитражный суд.

Так и случилось, что ВГ постепенно пришел к выводу, что его дальнейшая работа в ВАКе не имеет смысла. Он пришел туда с тем, чтобы улучшить работу этой нужной для страны организации, а не для того, чтобы просто возвышаться на высоком посту. И тогда было написано заявление об отставке. Кстати, уже после ухода ВГ, несколько сотрудников ВАКа из тех, кто возражал против смягчения ограничений по секретности, были обвинены в коррупции.

После ухода из ВАКа у ВГ не было никакого желания заниматься административной работой. Его интересы сводились к преподавательской, научной работе в МИФИ и ответственности за Совет ветеранов института. Под его председательством Совет выполнил много полезной работы, связанной как с помощью ветеранам, так и с воспоминаниями об Отечественной войне. Кроме таких «вещественных» результатов, как, например, составление и издание к шестидесятой годовщине Победы книги о ветеранах МИФИ «Мы помним ваши имена...», на память приходят совместные поездки ветеранов и студентов к местам боевой славы, встречи ветеранов со студентами, да и многое другое.

Но, пожалуй, самым важным было то, что именно в этот период ВГ «вернулся к морю», начал укреплять свои контакты с ветеранами военно-морского флота и активно участвовать в их общественной деятельности. Его популярность среди моряков была очень большой. Я сужу об этом по одному, но очень показательному при-

меру. Шестнадцатого марта 2004 года я шел в институт на празднование юбилея ВГ. Совершенно неожиданно меня обогнала большая, человек в тридцать, группа военных моряков во главе с адмиралом. Все – в черных шинелях, многие – с погонами высшего офицерского состава, чуть ли не бегом спешащие на юбилейные торжества. Отмечали восьмидесятилетний юбилей ВГ просто замечательно. Актальный зал был полон, выступления и приветствия – волнующими, настроение – по-настоящему праздничное. Было много примечательного: и великолепное пение институтского хора, и отличный ужин, но больше всего запомнилось выступление ВГ в конце официальной церемонии. Надо отметить, что его никогда не привлекало «ораторство», стремление подняться на трибуну. Это просто не был его способ общения с людьми. В своих высказываниях он предпочитал краткость, конкретность и убедительные аргументы, а не красноречие. На юбилее он отошел от этой привычки и тщательно перечислил и обосновал свою благодарность организациям и отдельным людям за поддержку и помощь. Заключительная же часть речи отражала его политические взгляды и была, по существу, напутствием собравшимся. Я, к сожалению, не могу привести его слова дословно, но смысл его позиции был в том, что он был, есть и всегда будет сторонником социализма и государственности в России. И любые попытки увести страну с этого курса должны рассматриваться как неоправданные и вредные для страны и ее народа. Прозвучало это мощное заявление строго и убедительно, и было встречено дружными аплодисментами.

В середине шестидесятых годов Московская область выделила для ветеранов войны садовые участки. Не забыли при этом и ветеранов МИФИ, в том числе – ВГ. Дружными усилиями семьи, где ВГ был «трактором-бульдозером», участок был быстро приведен в порядок, а на нем – смонтирован щитовой сборно-разборный дом. Не ахти какая роскошь, но достаточно просторный и удобный для жилья летом. В этом доме ВГ обычно проводил отпуск в августе месяце, после того, как заканчивалось зачисление новых студентов на первый курс. Он, конечно, не сидел весь месяц на одном месте, а отличался то на рыбалку, то на охоту, но «база» всегда была в поселке ветеранов института, среди близких ему людей.

Насколько я знаю, исключение из этого правила было сделано только один раз, летом 1966 года. В этом году моя семья решила провести отпуск на Украине. Многократный чемпион мира по борьбе Александр Иваницкий сказал нам, что на всей Украине просто нет лучше места, чем его родное село Прохоровка, что расположено на левом берегу Днепра, чуть ниже города Канева. Возражать было трудно, и мы начали готовиться к отпуску. Моя жена немедленно развернула агиткампанию среди друзей, и в результате в августе в Прохоровке собралось почти тридцать отпускников, включая детей. В этой «тридцатке» был и ВГ с семьей. Это был замечательный отпуск для всех нас. Гостеприимное село с крестьянскими продуктами, всегда свежими овощами и фруктами, могучий Днепр с песчаными пляжами, купанием и рыбалкой, великолепная погода – все было просто отлично. Но основой всего был, конечно, коллектив друзей, увлеченный, помимо всего, съемками любительского кинофильма «Брак по прохоровски» – что-то вроде ковбойско-индейского «вестерна». В фильме участвовали все, включая самых маленьких детей. Восторгам не было конца, особенно когда одетые и загримированные под ковбоев и индейцев «артисты» собирались для съемок очередного эпизода. ВГ досталась роль вождя индейского племени, и он сыграл ее отлично, с видимым удовольствием. Должен сказать, что это было очень интересно – видеть его в головном уборе из перьев, разрисованного до пояса разноцветными «индейскими» узорами, с манерой поведения и повадками настоящего туземного властителя. На отдыхе он, как и всегда, был внимателен и доброжелателен. Но к этому добавлялась еще и некоторая раскрепощенность, готовность охотно отзываться на шутки, розыгрыши и шутить самому. Он легко «вписался» в коллектив, почти треть которого ему ранее была неизвестна, и всегда участвовал в «общественных» мероприятиях, в том числе и таких экзотических, как посещение острова на Днепре для дегустации самогона, который там, вдали от властей, «гнали» местные жители. Я уверен, что если бы сотрудники и студенты института увидели бы ВГ в этот отпускной период, его авторитет и уважение к нему только выросли бы.

День рождения Эммы Яковлевны удачно находился в начале сентября месяца. К этому времени все успевали уже вернуться из

отпусков, и были полны свежих впечатлений и новостей. Отмечать этот день друзья дома всегда собирались дружно. Особых приготовлений не требовалось. Букет цветов для именинницы – и вам очень рады. Никакой «раскрутки» не было. Пришли, и прямо за стол. А на столе – не то, чтобы роскошь, а просто – замечательно вкусные закуски и еда. По итогам лета – малосольные огурчики, овощи, зелень, помидоры. А к отварной картошечке – ветчинка, буженинка, колбаска и так далее. И обязательно – селедочка с зеленым лучком. Что пили дамы – не могу припомнить, а для мужчин, конечно, – водка. Этот «напиток», ВГ ставил неизмеримо выше всех остальных. Выпивали в хорошем темпе – «между первой и второй не закусываем», – но в сумме не так-то уж и много. Рюмочки были маленькие, грамм по сорок – не больше. Во всяком случае, не могу припомнить ни одного случая, когда хоть кто-либо из гостей начинал покачиваться или заговариваться. Все знали, что как ВГ, так и другим участникам торжества, это очень не понравится.

За столом было весело, все оживленно обменивались новостями и шутками, рассказывали о летних впечатлениях. «Момент истины» наступал, когда ВГ почти просительно говорил: «Ну, что же, споем, что ли?». Он очень любил пение, особенно коллективное, хоровое, и сам всегда пел с воодушевлением, выкладываясь «по полной». «Басковых» среди нас не было, но, тем не менее, хор звучал. В нем слышался и бас Н. Боркова, и тенор Е. Филипчука, и звучный, низкий, чуть с хрипотцой голос ВГ. Да и женский коллектив вносил свою лепту в звучание и зачастую определял, что следует петь. В первую очередь всегда пели «институтские» песни, такие как «Дубинушка», «Вот ты проходишь...» и подобные. Но затем шли и народные песни, и эстрада. В целом, все было дружно, душевно и хорошо. Такой традиционный ход праздника был изменен, насколько я знаю, только однажды, когда ВГ в конце августа вернулся из поездки на Камчатку. Он привез с собой пяток крупных, собственноручно пойманных и слегка засоленных лососей. Поэтому гостей провожали в пустую комнату, где звучала пластинка «Голоса леса», а на зеленой подстилке на полу была поставлена палатка, на треноге висел котелок и на «газетке» были выложены закуски: крупно нарезанная лососина, большой кусок копченой свинины, вареная картошка, огурцы, банка бычков в томате и буханка черно-

го хлеба. Пить предлагалось якобы разведенный спирт, а фактически – нормальную водку. Причем – из алюминиевых кружек. В общем – «Праздник туриста». Гости были слегка ошарашены и, поскольку стульев в комнате не было, некоторое время не знали, что лучше: стоять, присесть «на корточки» или прилечь «на бочок». А потом – освоились, и выпивали и закусывали с удовольствием. А одетый в заношенные штаны ВГ, в кроссовках и тельняшке, активно выполнял функции виночерпия. Но, когда все более или менее устроились, хозяйка дома неожиданно заявила: «Все! Праздник туриста закончен». Все недоуменно притихли, но в этот момент распахнулась дверь в соседнюю комнату, и все увидели ярко освещенный, традиционно накрытый стол, вокруг которого стояли... стулья.

Но главным праздником была встреча Нового Года. И тут участники праздника уже не могли ограничиться «букетом цветов». Все было значительно сложнее. Подготовка к празднику начиналась со встреч «женсовета» в самом начале декабря, где легко договаривались, кто какое «блюдо» принесет на праздник. С напитками тоже была полная ясность: шампанское – за хозяевами дома, а остальное – кто что хочет видеть на столе, тот это и приносит с собой. Но главное – решался вопрос о теме «новогоднего театра» – представления, к которому каждая пара клятвенно обязывалась подготовить эстрадный номер, более или менее соответствующий теме. И после этого, весь декабрь, каждый из участников торжества в муках создавал свой номер. Способностей явно не хватало, но не подготовить «номер» было просто невозможно.

31 декабря собирались к одиннадцати вечера. И сразу – за стол. После проводов Старого года и встречи Нового под телевизионное приветствие из Кремля, брызги шампанского и дружные крики «ура», ВГ и хозяйка дома незаметно исчезали, стараясь не привлекать внимания. А через некоторое время звенел дверной звонок, и на пороге стояла Снегурочка, а за ней – Дед Мороз с большим мешком через плечо. Оба – в великолепных, хотя и самодельных, традиционных костюмах и ярком гриме. После приветствий Дед Мороз начинал доставать из мешка подготовленные семьей подарки и объявлять «получателя», а Снегурочка задорно комментировала их ценность и особенности. Вся эта подарочная церемония проходила в режиме веселой дискуссии, когда якобы «тупого», суетливого и

путающего все Деда поправляла Снегурочка, смеясь при этом специально отработанным для церемонии ненатурально «звонящим» смехом. А «Дед» вдохновенно играл свою роль, только побряхтывая при очередной своей «ошибке» и получая искреннее удовольствие от всего спектакля.

Рюмкой водки всех гостей встречал «слуга» ВГ

После того, как с закусками «в первом чтении» было покончено, хозяйка дома торжественно объявляла о начале спектакля в так называемом «Театре ежегодных елочных представлений», сокращенно Театр ЕЕП – и далее номер года, когда это происходило. А затем первая пара, а за ней все последующие показывали, на что они способны. Весь спектакль длился долго. Ведь надо было просмотреть примерно десять номеров. Поэтому пока очередная пара переодевалась и гримировалась, зрители, которые как в роскошном просмотровом зале сидели за столом, продолжали пировать. Эстрадные номера были, в основном, интересны и хорошо подготовлены. Особенно, если учесть, что выступали хорошо известные люди, но в новом «качестве». Чтобы быть более понятным, приведу два примера. В первом из них Н. Борков, в красочном костюме тореадора, исполнял арию под музыку «Кармен», но на свои слова, актуальные для «Театра». При этом он в стиле испанской корриды сражался с весьма агрессивным «быком» – своей женой. Коррида не была

доведена до логического конца, так как зрители дружно требовали сохранить «быку» жизнь. Во втором примере со сцены выступил... Николай Озеров. Точнее, не он сам, а его ГОЛОС. Моя жена, спортивный журналист Лидия Бородина, работала в спортотделе Центрального телевидения и была с Н. Озеровым в очень хороших отношениях. По подготовленному ею тексту он и записал на магнитофон шуточный репортаж об участниках встречи Нового Года. Запись эта, к сожалению, затерялась где-то в архивах ВГ, но поскольку репортаж дает об этих участниках некоторое представление, конечно шутливое, есть смысл привести по памяти отрывки из него.

Как Борков пел «Торреодора»!

ВГ «тостует»

– «...сильный, как пружина, гибкий, как фанера, со своим могучим баритоном... Коля – Николаша – ТЕЗКА !».

Это – о Николае Боркове, декане факультета ТЭФ. Он был знаменит любовью к пению, спортивной формой и невероятной худобой.

– «... он вернулся к нам, вернулся из далекого вражеского Нью-Йорка. Правда, не в «Мерседесе» голубой воды, но зато в мохеровых плавках».

Это – об авторе, длительная командировка которого для работы в ООН закончилась незадолго до этой встречи. А мохер был исключительно моден в то время.

«... Этим тезкой я особенно горжусь. Вдумчивый взгляд, едва заметная улыбка и широкий лоб сразу выдают в нем незаурядного шахматиста. И шахматиста очень высокого класса. Но у него есть и другие исключительные достоинства. Недаром, ведь, была ему вручена Нобелевская премия! Давайте, спросим себя честно, ну кто еще из нас достоин этой награды? И ответ будет очевиден – никто. Нет у нас такого высокого уровня мышления и такой трудоспособности. Говоря на понятном мне языке, должен сказать, что «пас» мы еще дать можем, но забить «гол» – нет. И, восхищаясь успехами Николая, мы должны это честно признать».

Это – о Николае Басове, Лауреате Нобелевской премии по физике.

И так – обо всех участниках Театра «ЕЕП-83». Конечно, в моем изложении это звучит совсем не так звучно и сочно, как голосом Н. Озерова. Да и масса «словечек» и «оборотов», которые так талантливо создавал Н. Озеров и так артистично использовал, потеряна в моей памяти. Очень жаль! Остается только надеяться, что со временем найдется эта магнитофонная запись, и мы снова сможем в деталях вспомнить наши Новогодние встречи и Великого спортивного комментатора.

Сам же номер выглядел очень просто. Одетый «под Озерова», то есть в пиджаке, рубашке с галстуком и подушкой под рубашкой, но в кроссовках и поношенных тренировочных брюках, – Н. Озеров никогда не заботился об одежде для нижней половины тела, так как телекамера ее не показывала – я сидел в рамке «экрана» и делал вид, что веду репортаж. Для этого надо было только более или менее вовремя разевать рот и максимально использовать мимику.

После окончания представлений было продолжение застолья, с хоровым пением, танцами. А потом – прощальный чай с традиционным тортом бизе, испеченным женой Юрия Быковского. Расходились уже утром, когда начинало работать метро, и ВГ обязательно провожал всех до «Кропоткинской».

С выставкой в Лондоне, о которой уже говорилось, связано еще одно примечательное воспоминание. Во время ее работы Англию посетил Ю. Гагарин. Это был его первый визит в капстрану. Принимали Ю. Гагарина с восторгом. На улицах толпы зрителей часто просто блокировали проезд «Роллс-Ройса» с номером ЮГ-1. Перед

окончанием визита он устроил пресс-конференцию, на которую в помещении крытого стадиона собралось более двухсот журналистов. Перед ними за импровизированным столом в одиночестве сидел Ю. Гагарин. Каких-либо советников рядом с ним не было. Он был лицом к лицу с буквально «ордой» профессиональных «борзописцев», каждый из которых стремился задать свой вопрос, многие – с «подковыркой», некоторые – явно недружественного или даже враждебного характера. И это была первая пресс-конференция Ю. Гагарина на Западе, да еще такого масштаба. Длилась она более трех часов, и все это время он непрерывно отвечал на задаваемые вопросы, на все, даже самые каверзные. Отвечал открыто, ясно, простым точным языком, всегда – «сочным», иногда с юмором, но всегда удобным для перевода. В самые сложные моменты, а такие были и не раз, он полностью владел собой, был спокоен и голос его не менялся. К концу конференции аудитория оценила его личность, стала аплодисментами встречать наиболее удачные ответы и «шиканьем» – явно недружественные вопросы. Мы с ВГ «просочились» на эту пресс-конференцию из чистого любопытства. Но, попав на нее, уже не могли уйти, не досидев до конца: так это было захватывающе интересно и поучительно. Когда мы уходили, глаза у ВГ были увлажнены, и он с явным волнением в голосе сказал: «Какие люди у нас в стране есть!». Патриотизм всегда был одной из самых его примечательных черт, и поколебать его абсолютное преклонение перед Родиной было совершенно невозможно.

Последний раз я был у ВГ дома за год до его кончины. Тогда он сказал, что неизлечимо болен. Сказал спокойно, без экзальтации и нервного напряжения. За три дня до его кончины я прилетел в Москву, с нетерпением ожидая встречи, но... телефон не отвечал. Пока я выяснил причину, время ушло, и встреча наша уже не могла состояться. Те, кто был с ВГ в этот последний год его жизни, говорили мне, что был он спокоен, привел в абсолютный порядок свои служебные, общественные, семейные и личные дела и без страха смотрел в будущее. Герой кинофильма «Остров» незадолго до своей смерти говорит: «Умирать не страшно. Страшно предстать перед Всевышним». ВГ не боялся ни смерти, ни встречи с Всевышним: за всю свою долгую жизнь в 85 лет он не накопил грехов, требующих Его суда.

ОГАНЕСЯН Юрий Цолакович

Академик РАН, научный руководитель Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ в Дубне, лауреат Государственных премий СССР и РФ, автор открытия 118 элемента таблицы Менделеева «Оганессон», награжден орденами Трудового Красного Знамени, орденами «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почета», Золотыми медалями имени И.В. Курчатова и М.В. Ломоносова.

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ

В рассказе, подобно пьесе, должны быть действующие лица, главные роли и события. Постараемся придерживаться такого сценария. Итак, действие происходит в 1950 году, через пять лет после окончания Великой Отечественной войны.

Главные действующие лица. Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, секретарь парткома Московского механического института, человек, вернувшийся с фронта, видевший жуткую смерть в лицо, чудом выживший после тяжелого ранения. При этом, сохранив жизненную энергию и жажду знаний, поступил и успешно завершил учебу в ММИ (ММИБ), одном из сложнейших вузов страны.

В ту пору он еще не был большим ученым, ведь был совсем еще молод. Науке, которой он себя посвятил и промышленности еще предстояло многое сделать в познании и использовании атомной энергии. В 1949 году в Советском Союзе прошли первые испытания ядерного оружия. Поражала огромная энергия, которая высвобождалась при взрыве атомной бомбы. Тогда и государство, и научное сообщество поняли, что этой проблемой надо заниматься очень серьезно. Виктору Григорьевичу судьбой было предопределено не только стать известным ученым в ядерной физики, но и готовить кадры для атомной отрасли. Как человек, пришедший с фронта, молодой и быстрый он, естественно, был главным кандидатом на пост секретаря парткома учебного института. И он взял на себя эту ответственность. Включившись в турбулентную жизнь и работу тех

лет, еще со студенческой скамьи, ВГ особенно не засиживался в институте, и, наверное, что важно для нашего дальнейшего рассказа, многие заседания парткома с ним как-то согласовывались и по форме, и по содержанию.

Второй персонаж рассказа – Ваш покорный слуга, студент первого курса Московского механического института (ММИ), которому скоро исполнится 18 лет. Окончив с серебряной медалью среднюю школу в Ереване, я прибыл в Москву с намерением поступать в МАРХИ (*стать архитектором*) или в ММИ (*стать физиком, тогда физики были, что называется «в моде»*). Реальные предпосылки поступить и в тот, и в другой вуз были, так как за плечами успешная учеба в художественной школе при Ереванском Дворце пионеров и серебряная медаль по итогам окончания средней общеобразовательной школы. Однако помимо вступительных экзаменов семнадцатилетнего юношу ожидали и другие испытания. В Москве – ни родных, ни знакомых. В ожидании назначенного в ММИ дня собеседования для медалистов мне пришлось жить один день на Курском, а потом еще девять дней на более уютном и спокойном Ярославском вокзале. Оттуда ходил на собеседования в ММИ, и легко их преодолев, я стал студентом «секретного института». Получил место в общежитии в получасе ходьбы от ж/д станции Лосиноостровская (*тогда это был подмосковный город Бабушкин*). И теперь Ярославский вокзал, давший мне кров в трудные, бездомные дни, стал надолго моим ежедневным добрым попутчиком по дороге из общаги в институт и обратно.

Учеба на первом курсе давалась нелегко, и многим из нас оказалась не под силу. Так, из 400 поступивших на первый курс студентов, после первой экзаменационной сессии осталась в институте лишь одна треть. Но большинство из отчисленных легко, без экзаменов перевелись в другие вузы на второй семестр.

Вернемся к интересующему нас событию. Весна 1951 года. Идет заседание парткома. В повестке заседания последний вопрос – исключение из комсомола студента первого курса Юрия Оганесяна. Секретарь комсомольской организации института зачитывает протокол заседания комитета ВЛКСМ. Единогласное решение – *почти дословно*: «За отказ от выполнения комсомольских поручений, а

также неоднократный пропуск комсомольских собраний, исключить из рядов ВЛКСМ».

Всем присутствующим было предельно ясно, что за этим должно последовать автоматически исключение из института. Время было такое! Член парткома, ведущий заседание, обращается к своему секретарю:

– Виктор Григорьевич, когда Вы были в командировке, мы ознакомились с решением комитета ВЛКСМ и предлагаем поддержать его.

Тогда я впервые и увидел Виктора Григорьевича и можно сказать «познакомился». Он спрашивает меня:

- А как ты учишься?
- Неплохо, – отвечаю.
- Что значит неплохо? Как сессию сдал?
- На пять.
- Что, все экзамены на пять?
- Да.

Виктор Григорьевич взглянул на членов парткома, как показалось мне, с изумлением и вновь спросил:

- А почему же ты отлыниваешь от комсомольской работы?
- Мне просто не хватает времени, так как живу в общежитии на Лосинке.

И подробно рассказываю, что на дорогу пешком до станции, лесом – полчаса. Потом электричка, затем метро. Туда и обратно порой часа 3 уходит. Занятия в институте по 9–10 часов. Домашнее задание готовлю в читалке института. Поэтому в общежитие приходится возвращаться поздно вечером. Больше ничего делать не успеваю.

Тогда Виктор Григорьевич обращается к комсомольскому секретарю:

– А Вы предупреждали Ю. Оганесяна о возможных последствиях его отказа от выполнения поручений? Интересовались его учебой, бытовыми условиями?

– Нет, мы его поведение обсудили и приняли единогласное решение.

– Так дело не пойдет, – говорит Виктор Григорьевич.

И добавляет довольно жестко, обращаясь ко всем:

– Если мы будем исключать отличников из института, тогда скажите мне, как нам готовить первоклассных специалистов, инженеров-физиков, которых ждет страна? Я – против вашего решения!

И продолжил: – Я не оправдываю Оганесяна за то, что он уклоняется от общественной работы. Если он ее не делает, по тем или иным причинам, то делает за него кто-то другой. Поэтому предлагаю следующее:

Первое – вместо исключения из комсомола изменить взыскание на выговор с первым и последним предупреждением. Именно в такой формулировке, – сказал Виктор Григорьевич, глядя в сторону секретаря комитета комсомола.

Второе – дайте ему конкретное поручение. Через полгода на заседании комитета комсомола послушайте его отчет. Если он окажется таким, как вы говорите, злостным нарушителем, тогда вернемся к вопросу об исключении из комсомола. Если справится и выполнит, рассмотрим вопрос о снятии выговора, который сегодня выносим.

Воцарилось молчание. Не менее был удивлен и я сам. Вот это да! Такое не забывается. Ведь это был 1951 год!

Далее последовало голосование. Всего должно было быть девять членов парткома. Один в этот день отсутствовал. Результат оказался такой: четверо «За» решение комитета комсомола, четверо «Против». Но решающий голос в таком случае, можно сказать «весом 1,5», был за секретарем парткома Виктором Григорьевичем Кирилловым-Угрюмовым. И меня не исключили.

Это был последний вопрос в программе заседания парткома ММИ. Виктор Григорьевич поблагодарил всех за подготовку и участие и закрыл заседание

Вышел я из кабинета совершенно опустошенным и еще долго приходил в себя. Ощущал только, что «висел на волоске» и каким-то чудом уцелел. И только спустя некоторое время до меня дошло, какое «чудо» совершил Виктор Григорьевич, человек, который не просто отменил несправедливое решение моих псевдотоварищей, но фактически определил мою судьбу и дальнейшую линию жизни. С годами, чем больше отдалялось это событие, тем сильнее, с глубокой благодарностью, я осознавал ни с чем не сравнимую роль,

которую сыграл в моей жизни этот смелый, умный и необыкновенно порядочный человек.

На этом история не закончилась и имела очень непростое, но скорее интересное, чем драматическое продолжение. Комсомольский секретарь дал мне поручение, которое не могло быть выполнено в принципе, как ни старались с ним справиться прежде.

В те годы при подготовке к проведению выборов в Верховный Совет страны и другие органы власти, к агитационной работе среди населения привлекали и студентов. Ходили по квартирам, что-то наспех говорили о времени, месте голосования и по написанному, о кандидатах, важности мероприятия, гражданском долге и т.п. Но самым главным было, чтобы в напечатанном списке получить роспись жильцов квартиры, подтверждающую их обязательство участвовать в голосовании. Я, конечно, совершенно не представлял, своих избирателей, они же и мои слушатели, которые после моей агитации, должны стремительно ринутся отдать свои голоса блоку коммунистов и беспартийных!

Комсомольский вожак оказался злопамятным человеком и дал практически невыполнимое задание. Мне было поручено в качестве агитатора обойти несколько квартир больших домов, старой дореволюционной постройки, недалеко от нашего института, а точнее, во дворе его на улице Кирова, 21 (ныне ул. Мясницкая). Значительно позже я узнал, что в этих домах, построенных в начале XX века, проживала в основном литературная, театральная и художественная интеллигенция Царской России. А в ранние годы советской власти часть квартир была превращена в «коммуналки», в другой же части расселились и проживали родственники и остатки прежней творческой интеллигенции.

Мне же предстояло провести агитационную работу именно в квартирах, где жили эти потомки прежней богемной элиты, которые никогда, ни на каких выборах, ни за кого не голосовали. Разумеется, никто меня в комитете комсомола об этом не предупредил, и я безо всякого дурного предчувствия приступил к выполнению задания.

Поднимаюсь на второй этаж, звоню. После небольшой паузы дверь открывает средних лет женщина в убогомрачительной кра-

соты дорогушем домашнем халате, в руке – длинный мундштук с дымящейся сигаретой и спрашивает:

– Вы кто ?

– Я ваш агитатор, – отвечаю.

– Мы агитаторов не принимаем. Уходите, – и собирается закрыть дверь.

– Прошу Вас, у меня беда! Выслушайте меня одну минуту, – взмолился я.

Вероятно, вид у меня действительно был испуганно-жалким, и она произнесла:

– Зайдите, что у вас случилось?

– Понимаете, я студент, не москвич. Учусь здесь рядом, живу в общежитии. Мне строго поручили обойти несколько квартир в Вашем доме и рассказать о предстоящих выборах. Если я этого не сделаю, меня выгонят из института.

– Так, присаживайтесь. Покажите список квартир и рассказывайте подробно о своем поручении, – молвила мадам (имени я ее не помню, но «мадам» ей очень подходит).

Взглянув в список, она говорит:

– Понятно, к кому направили. Эти люди мне знакомы. Ни они, ни я никогда, ни за кого не голосуем, – и добавила: сейчас угощу Вас чаем, а Вы давайте вываливайте, что там натворили?

Поразила меня ее откровенность. Я и представить не мог, что в наше суровое время всеобщего подчинения установленному порядку, здесь в центре столицы, есть люди, которые с чем-то не согласны. Что называется «контра»! Мой же немногословный рассказ о том, почему я здесь оказался, понравился мадам. Видимо она сочла, что меня тоже можно отнести к «отряду несогласных» и почти торжественно произнесла:

– Молодой человек, я помогу Вам. Уговорю всех этих людей из списка подписать Ваши бумажки! Даже заставлю одного из двух своих мужей. Второго, увы, невозможно.

Я с удивлением взглянул на нее и спросил:

– Как это – «двух мужей»?

Она молча открыла и показала мне свой паспорт, в котором, действительно были указаны два мужа.

Через две недели, к не поддельному удивлению секретаря комитета комсомола я положил ему на стол список порученных мне для агитации жильцов, из «похабных» (как у Н.А. Булгакова) квартир, с их подписями о согласии голосовать на предстоящих выборах. Только потом я узнал, что никому до меня этого сделать не удавалось.

Вскоре этот секретарь был переизбран. На его месте оказался Евгений Викторович Арменский, будущий декан одного из факультетов МИФИ, а потом организатор и первый ректор МИЭМ, близкий товарищ Виктора Григорьевича. При нем никаких неприятностей со мной не происходило. Учился я по-прежнему на «отлично», получал повышенную стипендию. На третьем курсе мне дали общежитие на «Зацепе», напротив Павелецкого вокзала. Свободного времени стало хватать, чтобы заниматься и спортом, и наукой на кафедре. Успевал даже «подработать», преподавал физику и математику в школе Метростроя. Часто ездил домой, в Ереван. Там, конечно, заходил в Институт физики, которым руководил академик А. Алиханян. В то время в Армении собрался цвет передовой отечественной и зарубежной науки. С большим успехом проводились исследования в области физики элементарных частиц, ядерной физики, физики космических лучей и астрофизики. Там я общался с молодыми учеными. Они были хорошо знакомы с работами Виктора Григорьевича и высоко отзывались о их научных достоинствах. В эти мгновения я был чрезвычайно горд своим личным знакомством с Виктором Григорьевичем, который был не только большим ученым, выдающимся организатором высшего образования и науки, но в первую очередь замечательным, глубоко порядочным человеком. Таким он мне памятен и по сей день.

СТРИХАНОВ Михаил Николаевич

Выпускник МИФИ 1974 года, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАО (1998–2003), начальник Управления Министерства образования РФ (2003–2004), заместитель Министра образования РФ (2004–2007), заместитель директора Департамента Министерства образования и науки РФ, ректор НИЯУ МИФИ (2007–2021), и.о. вице-президента РАО, директор Института нанотехнологий в электронике, спинтронике и фотонике НИЯУ МИФИ (2021 – по н/в).

ДВА РЕКТОРА. 40 ЛЕТ СПУСТЯ

С Виктором Григорьевичем Кирилловым-Угрюмовым я встретился первый раз в 1968 году, мне было 16 лет, и я очень хотел быть студентом МИФИ. Тогда я учился на втором курсе Краснодарского политехнического института на факультете энергетики, но очень увлекался математикой и физикой, и, посмотрев список вузов Советского Союза, я остановил свой выбор на МИФИ, хотя рассматривал и Физтех, и МГУ.

Хороший знакомый нашей семьи – Николай Григорьевич Ковальский, тогда он работал в Курчатовском институте, через своих знакомых вышел на выдающихся ученых, которые работали в МИФИ, а они уже обратились к ректору МИФИ, в то время это был Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Я прошел собеседование с выдающимися учеными: Исаем Исидоровичем Гуревичем, Степаном Юрьевичем Лукьяновым, Исааком Иосифовичем Шапиро. Они давали мне разные задачи, какую-то часть из них я решил, и они приняли совместное решение рекомендовать меня в МИФИ переводом из Краснодарского политехнического института, а Виктор Григорьевич изъявил желание со мной переговорить. Я вспоминаю эту встречу – тогда он мне казался таким гигантом, который снизошел до меня, поговорил со мной дружески, спросил, почему я хочу в МИФИ, что меня привлекает. Я постарался ему объяснить, и в результате он также принял решение меня рекомендовать. Так я попал на второй курс факультета экспериментальной теоретической физики МИФИ с потерей года.

После этого я не встречался с Виктором Григорьевичем много лет (дистанция между студентом и ректором огромная). Я только видел, что Виктор Григорьевич стал председателем Высшей аттестационной комиссии, это был ранг заместителя председателя Правительства. Председателем ВАК он был 13 лет и в 1987 году вернулся в МИФИ и продолжил работать профессором.

Прошло достаточно много лет, уже меня избрали ректором МИФИ, это был 2007 год, когда мы снова встретились с Виктором Григорьевичем, как сейчас помню, в нашем высотном К-корпусе. Я спросил у него, какие советы он может дать, как очень уважаемый мной человек и ректор, мне, молодому неопытному ректору. Он действительно дал мне очень много ценных советов и рассказал известный анекдот про три пакета, который, наверняка, читатели все знают. Мы тепло попрощались, я думал, что нам предстоит достаточное количество лет совместной работы, но, к сожалению, буквально через два месяца Виктора Григорьевича не стало.

Я думаю, что В.Г. Кириллов-Угрюмов был одним из наиболее выдающихся ученых и ректоров МИФИ и вообще человеком, который имел государственный масштаб. При нем МИФИ развивался очень качественно – вот тот кампус, который сейчас находится в МИФИ, построен как раз при руководстве Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова. Конечно, много и других людей, его заместителей, внесли большой вклад в строительство этого кампуса, но все-таки основное всегда лежит на плечах руководителя, на плечах ректора. Кампус был введен в строй примерно в 1967 году, и вот уже почти 57 лет мы учимся и трудимся в этом кампусе.

И поэтому всем тем, чего мы, последователи, ученики наших великих отцов-основателей, достигли, мы обязаны ему и тем людям, которые заложили тот огонь, те искры, то пламя, которое до сих пор горит и у студентов, и у преподавателей, и ученых нашего университета.

ПАТРИКЕЕВ Лев Николаевич

Выпускник МИФИ 1956 года. Профессор НИЯУ МИФИ, член Центрального правления Нанотехнологического общества России.

БЛАГОДАРНОСТЬ, ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ, ЛЮБОВЬ

Сегодня НИЯУ МИФИ уже 82-й год, и более 72 лет моя судьба теснейшим образом связана с этим легендарным университетом*.

Директором ММИБ, когда я туда поступил, был Юлий Авраамович Шувалов. Он доброжелательно общался со всеми студентами и «благословил» нашу группу на активные занятия байдарочным туризмом. Его сменила Клавдия Васильевна Шалимова, специалист по полупроводникам, с которой я пожизненно сохранил профессиональные связи. Мой диплом в 1956 году подписан именно ею и председателем ГЭК, лауреатом Нобелевской премии Павлом Александровичем Черенковым. Со следующим директором МИФИ (1956–1958) Иваном Ивановичем Новиковым у меня была лишь одна личная встреча, связанная с поручением проконтролировать расход спирта на одной из кафедр...

Наступил 1959 год и директором, а затем и ректором МИФИ на целых 15 лет стал молодой (35 лет) декан факультета Теоретической и экспериментальной физики Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. До назначения его ректором мне уже несколько раз доводилось лично общаться с Виктором Григорьевичем. Еще в феврале 1959 года, когда декана ТЭФ МИФИ избрали делегатом **XXI съезда КПСС**, по поручению парткома и ректората (В.А. Ганцев и Е.В. Филиппчук) мне как руководителю киностудии МИФИ-ФИЛЬМ было предложено создать киносюжет о делегате съезда. За несколько дней в подвале лаборатории Виктора Григорьевича на Кировской мы в непринужденной обстановке *совместно* сделали 10-минутную киноновеллу о нем. Позднее я подарил эту нашу ра-

* В 1951 году первый курс инженерно-физического факультета МВТУ им. Н.Э. Баумана перевели в тогда еще Московский механический институт боеприпасов, а в марте 1956 года меня, уже как выпускника, оставили инженером на кафедре № 3.

боту его сыну Михаилу. Ну, а далее можно только кратко отметить наши многочисленные, важные и всегда доброжелательные деловые встречи.

1957–1960 – встречи в связи с проектированием корпусов профилактория и поликлиники №1 МИФИ (при участии Л.И. Аристархова, райкома КПСС и райисполкома)...

1961–1962 – согласования по проекту новых корпусов на Каширском шоссе и в студгородке (А.В. Коротков из МСМ, Н.Н. Киммель – ГосНИИ МСМ, А.И. Зуев из ЭПМ МИФИ).

1964–1965 – плодотворные согласования по поводу создания новой кафедры микроэлектроники. (И.П. Степаненко, И.О. Атовмян, Н.Н. Иващенко, Ю.П. Родионов).

1964–1968 – организация выездных, *семейных* празднований 8 марта в Колонтаево и других подмосковных здравницах... (Кирилловы-Угрюмовы, Филипчуки, Басовы, Скрипицыны, Барковы, Фроловы, Петровы, Быковские, Харламовы, Щавелины, Патрикеевы...).

1967 – работа над выставкой к 25-летию МИФИ. (С.Ф. Сидорин, Е.В. Арменский, Е.В. Филипчук).

1968 – поручение быть ответственным за строительство кооперативного гаража МИФИ в районе студгородка. (Райком КПСС, Н.К. Пелерман; Ю.Е. Сахаров, ТВЭЛ)...

1969 – обсуждение инициативы о создании Музея МИФИ (неожиданная отрицательная реакция и ректора, и В.М. Щавелина, возможно объяснимая тем, что молодой кандидат наук В.М. Щавелин, только что перешел на работу из МВТУ и еще не осознавал, что такое МИФИ).

На протяжении всех этих лет (1959–1974) Виктор Григорьевич осуществлял не только административно-педагогическую деятельность ректора, но и стал вдохновителем создания Академического хора МИФИ (Э.М. Рывкина и Н.В. Малявина), знаменитой на всю страну мотосекции (В.А. Ганцев и Г.В. Жемочкин), Университета культуры (Т.А. Озолина), клуба любителей поэзии (Э.В. Проценко), спортивной секции самбо (К.А. Романовский и Г. Зинкевич), гимнастической и секцией подводного плавания и др., многочисленных творческих коллективов художественной самодеятельности...

Осуществить этот грандиозный проект под названием МИФИ было бы невозможно без перманентной помощи со стороны МГК КПСС (Н.Г. Егорычев) и Министерства среднего машиностроения (Е.П. Славский).

Еще одним примером протяженного плодотворного сотрудничества с Виктором Григорьевичем был период с 1965 по 1982 годы, когда мы вместе с В.М. Колобашкиным и И.Т. Гусевым создавали Университет психолого-педагогического образования МИФИ. Этот УППОП МИФИ, где мне как ректору этого Университета приходилось читать лекции, вести практические занятия и рецензировать учебные пособия слушателей, окончили более 600 профессоров и преподавателей).

С самого начала рождения этого университета Виктор Григорьевич одобрял и поддерживал нашу инициативу и регулярно одаривал меня своими печатными статьями по педагогике.

Сегодня стоит особо отметить его тезисы о тесной связи системы образования МИФИ и Физтеха времен А.Ф. Иоффе и еще более актуальную сегодня роль *КАФЕДРЫ* как центральной единицы учебного процесса, подмеченную и подчеркнутую им в работах Д.И. Менделеева.

В 1992 году, накануне празднования 50-летия МИФИ, мы встречались почти еженедельно, поскольку мне было поручено настоятельно напоминать ему о необходимости написать воспоминания о МИФИ и его корифеях. К счастью, при активной поддержке его супруги Эммы Яковлевны этого удалось добиться, и Виктор Григорьевич «заложил» основы «Золотой книги МИФИ», которую постепенно НИЯУ МИФИ готовит к своему 85-летию (2027). Написанная и изданная в 1992 году тиражом 1000 экземпляров книга называется *«АЛЬМА-МАТЕР-50. РАЗМЫШЛЕНИЯ МИФИСТА»*. 900 экземпляров этого труда были подарены участникам юбилейных торжеств, а 100 экземпляров, *подписанных* Виктором Григорьевичем, он передал мне для хранения и презентаций в дальнейшем времени.

В 1996 году Виктор Григорьевич по состоянию здоровья вышел на пенсию, но оставался активным сотрудником, и можно сказать, *куратором* МИФИ до конца своих дней. Одной из его главных общественных нагрузок стало председательство в Совете ветеранов МИФИ, где он сменил скончавшегося в 1995 году В.Е. Пискалова.

О работе Совета ветеранов МИФИ необходимо сказать немного более подробно.

Когда в 1943 году к учебе в ММИБ приступили первые студенты-курсанты, подавляющее их большинство составляли бывшие фронтовики. Были среди курсантов парни, работавшие на оборонных заводах, и девушки, которые потрудились на сооружении окопов и противотанковых рвов. Практически все они были комсомольцами и считали своим долгом выполнять общественную работу.

В 1944 году комитет ВЛКСМ института возглавили инвалиды Великой Отечественной войны Виктор Кириллов-Угрюмов и Иван Смолин [1].

Число студентов-фронтовиков резко возросло после окончания войны, именно они и заложили свойственный выпускникам института дух товарищества, трудолюбия и справедливости.

Свой вклад в формирование этих качеств внес выдающийся ученый XX века Николай Геннадьевич Басов, а также Виктор Михайлович Галицкий, Юрий Александрович Щербаков и многие студенты, и сотрудники, прошедшие горнило войны. Огромную роль в жизни института играли партийная, профсоюзная и комсомольская организации.

Руководители партийной организации института Л.В. Ружейников и профсоюза Н.И. Алексаков, зам директора ММИБ, участник ВОВ М.В. Дубровин всеми силами поддерживали бывших фронтовиков, принявших на себя груз общественной работы. Многие из них позднее сами возглавили общественные организации, факультеты и кафедры. Так, в свое время секретарями парткома были избраны И.И. Смолин и инвалид ВОВ 1-й группы В.А. Ганцев, председателями профкома были Б.М. Энде, Л.Р. Киммель, А.М. Самонов, деканами – В.П. Конопленко, Н.В. Борков, В.А. Ганцев, заведующими кафедрами – Т.М. Агаханян, О.А. Вальднер, А.Г. Филиппов, Р.А. Носкин, В.А. Викторов, Г.Т. Борцов, ректором МИФИ – В.Г. Кириллов-Угрюмов, ректором МИЭМ – Е.В. Арменский.

С годами, по мере того как участники Великой Отечественной войны оканчивали институт и уходили на работу в промышленность или становились профессорами и сотрудниками института, возникла необходимость создания послевоенной ветеранской организации. Инициативу парткома поддержал ректор МИФИ Виктор

Григорьевич, 10 апреля 1971 года в МИФИ состоялось первое собрание ветеранов Великой Отечественной войны. Собрание фронтовиков избрало Совет ветеранов, который возглавил Герой Советского Союза, полковник запаса Василий Емельянович Писклов (кафедра № 25).

На первом заседании Совета был принят план работы и распределены ответственные за отдельные направления. О.И. Шишориной поручили работу со студентами и сотрудниками. Ю.В. Вифлеемскому и К.Г. Гизатулину – организационную работу. А.Н. Климову – радио и печать. К работе Совета с первых же дней его существования была привлечена военная кафедра во главе с ее начальником орденоносцем-фронтовиком Д.И. Мироновым.

По инициативе ветеранской организации в институте стали регулярно отмечать День Советской армии, День Победы, проводить встречи ветеранов со студентами и сотрудниками института. Многочисленные киносюжеты об этих первых собраниях, снятые участником войны А. Лукиным, переданы им в Совет ветеранов.

Совет ветеранов провел учет и оказалось, что в 1974 году в МИФИ работали 172 участника войны.

В середине восьмидесятых годов Совет ветеранов начал менять свой статус, кроме участников войны он стал охватывать сотрудников трудового фронта. А далее профессоров, преподавателей и всех, кто прослужил в университете более 20, 30 и 50 лет.

Когда на очередной отчетно-выборной конференции В.Г. Кириллов-Угрюмов был избран председателем Совета ветеранов МИФИ, он активизировал многочисленные ветеранские инициативы, и мы часто удивлялись и заражались его энергией.

Продолжу свои воспоминания о многочисленных, по настоящему деловых общениях с Виктором Григорьевичем.

Другим нашим с ним рабочим взаимодействием была *совместная* работа над кинофильмом «За честь Родины», который посвящен ветеранам ВОВ (2004 г.).

Позволю себе напомнить и о своем скромном вкладе в деятельность нашего Совета ветеранов. Главное, что удалось осуществить – это создать два любительских кинофильма: «Но мы еще не старики. Мы инженеры-физики» – о самом Викторе Григорьевиче к его 80-летию и «За Честь Родины» – о МИФИстах-фронтовиках. О втором

киносюжете, в создании которого активно принимал участие и сам Виктор Григорьевич, чуть позднее особое повествование.

В 2004 году – приближалась 80-летняя годовщина со дня рождения председателя нашего Совета, и Т.М. Агаханян, поддержанный всеми членами Совета, предложил мне создать кинофильм о В.Г. Кириллове-Угрюмове.

Сценарий, отражающий вехи его жизни и деятельности, под руководством Михаила, выпускника МИФИ и младшего сына Виктора Григорьевича, обсудила и написала вся его дружная семья (Эмма Яковлевна, Татьяна, Андрей) и их многочисленные родственники. Однако длительность предполагаемого фильма в соответствии с их сценарием могла растянуться до невозможного.

Пришлось мне самостоятельно перелопатить семейный архив юбиляра, просмотреть многие опубликованные о нем статьи и кинофрагменты, перелистать два портфеля черно-белых семейных фотографий, принесенных Михаилом, разобраться с хронологией и «родить» свой план работы над юбилейным киносюжетом длиной не более 20 минут.

В марте 2004 года, в день празднования юбилея, в переполненном актовом зале мы показали наш труд, и весь зал принял его с исключительной теплотой. Мне было особенно приятно, что фильм понравился и Эмме Яковлевне, и всем родственникам Виктора Григорьевича, а особенно всем фронтовикам и ветеранам.

Второй и значительно более сложной была работа над кинофильмом «За честь Родины». Инициатором создания этого фильма вновь выступил Татевос Мамиконович Агаханян. На Совете условились, что каждый ветеран Великой Отечественной войны, который продолжал активно трудиться в институте, напишет о наиболее ярких страницах своей боевой биографии. И автор предложения, и все участники войны более *полугода* писали собственные воспоминания, которые предлагали включить в киносюжет. Объем предложенных повествований был точно так же, как это произошло со сценарием о Викторе Григорьевиче, абсолютно неприемлемым! Ознакомившись со всеми «краткими» воспоминаниями, мне пришлось просить у Совета разрешения на написание на основе предложений ветеранов собственного сценария с предполагаемой продолжительностью фильма в пределах до 20 минут.

Для съемки даже такого непродолжительного сборника требовались весьма приличные средства (стоимость одной минуты 16мм фильма оценивалась в ту пору не менее чем в 200 долларов). Частичным спонсором съемок выступил В.Г. Никитаев, который пожертвовал на фильм 1000 долларов.

С таким скромным бюджетом мне пришлось приступить к съемкам. (Объем материальных и духовных вложений моей семьи, по-видимому, не поддается оценкам. Моя жена и дети давно махнули на меня рукой, но как могли активно помогали в этой ответственной общественной работе.)

В самом начале работы над фильмом мне активно помогал Виктор Григорьевич. Вместе, заранее созвонившись, мы поехали на съемки к тяжелобольному участнику Сталинградской битвы Е.В. Филипчуку. Он с трудом открыл нам дверь своей квартиры, с большим трудом отыскал и надел некоторые свои ордена и с еще большим трудом произнес слова воспоминаний. После нескольких дублей, отпустив оператора, мы распили втроем чекушку Столичной, уложили нашего героя в постель и, по существу, навсегда простились с бывшим проректором по научной работе, заслуженным профессором МИФИ, заведующим кафедрой №2. С того памятного дня мне не пришлось больше видаться с Евгением Викторовичем, который еще в 1960 году активно поддержал рождение в МИФИ нашей киностудии «МИФИ-ФИЛЬМ».

В том же «мифическом доме» вблизи ВДНХ жили еще два фронтовика В.И. Любенцов и Б.И. Николаев. Для съемок также приходилось договариваться о приезде к ним домой. Хозяева этих квартир искренне радовались, что нашу съемочную группу сопровождал Виктор Григорьевич.

Основные съемочные дни мы с моим оператором Е. Ахромушкиным провели непосредственно в МИФИ на Каширке. Нашей общей находкой здесь явилась съемка ветеранов в актовом зале. Здесь все были в одинаковых условиях и весьма подчеркнуто, солидно и равноценно выглядели на фоне кресел торжественного красного цвета.

Все выступления ветеранов перебивались вставками хроникальных фильмов, специально подобранных мной к сюжетам, соответствующим рассказам ветеранов.

К работе над фильмом на окончательном этапе удалось привлечь мою соседку по студгородку Тамару Александровну Озолину, которая, вдохновясь общим замыслом и отснятыми сюжетами, написала великолепные стихи, которыми начинается и завершается наш фильм. Она же с убедительной выразительностью прочитала свое сочинение, которое мне понравилось и оно целиком вошло в нашу работу.

Заканчивается фильм «За честь Родины» списком фамилий ушедших из жизни фронтовиков. Эти фамилии медленно «проплывают» по экрану на фоне *свободных* красных кресел актового зала и настолько убедительны, что еще не было случая, когда бы при просмотре, зал не вставал.

Всякий раз, когда я смотрю эти заключительные кадры, сердце сжимается от боли потерь замечательных учителей и коллег.

Короткий кинофильм «За честь Родины» был готов к празднованию Дня Победы 2005 года. Он был очень тепло принят ветеранами, сотрудниками и студентами. С помощью моего старшего сына Дмитрия нам удалось сделать более 50 копий этого 18-минутного фильма, и Совет ветеранов дарил диски с этими копиями своим заслуженным ветеранам, здравствующим вдовам и гостям ветеранских организаций нашего района и Москвы [4].

Думаю, что и теперь, спустя почти 20 лет после создания, этот фильм достоин представления на сайте НИЯУ МИФИ.

Закончить мои краткие заметки о любимом всеми МИФИстами ректоре-фронтовике хотелось бы краткими воспоминаниями о создании и участии Виктора Григорьевича в рождении и деятельности Музея МИФИ.

Напомню, что еще во времена ректорского правления В.Г. Кириллова-Угрюмова мне захотелось обновить воспоминания и пересмотреть материалы юбилейной выставки, посвященной 25-летию МИФИ. На мой вопрос: «А где собственно хранятся и хранятся ли вообще юбилейные стенды выставки», – наш проректор С.Ф. Сидорин ответил, – «Все, что осталось, хранится на чердаке Главного Корпуса». Мне разрешили подняться туда, и я пришел в ужас от плачевного состояния той замечательной выставки. Стенды были залиты, по-видимому, дождевой водой, от некоторых отпилены куски фанеры оснований, многие фотографии грубо отодраны...

Расстроенный увиденным, я написал В.Г. Кириллову-Угрюмову и секретарю парткома В.М. Щавелину служебную записку с предложением немедленно организовать музей МИФИ. Но тогда главным делом страны была подготовка к празднованию 100-летия В.И. Ленина и меня не поддержали.

А вот в 1979 году я вновь обратился к идее создания музея. Ректор МИФИ Виктор Михайлович Колобашкин, секретарь парткома Алексей Михайлович Епанешников, первый проректор Иван Трофимович Гусев, деканы факультетов и представители многих кафедр и подразделений весьма доброжелательно отнеслись к моему новому предложению.

Музей МИФИ был создан, и открытие состоялось 1 марта 1980 года.

Свои реликвии в музей передали многие выпускники МИФИ. Среди них особо выделяю В.Г. Кириллова-Угрюмова, который подарил музею все пять удостоверений делегата съездов КПСС. Николай Геннадьевич Басов отыскал и передал в музей свой студенческий реферат по философии, подробно изученный доцентом С.М. Горштейном и отмеченный им на «отлично». Юрий Николаевич Бармаков, ныне Герой Социалистического Труда и завкафедрой НИЯУ МИФИ, не пожалел отдать в экспозицию свою студенческую фотографию, на которой он сражается в шахматы с тогда еще студентом, а ныне профессором Ю.А. Волковым. Вдова вице-президента РАН и бывшего организатора и заведующего кафедрой №10 профессора М.Д. Миллионщикова не пожалела комплекта международных, весьма престижных наград мужа. Дважды герой Советского Союза, Н.Н. Рукавишников передал гидрокостюм, побывавший с ним в космосе.

Попал в музей и флаг СССР, водруженный на Северном полюсе экспедицией атомного ледокола «Ленин», в проектировании которого принимали участие многие выпускники МИФИ под руководством Героя соцтруда Н.С. Хлопкина. Здесь же оказалась и первая монография зав кафедрой физкультуры и спорта МИФИ, легендарного В.И. Старшинова.

Торжественное открытие экспозиции проходило с участием всего ректората во главе с В.М. Колобашкиным и Иваном Трофимови-

чем Гусевым. Экскурсоводом на открытии музея был, естественно, Л.Н. Патрикеев.

Буквально первыми посетителями музея со стороны были первостроители Комсомольска-на-Амуре А.С. Гаврилов и генерал Н.И. Патрикеев, мой отец.

Вторыми я пригласил в музей и они с удовольствием расписались в книге Почетных посетителей, своих друзей Н.В. Салтыкова (зам директора «Курчатника») и Л.П. Мягкого (зам директора МЗПМ, ныне «ТВЭЛ»).

Третьими почетными гостями стали пришедшие вдвоем мои уважаемые и хорошо знакомые товарищи Н.Г. Басов и В.Г. Кириллов-Угрюмов.

Все три пары первых посетителей остались вполне довольны посещением музея и по сути «благословили» его в долгий путь. Я же воспринял их отзывы как настоящую благодарность за проделанную работу.

Не могу не отметить еще одну сторону дарования Виктора Григорьевича, связанную с его любовью к рыбалке, охоте и доброжелательному общению. На охоту он отправлялся с Ю.А. Быковским, Н.В. Барковым, Н.В. Синицыным, Б.Н. Созвенко и Е.В. Арменским. А вот на зимних рыбалках вместе с А.В. Скрипицыным, рабочими нашего завода «Квант», сотрудником военной кафедры А.И. Сорокиным, вместе с его сыном, студентом МИФИ – Михаилом мне приходилось довольно часто по дружески общаться с Виктором Григорьевичем.

Мы подружились семьями, и когда (в 2006 году) случилось признание Виктора Григорьевича Человеком года в тесном кругу друзей семьи оказались и отметили это событие.

Последняя наша встреча состоялась 5 ноября 2007 года, когда я вместе с Дмитрием Ивановичем Мироновым посетили Хоспис № 1, где на излечении лежал инвалид ВОВ Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Эмма Яковлевна, которая неотлучно находилась с ним в больнице, радушно приняла нас и разрешила по-братски пообщаться с супругом. Чувствовал он себя неважно, лежал, но живо интересовался новостями жизни МИФИ и особенно публикациями газеты «Инженер-физик». Прощаясь, мы вчетвером отхлебнули по чайной ложке Столичной и с трепетом расцеловались.

6 ноября 2007 года Виктора Григорьевича не стало...

В 2024 году исполняется 100 лет со дня рождения первого ректора МИФИ Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова. Выше я, как мог, вспомнил некоторые эпизоды и встречи с этим удивительным и мудрым человеком.

Подводя личный итог этим встречам, не могу не высказать в его адрес исключительную **БЛАГОДАРНОСТЬ** за все уроки, ненавязчиво преподанные им – **ЧЕЛОВЕКОМ, который жил по совести!**

Не могу не выразить **ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ** за внимание, оказанное им мне лично и всем, кто общался с ним.

Наконец, не могу не признаться в **ЛЮБВИ** к Виктору Григорьевичу, которая наполняет и меня, и подавляющее большинство коренных мифистов.

РУБЦОВА Адэлина Ивановна

В 1969 году окончила МЭСИ. В 1972–1974 гг. работала в Совете ректоров вузов г. Москвы. В 1974–1991 годах работала в ВАК СССР. В настоящее время – главный специалист Отдела нанотехнологий и информационных технологий РАН. С 1995 по 2019 гг. – помощник-референт вице-президента РАН, лауреата Нобелевской премии по физике Жореса Ивановича Алферова.

ВО ГЛАВЕ ВАК: «ПЛЮС ВСЕ БОГАТСТВА ДИССЕРТАЦИЙ»

С Виктором Григорьевичем я познакомилась еще в Совете ректоров вузов г. Москвы, который он возглавлял в 1972–1974 годах – там я была его референтом. Когда его назначили руководителем ВАК, перешла туда вслед за ним. Надо сказать, что выбор Кириллова-Угрюмова на должность главы ВАК был закономерен: и как ректор МИФИ, и как председатель Совета ректоров он проявил себя прекрасным организатором, проницательно и быстро вникавшим в суть проблем.

В 1974 году Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Высшая аттестационная комиссия при Минвузе СССР была преобразована в Высшую аттестационную комиссию при Совмине СССР, т.е. превратилась из отраслевого в межотраслевой всесоюзный орган. А должность Председателя ВАК, таким образом, практически приравнивалась к министерской, что давало необходимую широту полномочий, так как перед ВАК стояло множество масштабных задач – это и повышение требований к соискателям, и определение научно-практической ценности представляемых работ, и анализ тем диссертаций и их количественного распределения по отраслям и институтам, причем по всем направлениям науки и техники, образования и культуры. Все это в совокупности должно было повлиять на повышение качества подготовки научно-педагогических работников, и соответственно, на ускорение научно-технического прогресса в стране.

Подобных организаций никогда нигде не существовало: ВАК, как межотраслевой государственный орган, создавалась впервые в мире, ведь за границей научные степени присваивают в университетах. Поэтому ее надо было отстраивать снизу доверху: продумать устройство, функции, систему привлечения экспертов, формы отчетности и т.д. Все это было сделано в довольно короткие сроки. Вместе с коллегами Виктор Григорьевич разработал «Положение о ВАК» систематизировавшее деятельность комиссии (утвердили его в 1975 году в декабре). Нужно было, в первую очередь, поднять уровень защищаемых диссертаций, для чего были выработаны единые требования к кандидатским и докторским диссертациям. Виктор Григорьевич за короткие сроки – для таких масштабов! – создал очень хороший и отлаженный механизм. ВАК была отличной, четко работавшей советской «машиной». И честно работавшей. Слабые диссертации, не говоря уже о неоригинальных работах, шансов не имели. Помню, как-то раз в начале 1980-х годов в ВАК пришла Наталья Петровна Бехтерева, знаменитый наш нейрофизиолог и академик АН СССР – она была удивлена тем, что докторскую диссертацию ее второго мужа, экономиста Ивана Ильича Каштеляна, не утвердили. Она прямо спросила: «Как вы думаете, Наталья Петровна Бехтерева могла выйти замуж за дурака?» Диссертацию ему так и не утвердили. Виктор Григорьевич активно боролся с «засорением кадров науки случайными людьми» – это его слова.

Работа ВАК строилась следующим образом. Руководил всем президиум, опиравшийся на экспертные советы, куда входили ученые, рекомендованные академиями наук, советами вузов и НИИ, заинтересованными министерствами и ведомствами. Президиум собирался раз в две недели. Главным органом ВАК был пленум, собиравшийся два раза в год. В его состав входили крупнейшие ученые страны, одних академиков и членов-корреспондентов было больше ста – на пленуме решались стратегические вопросы. Президиум ВАК принимал решения о присуждении степени доктора наук и звания профессора, а коллегия – степени кандидата и звания доцента и старшего научного сотрудника. Повседневные вопросы решались на заседаниях коллегии.

Работу советов по присуждению ученых степеней Виктор Григорьевич построил на новых принципах. Был изменен их состав:

раньше, когда ВАК была при Минвузе СССР, ученые советы вузов и НИИ насчитывали десятки членов, которые принимали к защите диссертации по десяти и более специальностям. Теперь же были созданы специализированные диссертационные советы, которые могли рассматривать диссертации не более чем по трем смежным специальностям, при этом в составе совета обязательно должно было быть не менее пяти докторов наук по каждой специальности – для докторских диссертаций, или трех докторов наук и трех кандидатов наук – для кандидатских. Численность специализированных советов составляла от 11 до 25 человек, причем количество ученых по профилю должно было превышать количество ученых по смежным специальностям. Сообщения о предстоящих защитах стали публиковаться в созданном тогда же «Бюллетене ВАК СССР» (его готовил специальный редакционный отдел), там же печатались новые законодательные документы и инструкции, и списки лиц, которым присуждены ученые степени и присвоены ученые звания.

По разным отраслям наук у Виктора Григорьевича были заместители (все доктора наук, не чиновники), а объединяющим их началом выступал главный ученый секретарь ВАК Алексей Иванович Исаков. Некоторых из замов Виктора Григорьевича я помню: естественными науками «командовал» Анатолий Николаевич Ермаков, гуманитарными – Кирилл Владимирович Гусев, спецотделом – Галина Михайловна Несмеянова. Из членов президиума помню Валерия Алексеевича Легасова, Виктора Сергеевича Вавилова, Владимира Сергеевича Семенихина.

Сначала руководство ВАК размещалось там же, где и Совет ректоров – в Армянском переулке, в здании напротив Армянского посольства. Мы занимали там три комнаты и совместно с Советом ректоров использовали зал для заседаний президиума. Остальные подразделения ВАК вынуждены были ютиться в не очень приспособленных помещениях в различных местах Москвы. Поэтому сразу же Виктор Григорьевич стал «выбивать» постройку нового здания для ВАК – в центре города, на улице Грибоедова (сейчас это Малый Харитоньевский переулок). В закладке его мы все участвовали, Виктор Григорьевич разбил бутылку шампанского над котлованом здания.

Построили здание уже в 1976 году, думаю, не последнюю роль в скорости строительства сыграла дружба Виктора Григорьевича с Ефимом Павловичем Славским, министром среднего машиностроения. Теперь у всех экспертных советов появились свои аудитории, и в целом здание было просторным и красивым, особенно внутреннее убранство: зал президиума и зал коллегии украшала роскошная резьба по ганчу.

В новом здании работало уже около ста человек, со всего Союза приезжали эксперты, и там у нас, наконец, появилась консьержка, а то пока сидели в Армянском переулке, никакой охраны не было, к нам мог зайти кто угодно – входная дверь поначалу всегда была открыта. Как-то раз приходит мужчина с авоськой в руках, а в ней коробка из-под обуви. Кладет мне эту коробку на стол. Я говорю: «Что это?». А он: «Диссертация!». Оставил и ушел. А в коробке был кирпич. Раз еще один странный человек пришел и стал танцевать... После этого стали дверь закрывать.

*Новое здание ВАК в Малом Харитоньевском переулке.
Сейчас здесь находится Верховный суд РФ*

С Виктором Григорьевичем я проработала в ВАК до 1987 года, то есть тринадцать лет. В мои обязанности входило, в том числе, и разбирать то, что он писал от руки. А писал он много. Почерк у него был крайне неровный – на фронте он был тяжело ранен в руку, три месяца провел в госпитале, раздробленная рука зажила, но плохо слушалась, и ручку ему было держать неудобно. Но дипломы он подписывал всегда очень аккуратно.

На работу Виктор Григорьевич приходил к 9 утра, в 13 часов уезжал домой, на Сивцев Вражек – обедать, и возвращался к 15 часам, рабочий день его заканчивался в 18 часов. Вставал он в пять утра, писал статьи, готовился к научным семинарам по ядерной физике, которые он проводил в ВАК, так как «на Каширку» (в новое здание МИФИ) ездить было далеко. На эти семинары приезжало много известных ученых – Б.И. Лучков, Б.А. Долгошеин и другие. Преподаванием Виктор Григорьевич параллельно не занимался, потому что работа в ВАК не оставляла времени для чтения лекций и занятий со студентами – у нас был колоссальный объем работ, достаточно сказать, что только диссертаций ВАК рассматривала от 30 до 50 в неделю. А порядок при такой нагрузке у него на столе и в документах был исключительный. Да и в других кабинетах тоже, его пример дисциплинировал. Рабочая атмосфера у нас была строгая. Опозданий он не терпел, сразу выговаривал: «Как вы можете?!». Если он кому назначал встречу, всегда приходил вовремя, а если что обещал – обязательно выполнял.

В новом здании ВАК

Виктор Григорьевич был большим авторитетом для всех нас, его побаивались. Не боялись, а именно побаивались, а боялись – полу-

читать от него нелюбезную человеческую оценку, поэтому старались соответствовать ему. Людей, которые его серьезно подвели или предали, он переставал замечать, но никогда не мстил и ничего плохого им не делал.

У меня часто спрашивали: «Он сегодня Кириллов или Угрюмов?» Бывало у него и угрюмое настроение, но Виктор Григорьевич умел побеждать его – такая сила характера! В личном общении он был, с одной стороны, человек взрывной, а с другой – отходчивый и отзывчивый. Взрывался он моментально, кричал, но только на близких, на своих. Мог и матом запустить – на мужиков. Так же мгновенно и остывал. Я иной раз плакала, но никогда не обижалась на него. А он сам расстраивался после «взрывов», приходилось иногда говорить, что тот, на кого накричал, очень переживает. «Да? Я сейчас пойду к нему, извинюсь», – и тут же шел.

Помню такой случай. Еще когда ВАК находилась в Армянском переулке, мы с сотрудницей Совета ректоров, Мариной, жившей в том же доме, ходили обедать в столовую ЦК ВЛКСМ, на улицу Богдана Хмельницкого (сейчас это Маросейка). Ходу было минут десять. Однажды Марина, у которой недавно родилась дочь, оставила коляску с ребенком в зале президиума, понадеявшись, что младенец не проснется, пока мы обедаем. Но он проснулся... Дальше мне рассказал Исаков – ему звонит Виктор Григорьевич и говорит: «Леш, девчонки ушли обедать, а у меня ребенок тут плачет, что делать?!». Хорошо, что мы в этот момент как раз вернулись.

С Исаковым была такая еще история. Не помню точно в каком году, в конце августа, когда Виктор Григорьевич был в отпуске на Валдае, срочно понадобилась его подпись под важным документом. Исаков мне сказал: «Езжай!». И я поехала – сначала на электричке до Вышнего Волочка, потом на попутке до поста милиции, от которого шла дорога в дом отдыха, где был Виктор Григорьевич. Милиционеры остановили трактор из этого дома отдыха и попросили тракториста меня подвезти. Едем, въезжаем в ворота, я выхожу, нашла нужный корпус, стучусь. Открывает дверь Эмма Яковлевна, жена Виктора Григорьевича: «Ты откуда?». «На тракторе приехала», – говорю. Оказывается, Виктор Григорьевич поехал меня встречать на своей «Волге», и мы с ним разминулись. Когда он вернулся, чуть не убил меня – так разволновался. Исакову тогда доста-

лось: «Леша! Если бы ее умыкнули, мы бы с тобой в тюрьму сели!» Он сильно ругался, что Исаков не поехал сам, а отправил меня.

Семьянином Виктор Григорьевич был прекрасным, а Эмма Яковлевна – прекрасной женой. Она всегда его поддерживала, сохраняла. А с нами – сотрудниками ВАК – была очень доброжелательна. Дом их отличался гостеприимством, я часто бывала в нем. С охоты или рыбалки Виктор Григорьевич неизменно что-нибудь привозил и угощал нас. Звонит Эмма Яковлевна: «Адэлиша, Витюша привез столько рыбы, можно я тебе pošлю?». Я говорю: «Спасибо! А можно почищенную?». «Можно», – и прислала почищенную.

Виктор Григорьевич в своем кабинете. Фото 1970-х годов

Охотиться Виктор Григорьевич ездил с сыном Мишей в Завидово, это в Тверской области. Как-то после одной такой охоты он рассказывал: «Никогда по деревьям я не лазил, но когда увидел медведя – сразу высоко на дереве оказался!». Чувство юмора у него вообще было отличное. В ВАК, несмотря на строгую атмосферу, мы все нередко разыгрывали друг друга. Особенно на 1 апреля. У нас был замечательный и очень исполнительный управляющий делами, помню, к сожалению, только его отчество – Кузьмич. Виктор Григорьевич был для него идеал и кумир, он старался делать все очень хорошо. Звоню я как-то Кузьмичу и говорю, что в зале коллегии, где были дорожные потолки из ганча, протечка: «Я уже ведро подставила!». Кузьмич несется сломя голову мимо Виктора Григорьевича в эту комнату. Потом выходит и спрашивает: «Виктор Григорьевич, что там случилось-то? Адэлина Ивановна вызвала меня, говорит, что с потолка течет...». Виктор Григорьевич: «Адэлиша, что там течет?». А я говорю: «Вы на календарь смотрели? Первое апреля сегодня!». Он – ха-ха-ха! Всегда смеялся над нашими розыгрышами.

По натуре Виктор Григорьевич был оптимист, несмотря на то, что жизнь у него была нелегкая. В 17 лет его тяжело ранили в битве под Москвой, под Яхромой: он упал, а все, кто были рядом, упали на него. Еле нашли его под трупами, отправили в госпиталь, рука долго заживала, его комиссовали, так как рука была раздроблена. Физиком он становиться не собирался, учился на военного моряка. Но война поменяла планы, служить Виктор Григорьевич уже не мог, и он пошел в Институт боеприпасов... Организатор он был просто великолепный, и дальновидный, наверно, физика ему это дала. Отстроив в 1970-х годах систему работы ВАК, в 80-е годы он много внимания уделял управлению тематикой и качеством исследований, которые ложились в основу диссертаций. В ВАК готовились глубокие аналитические обзоры по отдельным специальностям – машиностроению, энергетике и др. Виктор Григорьевич ратовал за «индустриализацию науки» (внедрение ЭВМ в научные исследования), за усиление прямых связей вузов и НИИ с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями – чтобы «научная продукция» была более востребованной, а перекосы между отраслями постепенно выравнивались, он писал об этом в центральной печати... Но тут началась «Перестройка». И когда СССР развалился, а вместе с

ним и ВАК, он, как любой советский человек и как настоящий коммунист, очень переживал, ведь ВАК была его детищем. Он принял решение уйти – «по состоянию здоровья». Вслух Виктор Григорьевич ничего не говорил, не жаловался. И вкуса к жизни, и энтузиазма не потерял. Он вернулся на свою кафедру в МИФИ, возглавил Совет ветеранов института. Здесь же отметили его 80-летний юбилей в 2004 году. На котором он, как и на всех мероприятиях, когда поднимали рюмочку, говорил: «Ура! И полный вперед!»

*Виктор Григорьевич
Кириллов-Угрюмов.
Фото 1990-х годов*

КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ Михаил Викторович

Родился 19 сентября 1954 года в Москве; сын В.Г. Кириллова-Угрюмова; окончил МИФИ в 1977 году, кандидат физико-математических наук, в 1990-е годы по приглашению Принстонского университета работал в лаборатории физики плазмы, в настоящее время вице-президент ЗАО «Объединенные консультанты ФДП»; писатель.

НАСТОЯЩАЯ ФИЗИКА ВИДИТ МИР ВО ВСЕХ ЕГО ИЗМЕРЕНИЯХ*

Интервью с Михаилом Викторовичем Кирилловым-Угрюмовым об отце Викторе Григорьевиче – первом ректоре МИФИ (1961–1974), студенческих традициях, любви к искусству и Творцу. Беседовала сотрудник кафедры теологии Наталия Федотова.

– Что значил для Вас отец?

– Отец был необыкновенно важен для меня. Я его очень любил, но у нас были непростые отношения. Отец был твердо уверен, что русский мужчина должен быть обязательно физиком и коммунистом. Другого он не признавал. Физиком я был, а коммунистом не был, и отсюда шли наши разночтения. Но его абсолютно пламенная вера в коммунистические идеалы никак не мешала сохранить чистоту отношения к миру. Мы с ним много ездили по стране. Был период, когда я работал кузнецом неподалеку от Псково-Печерского монастыря, и отец приезжал ко мне, будучи большим чиновником – председателем Высшей аттестационной комиссии (1974–1987) (это было большое событие для Пскова!). Его жизнь сначала мне казалась параллельной, а потом стало понятно, что все нерушимо связано.

Отец был очень нетерпеливым. В тяжелейшие и для него, и для всей страны годы перестройки он захотел исповедаться и причаститься, не помня, крестили ли его в детстве, – собрался и помчался

* <http://theology.mephi.ru/content/publications/152-mikhail-kirillov-ugryumov-nastoyashchaya-fizika-vidit-mir-vo-vsekh-ego-vzaimosvyazyakh>

в Новоспасский монастырь. До этого мы с ним вместе ходили на службы, а тут вдруг сам пошел. В толпе прихожан его заметил выпускник МИФИ, ставший клириком московского храма Сорока Севастийских мучеников, протоиерей Максим Первозванский, подошел к отцу, поздоровался... Отец Максим его впервые тогда и причастил.

Отец был замечательным человеком, воином. Его не интересовал никакой быт. Его главным служением было служение государству. Дети, семья – второй план. Главное – беззаветное служение государству, и это служение он никогда не предавал.

Москву он знал потрясаяще! Знал все столичные храмы, особенно Замоскворечье (Ордынку, Пятницкую улицу очень любил). Во времена моей юности мы постоянно ездили то в Саввино-Сторожевский монастырь, то в Троице-Сергиеву лавру, то в Новгород, то еще куда-то. Все наши путешествия были какие-то околоцерковные (правда, в то время большинство храмов были закрыты).

Отец был замкнутым человеком, даже для родных, поэтому мне кажется, что он никогда от церкви и не уходил. Просто верил в разной степени государственной дозволенности.

Он очень дружил с тогдашним главным архитектором Москвы М.В. Посохиным, блестяще образованным человеком. Они вместе ездили в архитектурные экспедиции по всей стране. Но реставрационный отряд МИФИ сложился задолго до «архитектурной школы Посохина». Странная вещь, физики ездили восстанавливать Кирилло-Белозерский монастырь!

Символ МИФИ – атомный конь – был придуман художником-авангардистом М.М. Шварцманом, совершенно запрещенным в то время в Москве. Это был такой андеграунд! Кстати, он был очень верующим человеком, и дружба с ним была чревата последствиями. Советские истории сейчас сложно понять. Молодежь считает, что это было стеклянное время, аквариумное, когда все были замкнутые, друг друга боялись, но это не так. Отец жил какой-то своей духовной жизнью, жил непрерывно, ни у кого не спрашивая.

При нем в МИФИ была вольница, хотя он был довольно строгий человек. У нас проходили премьеры фильмов А.А. Тарковского, лекции читали А.И. Комеч, С.С. Аверинцев, Л.Н. Гумилев. (Вся Москва приезжала на эти лекции, стояли по всем лестницам!) Четыре за-

мечательных театра – МИФЭСТ, Второе, Шестое и Восьмое творческие объединения ставили спектакли собственного сочинения. Например: мюзикл «От КВ до ВК» – от Каменного века до века Кибернетики, спектакль «Остановка» на стихи учившегося в МИФИ поэта Сергея Попова. В 50–60 годы в МИФИ был уникальный джаз – один из лучших диксилендов Москвы. Руководил оркестром аспирант, а потом доцент Ю.П. Козырев. На концерты с участием диксиленда МИФИ, которые вел А.Н. Баташев, трудно было попасть. В 70-е годы Ю.П. Козырев создал студию-школу джаза, ставшую известной на всю страну. Школа джаза вырастила поколения фантастических музыкантов! Что уж говорить про любимое детище ВГ – Мужской хор МИФИ, в замечательном хоровом строе которого сливались голоса и студентов, сотрудников и профессуры института. Это была своего рода каста.

Знаменитый реставратор древнерусского искусства С.В. Ямщиков рассказывал нам про реставрационные открытия. Отец давал автобусы, и я каждое воскресенье возил студентов по московским храмам и подмосковным монастырям. И это было в советские времена! Отбоя не было от желающих! Когда надо было, отец все это прикрывал, защищал своим авторитетом и следил за всем очень внимательно. И все это любил! Ему доверяли, потому что он был нестяжатель. Заподозрить его в какой-то корысти было невозможно.

– На Ваш взгляд существует ли взаимосвязь между наукой и религией?

– На днях мы с друзьями были во Владимире. Там в Успенском Княгининском монастыре служит священник Михаил Морочев, выпускник МИФИ (он работал на кафедре физики плазмы). Он хорошо сказал: «Дело науки – исследовать, а интерпретировать может только человек верующий, потому что интерпретация – дело Божественное». В этом смысле физика, если она доходит до такого видения мира, когда уже понятно, что во всем есть одна причина и одно начало – Бог, то становится жить понятнее и легче.

Создателю квантовой механики В. Гейзенбергу принадлежат слова: «Я всю жизнь пил из чаши сомнений, на дне которой был Бог» (имеются в виду сомнения научные). Немногие могут эту черту перейти, чтобы из гностицизма и научного познания мира уйти

к Божественному пониманию и видению мира целиком. Но настоящая физика видит мир во всех его взаимосвязях. Так этот мир видели Н. Бор, А. Эйнштейн, В. Гейзенберг и многие другие физики. Несколько недель назад я был в Борке, смотрел фотографии замечательного нашего отца Павла (Груздева), где он стоит рядом с Л.А. Арцимовичем. Вся Борковская школа исповедовалась и причащалась – восемь академиков духовно окормлялись у юродствующего небольшого роста босого батюшки с четырнадцатью годами лагерей за плечами! Они без веры жить не могли!

Система образования МИФИ, заложенная Виктором Григорьевичем Кирилловым-Угрюмовым, дала жизнь не только блестящей плеяде ученых, государственников и строителей атомной отрасли страны, но и плеяде музыкантов, литераторов, дипломатов и более семидесяти священнослужителей. Вот Вам и ответ на Ваш вопрос...

16 декабря 2015 года

ШАРКОВ Борис Юрьевич

Выпускник МИФИ 1973 года, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАН РФ (2009–2016). Научный директор, председатель совета директоров ФАИР (FAIR GmbH – Facility for Antiproton and Ion Research), вице-директор ОИЯИ (2018 по н/в), лауреат премии Правительства РФ в области науки и технологий, член Европейской Академии наук (Academia Europaea).

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГРИГОРЬЕВИЧА КИРИЛЛОВА-УГРЮМОВА

Это было в середине 1980-х, поздней осенью. Мне позвонил мой друг Миша Кириллов-Угрюмов и предложил поехать вместе с ним и его отцом на рыбалку на Вазузу. Недолго думая, я согласился. Время на сборы было отпущено мало, да и особого опыта подготовки к настоящей рыбалке у меня никогда не было.

Сразу по приезде мы загрузились в лодку и отплыли от берега. Мы с Мишей гребли попеременно и на веслах прошли довольно большое расстояние от базы. В какой-то момент Виктор Григорьевич счел, что места пошли подходящие, и они с Мишаней забросили удочки. Продав приблизительно около часа без единой поклевки, было решено сменить точку.

Температура за бортом была чуть выше нуля. В.Г. и Мишаня были грамотно экипированы – толстые куртки, стеганные штаны, теплые сапоги, а я поехал в осенней курточке и хорошо, что под джинсы я догадался поддеть треники. Погода тем временем начала портиться – пошел сначала мелкий дождик со снегом, а потом снег повалил крупными хлопьями. Мои джинсы стали медленно намочить на коленках, и я понял, что начинаю стучать зубами. Единственным спасением от холода для меня стала активная гребля. Поэтому я очень радовался, когда В.Г. давал команду переплывать в очередной залив. Тогда я начинал с остервенением грести тяжелыми веслами, стараясь как-то согреться. Затем наступала пауза – забрасывались удочки и надо было сидеть в лодке тихо. Защищая намокающие колени от падающих снежинок, я расстелил на них га-

зету, которая тоже быстро стала намокать. Зато я мог наблюдать удивительное природное явление: крупные снежинки быстро падали под небольшим углом на зеркальную поверхность воды и встречались с летящим им навстречу снизу их собственным отражением. Они никогда не промахивались и на горизонтальной линии поверхности воды происходило взаимное исчезновение, сопровождаемое тихим шорохом, т.е. как бы аннигиляция двух сталкивающихся снежинок. Такое редкое по красоте явление могло быть только при условии идеально ровной поверхности воды, абсолютной тишины и безветрия.

Наша рыбалка продолжалась уже несколько часов, и за это время мы не поймали на удочку ни одной рыбешки. Тогда В.Г. встал, достал свой спиннинг, насадил блесну и стал забрасывать. Буквально на третий-четвертый мастерский заброс попался крупный красавец-окунь. Короткий осенний день заканчивался и, выловив еще две-три рыбины, В.Г. дал команду возвращаться на базу. Улов был достойным. Не жалея спину и ладони, я с воодушевлением взялся налегать на весла.

На базу мы вернулись счастливые и голодные. Стали разворачивать взятые с собой припасы и обнаружили, что кроме батона любительской колбасы и двух моих жалких бутербродов с пошехонским сыром у нас ничего нет. Правда, у Мишани была припасена бутылка «Столичной». В.Г. был явно недоволен.

Тогда я пошел разыскивать кого-то из хозяев базы и объяснил им, что надо бы раздобыть хлеба и картошки. Они очевидно хорошо знали и уважали В.Г., так как живо поставили на печку котелок с картошкой, принесли соленых огурцов, хлеба, лука и т.д. Ситуация начала меняться к лучшему – был накрыт незамысловатый стол, разлита по стаканам водочка. В.Г. явно начал оттаивать. После третьей, суровый В.Г. развернулся во всей красе и силе – шутил, рассказывал забавные случаи из жизни, смеялся от души нескончаемым рыбацким рассказам. Мы с Мишаней тоже радовались, что ему хорошо. Мы тогда не знали, что это была последняя рыбалка В.Г., его прощание.

УЛИН Сергей Евгеньевич

Выпускник МИФИ 1972 года, доктор физико-математических наук, профессор кафедры экспериментальной ядерной физики НИЯУ МИФИ.

ВОСПОМИНАНИЯ О В.Г. КИРИЛОВЕ-УГРЮМОВЕ

После окончания четвертого курса МИФИ благодаря Элеоноре Петровне Топорковой, заместителя заведующего кафедры по учебной работе, я был направлен на каф. № 7. Именно она привела меня в радиационную лабораторию кафедры для прохождения НИР (научно-исследовательская работа) и передала Дмитренко Валерию Васильевичу, который стал моим первым научным руководителем.

Непосредственное знакомство с Виктором Григорьевичем Кириловым-Угрюмовым, ректором МИФИ и заведующим кафедрой № 7, состоялось в 1972 году после окончания мною МИФИ. Для дальнейшего обучения в аспирантуре МИФИ необходимо было сдать вступительные экзамены. Мне сообщили, что экзамен по специальности будут принимать В.Г. Кириллов-Угрюмов и Э.П. Топоркова. Для меня это было совершенно неожиданно. Пришлось серьезно готовиться к предстоящему испытанию.

Через неделю состоялся экзамен в кабинете ректора МИФИ. В целом все прошло нормально. Были вопросы, замечания, уточнения и пожелания. Постепенно экзамен перешел в обоюдное обсуждение рассматриваемых разделов физики. Но в конце нашей беседы Виктор Григорьевич задал неожиданный для меня вопрос о распаде нейтрона. Я не сразу вспомнил реакцию распада, но, тем не менее, чуть позже написал ее и показал экзаменаторам.

На этом экзамен закончился, а Элеонора Петровна и Виктор Григорьевич поздравили меня и пожелали дальнейших успехов.

Через несколько дней я узнал, что Виктор Григорьевич согласился стать моим научным руководителем в аспирантуре.

Учеба в аспирантуре.

Испытание давлением прибора «Электрон»

Учеба в аспирантуре протекала достаточно напряженно. За три года надо было успешно ее закончить, т.е. подготовить диссертацию. Несмотря на большую занятость (в это время Виктор Григорьевич уже был председателем Высшей аттестационной комиссии, ВАК), он постоянно интересовался моей научной работой. Каждую неделю мы встречались с ним на кафедре в его рабочем кабинете. Обычно я докладывал результаты своей работы, которые затем детально обсуждались и анализировались. В конце нашего совещания, составлялся план дальнейших работ.

Необходимо отметить, что наши еженедельные встречи не были формальными, а для меня крайне важными. В качестве примера можно вспомнить обсуждение испытаний на прочность корпуса газового черенковского детектора (прибор «Электрон»), предназначенного для регистрации высокоэнергичных электронов. Испытания проводились в одной из специальных лабораторий. Вопрос был простой – каким веществом наполнялся детектор и до какого давления? Недолго думая, я ответил, что детектор наполнялся воздухом до давления 100 атм. Такой ответ удивил Виктора Григорьевича, и он отметил, что здесь что-то не так. Дело в том, что при подобных испытаниях, как выяснилось в процессе нашего обсуждения, обычно используются различные жидкости (например, вода или машинное масло), что обеспечивало безопасность проведения подобных работ. Мне пришлось объяснить, что я не смог присутствовать на этих испытаниях (по объективным причинам). Однако было понятно, что нельзя говорить о результатах, которые не проверены. Для меня это был урок, который я запомнил на всю жизнь.

Возвращение нашей аппаратуры

Расскажу об одном эпизоде, когда Виктор Григорьевич оказал огромную помощь в завершающей стадии проведения эксперимента – измерение электронов и гамма-квантов в атмосфере Земли с помощью высотных аэростатов.

В радиационной лаборатории кафедры была создана специальная научная аппаратура, которая предназначалась для подобных исследований. Запуск высотных аэростатов осуществлялся на военном полигоне в городе Вольске (Саратовская область). В нижней части аэростата размещался парашют, и затем крепилась горизонтальная балка, на которой подвешивались различные блоки: расходный балласт (свинцовая дробь) для регулировки высоты аэростата, радиоаппаратура для обеспечения связи и управления, а также наша научная аппаратура.

Запуск аэростатов проводился рано утром, когда потоки ветра на полигоне были минимальны. Сначала аэростат раскладывался на земле, а затем его полиэтиленовая оболочка наполнялась водородом, постепенно раздуваясь и вытягиваясь вверх. Затем автомобиль с подвесной балкой начинал двигаться, а аэростат при вертикальном положении отрывался от земли и вместе с подвешенным оборудованием поднимался вверх. Зрелище фантастическое.

Максимальная высота подъема аэростата составляла 30-35 км, на которой он дрейфовал в восточном направлении. Через пару суток с земли подавалась радио команда на завершение эксперимента. Полиэтиленовая оболочка аэростата разрывалась, а балка с научной и управляющей аппаратурой с помощью парашюта плавно опускалась на землю. За время эксперимента аэростат обычно улетал на несколько сотен километров, и после приземления необходимо было его найти и подобрать нашу научную аппаратуру. Для этой цели использовался военный вертолет МИ-8, который вылетал в район поиска. В данном случае это была Свердловская область. Обычно поиск осуществлялся по радиосигналу, который должен был исходить от приземлившейся радиоаппаратуры. Но, к сожалению, в данном случае никаких радиосигналов обнаружить не удалось. Известно было только приблизительное место приземления нашей аппаратуры с точностью около 200 км. В процессе поиска мы обследовали более 50 поселков и деревень, но нам ничего найти не удалось. Помощь милиции и местной администрации также ни к чему не привела. После нескольких дней поиска мы вернулись обратно в Вольск и затем в Москву. Нам пришлось смириться с потерей нашей научной аппаратуры.

Во время очередной встречи с Виктором Григорьевичем я рассказал ему о потере научной аппаратуры и подробностях наших поисков. Примерно через неделю нам позвонили и сообщили, что наша аппаратура нашлась. На следующий день ее привезли в МИФИ. Аппаратура оказалась в хорошем состоянии, а экспериментальные данные сохранились полностью. Было ясно, что Виктору Григорьевичу удалось привлечь для решения этой проблемы специальные службы, которые имели широкие возможности для эффективного проведения поиска потерянной аппаратуры. Но нам ничего не было сказано о том, где и как нашлась наша научная аппаратура и тем более кем.

После обработки научных данных результаты аэростатных исследований в атмосфере были опубликованы в нескольких научных журналах, а также включены в мою кандидатскую диссертацию.

О защите кандидатской диссертации

Другое важное для меня событие произошло 19 декабря 1977 – день защиты моей кандидатской диссертации. Председателем диссертационного совета был декан факультета «Т» Владимир Никитич Беляев. Защита, как мне представляется, прошла вполне удачно, хотя было много вопросов ко мне и моим оппонентам. Важно отметить, что все оппоненты дали положительные отзывы и их выступления прозвучали очень убедительно и достойно.

При голосовании выяснилось, что все члены диссертационного Совета проголосовали «ЗА», за исключением одного голоса «ПРОТИВ».

На следующий день я поехал к Виктору Григорьевичу в ВАК, который он возглавлял в то время, доложить о результатах защиты моей диссертации. Он пригласил меня в свой большой кабинет и от всей души поздравил с успешной защитой диссертации.

Что касается результатов голосования, то Виктор Григорьевич сказал, что один черный шар не имеет ничего общего с моей диссертацией, а отражает лишь тот факт, что в настоящее время у него много врагов, которые делают все возможное, чтобы поставить на его место другого человека.

В конце встречи он пожелал мне успехов в научной работе и в дальнейшем защитить уже докторскую диссертацию.

Окрыленный этими словами я с новой энергией продолжил свою научную работу. Теперь она была связана с исследованиями космических лучей на борту орбитальных станций. Впереди был непростой путь, но я всегда чувствовал поддержку и помощь Виктора Григорьевича.

Однако в силу разных причин защитить докторскую диссертацию мне удалось только через двадцать лет. Но это уже не столь важно. Главное я выполнил напутствие Виктора Григорьевича и горжусь этим.

Покупка машины «Жигули»

Хочется рассказать еще об одной истории, когда Виктор Григорьевич оказал мне поддержку в решении весьма сложного вопроса для того времени.

7 августа 1981 года был успешно осуществлен запуск искусственного спутника Земли «Интеркосмос-Болгария-1300», с космодрома Плесецк. На его борту была установлена гамма-спектрометрическая аппаратура, созданная в Радиационной лаборатории МИФИ (кафедра № 7) для исследования физических процессов в ионосфере и магнитосфере, а также изучения связей между Землей и Солнцем.

6 октября 1983 года за подготовку и успешное проведение исследований в околоземном космическом пространстве три сотрудника нашей лаборатории получили правительственные награды. Я тоже был награжден медалью «За трудовое отличие».

После получения медали мои коллеги посоветовали мне обратиться в профком МИФИ с просьбой помочь с приобретением автомобиля «Жигули». В то время купить автомобиль можно было только через организацию, в которой человек работал.

Примерно в это же время моя мама Валентина Алексеевна получила от государственного института азотной промышленности (ГИАП), где она работала уже более тридцати лет, дачный участок – шесть соток, который находился не очень близко от Москвы – при-

мерно 100 км, и добираться туда без машины было достаточно сложно.

Однако на мою просьбу профсоюз ответил отказом, несмотря на мои научные достижения, отмеченные правительственной наградой. Мне сказали, что в МИФИ уже сформирована очередь из желающих приобрести автомобиль, на несколько лет вперед, и изменить что-либо в этой ситуации практически невозможно.

Непонятно, каким образом Виктор Григорьевич узнал о моей проблеме, но вскоре меня пригласили в его кабинет и мы в краткой беседе обсудили этот вопрос. Он посоветовал мне не переживать и просто немного подождать.

На следующей неделе мне позвонили из профкома МИФИ и предложили еще раз написать заявление, с указанием моих научных достижений и награждения правительственной наградой.

Далее события разворачивались очень быстро. Я едва успел оформить кредит в банке и уже буквально через день получил приглашение в магазин для приобретения автомобиля «Жигули». Это был первый автомобиль в моей жизни. К счастью, водительские права я уже получил. Для всей нашей семьи это был настоящий праздник. С тех пор мы стали чаще ездить с мамой на участок и постепенно приводить его в порядок.

Информация для переговоров в Амстердаме

Со своей стороны я старался выполнять различные приручения Виктора Григорьевича. Например, однажды он позвонил и сообщил, что через неделю ему предстоит поездка в Амстердам в составе правительственной делегации, и необходимо подготовить обзор о развитии сотрудничества нашей страны с Нидерландами в области ядерной энергетики. Подготовленная информация оказалась очень полезной, так как содержала данные о возможном строительстве в этой стране атомной станции, разработанной российскими учеными. Информации об этих планах в российской прессе в то время еще не было. После возвращения из этой командировки Виктор Григорьевич вручил мне небольшие сувениры (позолоченные запонки и зажим для мужского галстука) и поблагодарил за подготовленный обзор. Мне было очень приятно, что удалось выполнить небольшую

просьбу Виктора Григорьевича. Я храню эти сувениры как память о нашей дружбе.

Можно вспомнить множество других эпизодов, когда его поддержка и помощь помогли многим успешно решить свои проблемы. Необходимо отметить, что Виктор Григорьевич был очень скромным, требовательным и доброжелательным человеком. Он никогда не говорил о своем участии в решении тех или иных вопросов. По этой причине воспоминания о Викторе Григорьевиче носят личный характер.

Мне, конечно, очень повезло, что встретился с человеком, который стал для меня учителем и наставником. Его доброжелательное и внимательное отношение я всегда чувствовал и старался отвечать взаимностью.

СЕРГЕЕВ Феликс Михайлович

Выпускник МИФИ 1958 года, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой экспериментальной ядерной физики МИФИ (1987–2007).

КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ*

Жизненный и творческий путь Виктора Григорьевича – яркое отражение времени становления нашей страны как могучей мировой державы. Задачи и планы этого времени для своего решения требовали выдвижения ярких, одаренных личностей, наделенных высокими профессиональным и духовными качествами, широким кругозором и организаторской волей. К плеяде таких творцов нашей истории по праву относится В.Г. Кириллов-Угрюмов. Требования времени и творческое устремление Виктор Григорьевича прочно связали его с ядерной наукой и ядерной индустрией, особенно с такой их важной составляющей, как подготовка кадров.

Демобилизовавшись в связи с тяжелым ранением под Москвой, Виктор Григорьевич в 1949 году отлично заканчивает Московский механический институт боеприпасов (с 1953 года МИФИ). Уже в годы учебы он обратил на себя внимание патриархов-основателей института. Академик А.И. Лейпунский включает его в состав группы, отобранной для научной работы в ядерной физике. В последующем ядерная наука и подготовка высококвалифицированных кадров для отрасли в целом стали для В.Г. Кириллова-Угрюмова главным полем творческой деятельности. За десять лет он проходит путь от аспиранта до ректора МИФИ. В период его руководства институт становится крупным научно-образовательным центром, которому помимо задачи подготовки кадров для науки и промышленности поручается выполнение важнейших научных программ. Создаются и развиваются собственные материально-техническая и

* Дорога длиною 60 лет. Кафедра микро- и космофизики. М.: МИФИ, 2005. Стр. 41–42.

научная базы, возникают проблемные лаборатории, развертывается сеть отраслевых лабораторий. Реализуется идея непрерывного образования. В МИФИ были организованы факультет повышения квалификации специалистов отрасли и факультет переподготовки дипломированных кадров, создано уникальное подразделение – Высшая школа физиков, призванная готовить кадры для периферийной науки.

Наряду с напряженной организаторской деятельностью В.Г. Кириллов-Угрюмов интенсивно занимается наукой. Круг его интересов необычайно широк. Он охватывает новые методы регистрации излучений, методы исследования вещества, фундаментальные вопросы физики ядра и частиц, космо- и астрофизики.

В 1974 году В.Г. Кириллов-Угрюмов назначается на пост Председателя Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР. Его деятельность направлена на существенное совершенствование всей системы аттестации специалистов высшей квалификации. Он добивается значительного повышения уровня требований к соискателям научных степеней и профессорских званий. Авторитет и значимость ВАК сильно выросли за счет введения в состав президиума ВАК руководителей крупных научных учреждений страны и образования экспертных советов по основным направлениям науки и техники.

В 1987 году Виктор Григорьевич возвращается в родной МИФИ, где и продолжает работать профессором-консультантом. Он по-прежнему полон творческих сил. Свои знания и огромный опыт Виктор Григорьевич щедро отдает делу воспитания молодых кадров для передовой науки и промышленности.

2005 год

МАЛЬЦЕВ Валерий Александрович

Выпускник МИФИ 1965 года, секретарь комитета комсомола (1970–1973), кандидат технических наук (1973), доцент (1980), заместитель директора Московского Представительства немецкой фирмы Отто Вольф (1995–2009), советник ректората НИЯУ МИФИ (2019 по н/в).

«ЗА ЧЕСТНОСТЬ И СМЕЛОСТЬ»

Воспоминание о В.Г.

Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова впервые увидел я 31 августа 1959 года. Это был последний год, когда приемные экзамены в МИФИ были в августе. Собрание нового набора первокурсников проходило на ул. Кирова, 21 в «актовом зале» – трансформере, который в рабочие дни недели «становился» спортивным залом. За столом президиума – довольно молодые люди. Мы уже откуда-то знали, что директором института был человек со значительной фамилией Кириллов-Угрюмов! А где же он? Пожилой, обязательно седовласый директор МИФИ? И вот ведущий собрание, председатель приемной комиссии предоставляет слово руководителю института, кандидату физико-математических наук Виктору Григорьевичу Кириллову-Угрюмову. Раздались негромкие одиночные хлопки приветствия. А когда из-за стола встал и энергично подошел к микрофону худощавый, подтянутый молодой человек, с виду не намного старше 30 лет, зал буквально взорвался аплодисментами. Из его краткого, емкого и предметного выступления прочнее всего я запомнил слова о том, что нас ожидает трудная работа по освоению знаний. «Так требует время!», – сказал он. «Молодой отрасли (я еще не понимал точно, что это означает) крайне необходимы инженеры-физики высокой квалификации для решения задач, жизненно важных для страны». Помню также, что на первом собрании группы мы выбирали старосту, точнее нам его рекомендовал представитель деканата. На вопрос о возрасте нашего директора он нам ответил, что В.Г. Кириллову-Угрюмову 35 лет, и уточнил, что он самый молодой среди директоров вузов Москвы. Кста-

ти, старостой нам назначили капитана войск связи в отставке, которому было 33 года. Хороший был человек и староста, но «не потянул» и после первого семестра вынужден был перевестись в МИИГАиК. Да, действительно, первые два года приходилось нам изрядно «попотеть», чтобы не оказаться «за воротами», куда отправилась почти половина группы.

Впервые с Виктором Григорьевичем удалось встретиться мне лично и удостоиться рукопожатия в 1967 году. По инициативе комитета комсомола и парткома было задумано открыть студенческое вечернее субботнее кафе «КВАНТ» с цветомузыкой на втором этаже столовой (ныне корпус № 5). Почему-то в качестве организаторов и исполнителей этого решения выбрали нас с Сергеем Кохтевым, ассистентом каф. № 9. Мы вовсе не были рады этому «предложению», так как в это время я готовился к поступлению в аспирантуру, а Сергей усиленно трудился над завершением диссертации. Открытие кафе предстояло согласовать с ректором, и мы питали слабую надежду, что Виктор Григорьевич, человек довольно строгих правил, не одобрит эту затею – устраивать «вечеринки» в столовой на территории института. В сопровождении Л.А. Поповой, доцента каф. ИНО, члена парткома МИФИ, отвечающей за работу в общежитии, мы были приглашены в кабинет ректора. Людмила Александровна кратко изложила «программу» вечеров встречи в кафе «КВАНТ» наших студентов, стажеров и аспирантов, проживающих в общежитии, с молодежью театральных и музыкальных учебных заведений Москвы. Неожиданно для нас с Сергеем, Виктор Григорьевич не только горячо поддержал идею, но и предложил включить в круг приглашенных учащихся художественных вузов, таких как Строгановское училище и МАРХИ. А нам с Сергеем пожелал удачи, скрепив это энергичным рукопожатием.

Приближался 1970 год, год 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Вся страна готовилась торжественно отметить это событие. На студенческие коллективы возлагалась роль авангарда молодежи в общественно-политическом движении с завораживающим и не очень понятным названием «Ленинский Зачет». В 1969 году неожиданно партийный комитет предлагает мне «поработать» заместителем секретаря комитета комсомола по идеологической ра-

боте. Срок – по крайней мере на один год. Конечно, я не соглашусь, так как у меня через год заканчивается аспирантура. Близится к успешному завершению совместный с коллегами из ФИАНа «программный» эксперимент. Планирую не позднее конца следующего года представить к защите диссертацию. Но секретарь парткома «убеждает» меня предложением, от которого невозможно было отказаться. Оказывается, ему хорошо известны мои, мягко говоря, стесненные жилищные условия. Что мы с годовалой дочкой живем в «коммуналке», в комнатухе 10 кв.м. И мне, при условии достойных показателей в работе по проведению юбилейных мероприятий, он обещает квартиру в доме, который сдается через полтора года! Разумеется, после недолгих раздумий я согласился, понимая, что с диссертацией придется повременить.

Ленинский год комсомольская организация МИФИ, по оценке МГК и ЦК ВЛКСМ, провела на очень высоком уровне. Надо сказать, что поддержку, помощь и советы мы тогда получали больше от нашего ректора, чем из парткома. И Виктор Григорьевич искренне радовался нашим успехам и, последовавшим за этим наградам и различным знакам поощрения от вышестоящих комсомольских и партийных органов. Забегая вперед, скажу, что при подведении итогов прошедшего года наш институт был назван городскими властями одним из лучших в Москве. Мы с Виктором Григорьевичем были приглашены в президиум пленума МГК КПСС, где он, как всегда блестяще, выступил с сообщением о проделанной МИФИ работе в год Ленинского Юбилея.

Я уже стал готовиться передать свои полномочия в комитете комсомола другому человеку. Но тут неожиданно нашего секретаря приглашают на ответственную работу в другую организацию, а меня безо всяких обсуждений ставят на его место, опять же по рекомендации и настоянию парткома. А это как минимум еще на два года!

Если прежний год работой над диссертацией на кафедре удавалось заниматься урывками, по вечерам, хотя и не каждый день, то теперь это практически полностью пришлось приостановить. Все время уходило на руководство институтским пятитысячным отрядом комсомола, участвовать в работе Красногвардейского РК и Московского ГК ВЛКСМ. Тем не менее, я с благодарностью вспоми-

наю это время, когда мне довелось часто общаться с Виктором Григорьевичем. Несмотря на его крайнюю занятость, не помню ни одного случая, когда бы в течение дня он не смог принять меня или кого-либо из моих заместителей, если в этом была необходимость. А для оперативной связи секретарь комитета комсомола имел селекторное соединение с ректором, как впрочем и с парткомом, и с профкомом. Но самыми запоминающимися были дни и часы, когда мне удавалось бывать с ним в командировках, поездках по местам дислокации наших ССО, на рыбалке и в другой неформальной обстановке. Там Виктор Григорьевич, обычно собранный и предельно лаконичный в беседах и выступлениях руководитель, раскрывался на досуге интересным, остроумным неторопливым рассказчиком и внимательным, чутким слушателем и собеседником. Все прекрасно знали о том, что Виктор Григорьевич не любил вспоминать о своем боевом участии в войне. Но не могу не упомянуть об одной встрече, когда я был свидетелем этих тяжелых воспоминаний.

В конце июня 1971 года на базе Томского государственного Университета (ТГУ) состоялось выездное заседание Всесоюзного совета по научно-исследовательской работе студентов (НИРС). В составе московской делегации, возглавляемой профессором В.Г. Кирилловым-Угрюмовым, председателем Совета ректоров вузов г. Москвы, были еще три выпускника МИФИ: профессор МИФИ Вальднер О.А., член Президиума Всесоюзного совета по НИРС Минвуза СССР, профессор Е.В. Арменский, ректор МИЭМ, и я. Как это было принято в те годы, после завершения двухдневной программы заседаний участникам форума были предложены различные варианты «отдыха и развлечений» от сибирской бани до таежных загородных трактиров. Мы предпочли последнее и оказались в уютной срубовой избе на берегу реки Томь. Хозяин стола, один из проректоров ТГУ, угощал нас экзотическими «освежающими» напитками, лесными закусками и яствами из дичи, среди которых помню пельмени с медвежьим мясом. Застолье сопровождалось беседой, и она не могла не коснуться события ровно 30-летней давности – дня начала Великой Отечественной войны, участниками которой были все наши профессора. Тогда я впервые услышал от Виктора Григорьевича краткий рассказ о его боевом пути. Трудно было без восхищения представить, как в день объявления войны,

совсем мальчишка, 17-летний курсант военно-морской спецшколы Виктор Кириллов-Угрюмов подал рапорт с просьбой направить его на фронт и был зачислен в Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. А уже в ноябре 1941 года Виктор Кириллов-Угрюмов принял боевое крещение. В составе 84-й отдельной морской бригады командир отделения, старшина 1-й статьи Виктор Кириллов-Угрюмов повел своих товарищей в наступление на фашистов, занявших город Скопин Рязанской области. Город был освобожден, и бригада была направлена на оборону рубежей Москвы. Через две недели в жарком бою под Клином он был тяжело ранен. После долгого лечения медицинская комиссия определила инвалидность, и В.Г. Кириллов-Угрюмов был уволен из армии.

Я слушал с тревожным волнением спокойный, лаконичный, похожий на рапорт пронзительный рассказ 48-летнего Виктора Григорьевича, но видел перед собой бесстрашного, мужественного юношу.

Из того таежного застолья запомнился мне тост Виктора Григорьевича «За честность и смелость», который он иногда провозглашал торжественных случаях.

Далее очень важный эпизод, имевший большое значение в моей жизни. Осенью 1971 был почти готов к сдаче дом, в котором мне была обещана квартира. Нетрудно представить, с каким нетерпением я и моя семья ожидали этот день и радостно готовились к этому событию. Разумеется, это положительно отражалось и на нашей работе с товарищами по комитету комсомола, которые тоже радовались и поддерживали меня. Но как частенько случается в жизни, «ожидаемое счастье» вдруг неожиданно сбивается с пути или вовсе куда-то пропадает. Так случилось и со мной. Вызывает меня к себе секретарь парткома. Обычное дело. Иду, ничего плохого не ожидая, кроме очередного партийного поручения. Вхожу в кабинет. Секретарь парткома приветствует меня каким-то незнакомым мне долгим рукопожатием. Вижу, что он чем-то взволнован. Далее без предисловия прямая речь:

– Валерий, ты знаешь, наверное, что на днях сдается дом. Но мы не можем тебе предоставить в нем квартиру. Строится еще один

дом. Там ты точно получишь квартиру. Придется еще годик подождать.

Нетрудно представить мою реакцию. Я едва сдержался, чтобы не нагрубить и не устроить скандал. Но постарался, как можно спокойнее, напомнить, что он лично обещал мне за хорошую работу даже заместителем секретаря комитета ВЛКСМ в течение двух лет дать квартиру в первом же доме. Я тогда согласился, принеся в жертву срок защиты своей диссертации. А теперь я секретарь комитета, и эта работа еще на два года. Так, где же твердое, нерушимое партийное слово?

А далее он понес вообще какую-то чушь:

– Дело в том, что двум предыдущим комсомольским секретарям мы сразу давали квартиры. Ты пойми, что народ нас не поймет, если мы опять так поступим. Надо еще год подождать.

Тут уж я взвился и сказал, что, во-первых, среди предыдущих, безусловно, очень достойных комсомольских вождей, получивших квартиры, один был дипломником, другой только закончил институт. У меня же за плечами семилетний стаж работы. Во-вторых, (*и это главное преимущество*) по жилищным условиям я официально являюсь очередником района, что дает мне приоритетное право. И в-третьих, значит, два года назад своим обещанием меня просто обманули?

Он пытался еще что-то сказать, но я уже не слушал. Вышел, понимая, что решение им принято и мои аргументы здесь бесполезны. Растерянность, оцепенение, отчаянный молчаливый вопрос «Почему? За что?»... Спустя несколько лет я случайно узнал, что квартира предназначалась одному доценту, который «сильно» помогал секретарю парткома с кандидатской диссертацией.

Вернулся в свой кабинет, поразмышлял недолго и с просьбой принять «по очень важному для меня делу» обратился по селектору к Виктору Григорьевичу.

– Зайди, – тут же услышал в ответ.

Встретил меня Виктор Григорьевич словами:

– По голосу слышу случилась какая-то серьезная неприятность. Выкладывай без предисловий!

Я так и сделал. Правда, спросил в конце:

– Может быть, я сделал или делаю что-то не так, что позволило секретарю парткома нарушить договоренность и отказаться от данного два года назад обещания?

Вместо ответа услышал:

– Иди к себе и жди!

Дверь своего кабинета я оставил приоткрытой и через минуту увидел, как к ректору зашел секретарь парткома. Именно в это мгновение впервые в жизни (*утверждаю это совершенно искренне и твердо*) меня охватило жуткое отчаяние от сознания того, что сейчас будет принято окончательное решение и исправить уже ничего будет нельзя. Казалось мне, что время остановилось и волнение мое будет длиться вечно. Но вот от ректора вышел, нет не вышел, а выскочил секретарь парткома. Лицо его, как показалось мне, было красно-лиловым! И не успел я понять, что это значит, как зазвенел селектор и председатель месткома (*руководитель профсоюзной организации МИФИ*) Юлий Сергеевич Харламов почти скороговоркой произнес:

– Валерий, срочно беги ко мне выбирать этажность квартиры!

Я пулей пустился в местком. А когда вернулся, попал в объятия огромного, могучего Евгения Минаева, своего заместителя по организационной работе и друга. Он усадил меня полуобморочного в кресло и сделал то, что мы никогда в кабинете не позволяли себе. Достал из своей сумки початую бутылку «Столичной», и мы с ним выпили из граненых стаканов по 50 грамм. Он мне сказал тогда, что прошло не более 15 минут с момента моего похода в партком, потом к ректору и в местком. За это время я не проронил ни слова, не ответил на его вопросы: «Что случилось? Что происходит? Что с тобой». И он побаивался за мое здоровье.

Этот 15-минутный эпизод вспоминаю часто. С прошествием времени стираются понемногу из памяти негативные детали этого события. Но все отчетливей и значительнее становится поступок ВГ. Ведь тогда он не просто поддержал меня в важнейший момент жизни, решив мою жилищную проблему и, наверняка, определив дальнейшую судьбу. Он вернул мне веру в существование правды, справедливости и чести, утрату которых я ощутил после разговора с секретарем парткома. Тогда вновь в моей памяти прозвучал упомянутый выше тост «За честность и смелость», ставший жизнен-

ным кредо этого замечательного, высокопорядочного человека, пламенного лидера и выдающегося руководителя.

Мне посчастливилось еще два года работать и постоянно общаться с Виктором Григорьевичем. В 1972 году комсомольская организация МИФИ была названа лучшей среди студенческих организаций Москвы. Вершиной этого признания явилось выездное заседание бюро МГК ВЛКСМ (*Московский городской комитет комсомола*) и студенческого отдела ЦК ВЛКСМ (*Центрального комитета*), которое состоялось в МИФИ в конце июня 1972 года. Важность и значимость мероприятия подчеркивалась присутствием двух секретарей Красногвардейского РК КПСС.

Руководство МИФИ с участниками выездного заседания бюро МГК ВЛКСМ совместно с секретариатом Красногвардейского РК КПСС. Вход в главный корпус МИФИ. Июнь 1972 г.

Обсуждался вопрос «Организация общественно-политической практики студентов». Работа комитета комсомола МИФИ была одобрена и рекомендована другим вузам столицы. Наше руководство было очень довольно результатом и польщено оценкой МГК ВЛКСМ. Виктор Григорьевич после отъезда гостей пригласил меня в кабинет и сказал буквально следующее:

– Поздравляю, тебя и твоих ребят. Вы сделали большое дело для института. Знаю, что тебе не хватает свободного времени для подготовки диссертации к защите. Поступим так: съездим по подмосковным ССО в первой половине июля и можешь на полтора месяца уйти в «отпуск» для написания диссертации.

В июне 1973 года диссертацию на звание кандидата технических наук я защитил. А на Ученом совете института Виктор Григорьевич объявил об этом и поздравил меня.

Встреча секретарей комитета комсомола МИФИ и комсомольского актива в день 50-летия ВЛКСМ 29.10 1998 г. Секретари слева-направо стоят: Стребков А.И., Годин Ю.Г., Арменский Е.В., Кириллов-Угрюмов В.Г., Атовмян И.О., Мальцев В.А., Алексаков Г.Н.

В декабре 1974 года Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов был назначен на пост Председателя ВАК при Совмине СССР. В это время я был на стажировке в университете штата Пенсильвания, США. Узнал об этом из газеты «Известия», которая с недельной задержкой поступала в библиотеку факультета славянских языков. Тут же я написал и отправил в МИФИ поздравительное письмо Виктору Григорьевичу с пожеланием успеха на высоком государственном посту. При этом сам испытывал вполне объяснимые

грустные чувства в связи с уходом из МИФИ блестящего руководителя.

В последний раз мы встречались с Виктором Григорьевичем в 1998 году в дни празднования 50-летия ВЛКСМ. Тогда заведующий кафедрой № 9 Б.А. Калинин организовал встречу секретарей комитета комсомола и комсомольского актива МИФИ разных лет. Не все секретари смогли быть на этой встрече. Жизнь «разбросала» нас в пространстве и во времени.

Виктор Григорьевич, как всегда, говорил кратко и ярко. В тот момент я вдруг вспомнил, как однажды, сидя в президиуме какого-то институтского собрания, буквально томился, слушая очень многословную речь вполне уважаемого персонажа. ВГ тогда повернулся ко мне и сказал: «Когда же мы, наконец, будем закаляться?». И я тогда подумал, что так мог сказать и имел на это полное право человек, выживший в смертельной схватке с врагом в тяжелейших условиях войны и прошедший в послевоенные годы нелегкий путь от студента ММИБ до профессора, руководителя одного из ведущих вузов страны МИФИ.

КАЛИН Александр Александрович

Выпускник МИФИ 1972 года, кандидат технических наук (1982), доцент (1985), секретарь комитета ВЛКСМ МИФИ (1973–1977), секретарь парткома МИФИ (1985–1987) Работал в ЦК КПСС (1987–1991). Заместитель Председателя Госкомитета России по промышленной политике (1993–1996). Первый заместитель генерального директора, руководитель Информационно-аналитического центра ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (2001–н.в.).

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ И РАБОТА С ВЫДАЮЩИМСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

По жизни мне посчастливилось встречаться и работать рядом с несколькими выдающимися, без преувеличения, людьми. Один из них – первый ректор МИФИ Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, патриот Отечества, ветеран Великой Отечественной Войны, большой ученый, яркий и самобытный человек и лидер. Кембриджский университет включил Виктора Григорьевича в число 200 выдающихся физиков современности. В 2006 году в «Студенческом меридиане» он был назван «альма-патер» МИФИ, что не является преувеличением, но широкого хождения не получило.

Уже в 1960 году, когда мой старший брат Борис стал студентом Московского инженерно-физического института, сам того не подозревая, я оказался в мощном поле системы МИФИ, создаваемой в то время под началом Виктора Григорьевича. От брата я и услышал довольно редкую фамилию: Кириллов-Угрюмов.

Практически при каждой встрече брат рассказывал мне об институте и с большим уважением отзывался о Викторе Григорьевиче, назначенном вначале директором (1959), а затем и первым ректором МИФИ (1961). О том, что он ранее был секретарем парткома института, о его авторитете в Москве, о том, что уже в 1961 г. он был избран делегатом 22 съезда КПСС. О том, что ректор много занимается вопросами строительства современного комплекса института (почти кампуса) на Каширском шоссе (1962). Рассказывал об отеческом отношении к студентам и о большом внимании к делам студенческих отрядов. Виктор Григорьевич всегда участвовал

во многих делах комсомольцев института, включая конференции институтской первичной организации, комитет которой имел права райкома.

Ректора также отличали щепетильность, трепетное внимание к ветеранам ВОВ и старшим товарищам.

Нередко он выручал студентов в трудных жизненных обстоятельствах. Даже в самых сложных ситуациях он оставался их старшим товарищем, как, например, после ЧП в студенческом городке 25 мая 1967 года. Тогда он обратился к участникам злополучных событий: «Ребята, что вы наделали?».

В первые годы учебы в институте, в силу естественных причин, я видел ректора в основном по большим праздникам. Первый раз это произошло осенью 1967 года на торжественном вечере, прошедшем в Центральном доме культуры железнодорожников (ЦДКЖ) по случаю 25-летия создания института. Тогда, как ни комично это прозвучит, я первый и последний раз смотрел на ректора сверху вниз – с балкона зрительного зала. Он запомнился яркой эмоциональной речью, подводившей итоги 25 лет деятельности института. Незадолго до этой памятной даты институт за свои достижения был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Это были годы динамичного развития страны после избавления от «волюнтаризма». СССР приближался к пику своего развития. МИФИ, включенный в число вузов, непосредственно подчиненных Министерству высшего и среднего специального образования, стал одним из государственных приоритетов в образовании. Учиться и работать в нем было сложно и интересно. Институту еще и повезло с молодым и перспективным ректором.

В 1969 году в Москве был воссоздан, но уже на новом месте, Красногвардейский район и нежданно-негаданно комитет комсомола института выдвинул меня кандидатом в депутаты его райсовета. Мы стали видаться с ректором на сессиях райсовета, в которых он принимал участие как депутат Моссовета, иногда возникали общие депутатские дела, на опыте которых я получил от ректора несколько полезных уроков жизни.

Запомнились и другие моменты. Так, весной 1970 года на праздничном вечере института в ДК «Москворечье», посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, Виктор Григорьевич

неожиданно поздравил меня с наградой Всесоюзного конкурса студенческих работ по общественным наукам, поинтересовался темой моего реферата. Тему я, конечно, назвал, но от волнения не успел уточнить, что на самом деле награда того конкурса была присуждена моему тезке и доброму однокурснику по институту Калину Александру Олеговичу, а моя работа была отмечена грамотой Московского тура конкурса.

Осенью того же года меня выбрали в состав комитета комсомола. Виктор Григорьевич, как и всегда, пришел на первое заседание комитета, сказал теплые слова напутствия, отметил важность высокого доверия товарищей на выборах, вспомнил, что и ему в 40-е годы довелось работать секретарем комитета комсомола тогда еще не МИФИ, а ММИБ, и заключил свое обращение приглашением всех членов комитета напрямую обращаться к нему по делам, не терпящим отлагательства. Последующая работа подтвердила, что это вовсе не популистский жест, а обычная его практика. Также неслучайно комитет комсомола в то время размещался напротив кабинета ректора. В свою очередь комсомольцы МИФИ выбирали ректора на районные комсомольские конференции, а та делегировала его на городские форумы. Приглашали его также на съезды ВЛКСМ.

Секретарь комитета комсомола мог обратиться к Виктору Григорьевичу и другим членам четырехугольника института, подняв трубку селектора, стоявшего на столе. Мы благоразумно старались такой возможностью не злоупотреблять, решая возникающие проблемы в кабинетах руководства и подразделениях института по принадлежности.

Тогда в институте под руководством Виктора Григорьевича уже сложилась уникальная и результативная по тем временам система подготовки и воспитания специалистов для атомной и других высокотехнологичных отраслей. Важно, что институт всегда отличался здоровым моральным климатом, что немало способствовало его достижениям. Ректор создал сплоченную и результативную команду, в которую входили и участники Великой Отечественной войны (такие, как И.Т. Гусев, В.А. Ганцев, В.Е. Филипчук, В.П. Конопленко), и руководители помоложе (в их числе В.М. Щавелин, В.В. Фролов, В.М. Колобашкин, А.В. Скрипицын, Б.Д. Зайцев и другие). При под-

держке Минсредмаша СССР институт быстро укреплял свои передовые позиции среди вузов Москвы и СССР.

Встреча руководства (четырехугольника) МИФИ с командой мотогонщиков института, победившей в кроссе на приз Валерия Чкалова (декабрь 1973 года). В первом ряду (справа налево: Петрова Т.Е. – председатель профкома, Жемочкин В.И. – тренер команды, Кириллов-Угрюмов В.Г., ректор, Чернышев Ю.А., секретарь парткома, Калин А.А., секретарь комитета ВЛКСМ, Туберозов В.Н., и.о. завкафедрой физвоспитания

Памятным для института был 1971 год. Летом вскоре после своего первого полета в космос в институт приезжал Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР выпускник МИФИ Николай Николаевич Рукавишников. Кириллов-Угрюмов В.Г. в 1972 году стал председателем Совета ректоров вузов Москвы

В том же году на августовском собрании преподавателей Министр высшего и среднего образования СССР В.П. Елютин назвал МИФИ – жемчужиной высшей школы в числе трех лучших вузов страны. После этого в институте родился «каламбур»: какой же вуз третий? Первые два, вестимо, очевидны – МГУ и МИФИ.

В феврале 1972 года Виктор Григорьевич вручил мне «красный» диплом инженера-физика, а еще через полтора года меня избрали секретарем комитета комсомола и «автоматом» включили в четырехугольник института. С этого момента рабочие встречи с ректором проходили практически каждый день вплоть до его назначения председателем Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР (1974).

Делегация Красногвардейского района на Московской городской конференции ВЛКСМ (февраль 1974 года)

Как правило, на таких встречах и совещаниях ректората обсуждались важные и актуальные вопросы деятельности института. Комсомольской организации и доверяли, и взыскательно спрашивали. Это стало для меня уже курсом высшей школы управления вузом.

Кроме того, вместе с Виктором Григорьевичем мы принимали участие в партийных конференциях и пленумах Красногвардейского райкома КПСС: он как член бюро райкома, а я как кандидат в члены райкома.

Памятным событием стало 50-летие Виктора Григорьевича 18 марта 1974 года. В институт приезжало много поздравляющих со всей страны. Комсомольский актив тепло, хотя и скромно, поздравил ректора от имени 7-тысячной организации ВЛКСМ института и сопровождал визиты с поздравлениями С.А. Купреева, Первого секретаря МГК ВЛКСМ и В.А. Житенева, секретаря ЦК ВЛКСМ.

Участники поездки в ССО МИФИ «Подмосковье» (август 1974 года), Волоколамский район Московской области. Справа налево: Алексей Ковалев, начальник штаба ССО МИФИ, В.Г. Кириллов-Угрюмов, ректор, А.П. Шапошникова, заместитель министра МВССО СССР, Вячеслав Фищенко, командир ССО МИФИ «Подмосковье», З.П. Коршунова, заведующая отделов науки вузов МГК КПСС, Александр Калин, секретарь комитета ВЛКСМ института

Летом того же года довелось организовывать традиционную поездку ректора в студенческие отряды, работавшие в Волоколамском и Солнечногорском районах области, входивших в число нескольких районов области, где дислоцировался ССО МИФИ «Подмосковье» (командир отряда выпускник института – Вячеслав Фищенко). Важность этой поездки для института и его отрядов многократно повысилось, когда выяснилось, что в поездке примут участие А.П. Шапошникова, заместитель Министра ВССО и З.П. Коршунова, заведующая отделом науки и вузов МГК КПСС. Общими

трудами поездка была организована очень удачно. В отрядах был обеспеченный фронт работ, приличные бытовые условия, включая питание. Немаловажно, что их деятельности способствовали местные органы управления.

По дороге мы с товарищами рассказывали гостям о деятельности отрядов, показали символику отрядов. Большое впечатление на гостей произвела эмблема отряда, дислоцированного в окрестностях озера «Сенеж».

В Волоколамском районе кроме объектов ССО ректор и высокие гости посетили места боев Великой Отечественной войны и заглянули в усадьбу тещи А.С. Пушкина в селе Ярополец. Тогда усадьба находилась в начальной стадии реставрации и представляла собой довольно печальное зрелище. Кстати говоря, некоторые объекты усадьбы, например храм Иоанна Предтечи, по информации из интернета, не восстановлены до сих пор...

В конце 1974 года Виктора Григорьевича назначили на должность министерского уровня – председателя Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Совете Министров СССР, созданной по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

*На позициях участников битвы за Москву
в Волоколамском районе Московской области*

Для многих мифистов это стало неожиданным событием и вызвало противоречивую реакцию. С одной стороны, была гордость за высокое доверие, оказанное Виктору Григорьевичу и, в какой-то мере, всему МИФИ. А с другой стороны, – печаль, что институт покинул выдающийся руководитель.

После назначения Виктора Григорьевича в ВАК ему предстояло реконструировать систему аттестации научно-педагогических кадров в стране. Он проделал колоссальную работу, оздоровил ситуацию в этой сфере, но расчищая «авгиевы конюшни», нажил себе много авторитетных недоброжелателей.

Наши отношения с Виктором Григорьевичем перешли в новое состояние. Так в сентябре 1977 года он принял активное участие в организованной нами в институте встрече секретарей комитета комсомола МИФИ всех поколений. Перед этим по моей просьбе, переданной через сына ВГ, сотрудника МИФИ Михаила Викторовича, он поделился воспоминаниями и ценной информацией о секретарях комитета комсомола первых лет существования института, оказав помощь в закрытии «белых пятен» истории. Встреча была очень теплой и содержательной, вызвала большой интерес как в институте, так и далеко за его пределами. Этой встрече была посвящена большая статья в газете «Комсомольская правда», а на память участникам осталась дорогая всем коллективная фотография.

Только много лет спустя я понял, насколько необычной для того времени была эта встреча.

Следующее памятное событие состоялось уже в иную эпоху, 12 апреля 1987 года в Колонном зале Дома Союзов на концерте по случаю 30-летия Мужского хора МИФИ. Я в то время работал секретарем парткома института (1985–1987). Помню, после поздравления от четырехугольника слово взял ВГ и «зажег» зал своей содержательной и эмоциональной речью. Моя жена, впечатленная услышанным, сказала мне по окончании концерта: «Это был мастер-класс подлинного оратора. Учитесь.»

Хороший совет, но реализовать его мне не удалось: мы и не подозревали, какие драматические события ждут страну и нас. Шумела перестройка, под действием «свежего ветра перемен вся страна пришла в движение». В Москве новый Первый секретарь горкома

Б. Ельцин не переставал изумлять людей трескучими популистскими выступлениями и акциями.

Как-то летом 1987 года мне позвонили из МГК КПСС, чтобы договориться о встрече для «нетелефонного разговора». Вскоре в МИФИ приехал работник горкома и, помявшись, проинформировал, что по заданию Б. Ельцина ему поручено собрать и обобщить материалы о прошлом Виктора Григорьевича, начиная с событий Великой Отечественной войны. Высказав сомнение в перспективности поиска «компромата» в институте, я констатировал, что для получения архивных документов следует подготовить официальное обращение к руководству института.

*Участники встречи секретарей комитета комсомола МИФИ
1942–1977 годов*

На том мы и расстались, а я задумался: что за этим кроется? Кляуза или донос недоброжелателей? Аппаратная ли борьба руководителя горкома с бюрократами союзного центра? Передел ли сфер влияния между инициаторами и прорабами перестройки? Одна ли из первых политтехнологических операций, пышно расцветших в

первые постсоветские годы? Ответа я не знаю. В желтой печати, кажется, были какие-то невнятные публикации, но не более того. Так или иначе, но именно в перестройку закончилась государственная карьера выдающегося человека. Вполне возможно, что вытеснение таких руководителей, как Виктор Григорьевич, с государственной службы было важным пунктом некоего плана, говоря сегодняшним языком, «дорожной карты», или «начального условия» реформирования страны.

Чуть позже в один из своих субботних приездов в институт Виктор Григорьевич заглянул ко мне в секретарский кабинет, и между нами состоялся «нетелефонный разговор». Был он бодр, но напряжен. Коснулся он и дел в институте и неожиданно сказал, что в истории МИФИ только два человека работали и секретарем комитета комсомола, и секретарем парткома – он и я.

Если бы мы вернулись к этой теме лет десять спустя, я бы еще отметил и схожие обстоятельства завершения государственной службы: у Виктора Григорьевича в перестройку, а у меня девять лет спустя после известных «выборов сердцем» Б. Ельцина.

А тогда довольно скоротечно свершилась череда событий, на первый взгляд несвязанных между собой. Виктор Григорьевич оставил должность председателя ВАК по состоянию здоровья и вернулся в МИФИ. В октябре меня перевели на работу в отдел науки и вузов ЦК КПСС (1987–1991). Позже в том же октябре прошел Пленум ЦК, после выступления на котором Б. Ельцина в стране развернулся затяжной политический кризис, завершившийся развалом СССР.

После ухода с госслужбы Виктор Григорьевич сосредоточился на научно-педагогической работе и руководстве Советом ветеранов института, наши мимолетные встречи случались, но были довольно редки.

Особо памятна встреча по моей просьбе в 1996 году, когда мне потребовалась срочная консультация по довольно чувствительной проблеме при подготовке к совещанию в Правительстве РФ. Я в то время еще работал в должности заместителя председателя Государственного комитета России по промышленной политике (Госкомпром России, 1993–1996 гг.) и представлял Госкомпром в Экспертном совете при Правительстве России и наблюдательном сове-

те Международного научно-технического центра (МНТЦ), созданном для предотвращения распространения технологий, необходимых для производства ОМП. Председателем Наблюдательного совета МНТЦ был Л.Д. Рябев, первый заместитель министра Минатома России (1993–2002), с которым мы познакомились еще в 1986 году, когда он, будучи министром Минсредмаша СССР, нанес визит в МИФИ.

Летом 1996 года после выборов Президента России в названном ранее Экспертном совете мне довелось участвовать в довольно остром обсуждении предложения о реформирования Минатома России в Агентство при Правительстве России. За указанную реформу горячо ратовал В.И. Севастьянов, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, депутат Госдумы РФ, член ЦК КПРФ. Ему обстоятельно оппонировал Л.Д. Рябев, а также помогали несколько участников совещания, включая меня, подготовленного благодаря помощи Виктора Григорьевича. После этого совещания преждевременно предлагаемая реформа заглохла.

Довелось мне и попрощаться с ним навеки. Прощальная панихида прошла в храме Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках. Его друг, настоятель храма после отпевания в прощальном слове сказал, что Виктор Григорьевич ушел в иной мир подлинным православным христианином, вернувшимся к традиционным ценностям своих предков. Это стало для меня большим откровением, осознанным существенно позднее....

Царствие небесное Виктору Григорьевичу и вечный покой.

Вечные память и благодарность за то, что он был с нами.

МАЛЯВИНА (ВАСИЛЬЕВА)

Надежда Васильевна

Выпускница Московской консерватории. Ученица Народных артистов СССР К.Б. Птицы и В.Г. Соколова. В МИФИ работает с 1977 года, сначала как хормейстер мужского хора, а с 1987 года – художественный руководитель и дирижер Академического Мужского хора МИФИ. Заслуженная артистка России, Кавалер Ордена Святой равноапостольной Княгини Ольги.

ПЕРВЫЙ РЕКТОР МИФИ

Годы ректорства В.Г. Кириллова-Угрюмова совпали с небывалым расцветом студенческой художественной самодеятельности в 60-х годах прошлого века.

Джаз МИФИ, к примеру, по праву считался одним из лучших в городе; большой популярностью у слушателей пользовались оркестр народных инструментов и ансамбль скрипачей; на спектакли эстрадного театра «МИФЭСТ» собирались сотни желающих, и милиции порой приходилось перекрывать движение транспорта на улице Кирова.

Мужской хор МИФИ, поводом к созданию которого послужил Международный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве летом 1957 года, отлично показал себя в культурной программе молодежного форума и тоже «расправлял плечи» и «набирал обороты».

В репертуаре хора тех лет были не только замечательные советские патриотические песни, такие как «Дороги», «Соловьи», «Солнце скрылось за горою», «Бухенвальдский набат» и другие, но и классика – русская и зарубежная в самых высочайших ее образцах.

Молодой ректор узрел в сплоченном мужском коллективе не только самостоятельную «боевую единицу», но и неисчерпаемый источник духовного обогащения как слушателей, так и исполнителей.

В своем убеждении он оказался «на одной волне» с руководителем и основателем хора – Эсфирью Моисеевной Рывкиной, с которой их связали впоследствии добрые доверительные отношения на всю жизнь.

Руководство института поручает профсоюзу опеку над хором и создает все условия для реализации творческого потенциала коллектива.

Начиная с 1962 года (и по сей день) студентов-участников хора регулярно после зимней сессии отправляют на хоровые сборы в д/о «Ершово». Но для хора «Ершово» совсем не дом отдыха, а скорее наоборот. Хор там работает! Причем в таком усиленном режиме, что два месяца обычного репетиционного процесса в Москве «спрессованы» здесь в одну неделю. И результатом становится обновленный первокурсниками действующий состав хора с новой концертной программой.

Мне довелось познакомиться лично с Кирилловым-Угрюмовым лишь в 1987 году, когда Эсфирь Моисеевна передала мне бразды правления хором, и когда (так совпало) Виктор Григорьевич вернулся в МИФИ и возглавил Совет ветеранов. На этой должности у него появилось больше возможностей бывать на концертах мужского хора.

Для хористов старшего поколения Виктор Григорьевич продолжал оставаться ректором, к которому они относились с особым почтением. Его присутствие среди слушателей (обычно в первом ряду) всегда обязывало и дирижера, и хор держать уровень. Но какой же он был «свой» среди хористов на неформальных встречах – на наших хоровых застольях, когда песни под гитару сменялись одна за другой. Виктор Григорьевич был наш!

В 90-е годы в лицее 1511 при МИФИ я создала школьный мужской ансамбль – как бы первую ступень нашего мужского хора. Мальчики после 11 класса поступали в МИФИ и уже подготовленными попадали «в объятия» мужского хора.

Однажды в разговоре с Виктором Григорьевичем я упомянула про лицейский хор юношей, и Виктор Григорьевич пригласил нас на ближайшую встречу с ветеранами. Выступление юных абитуриентов в белых рубашечках перед ветеранами в военной форме, на груди которых сверкают боевые ордена и медали, произвело такое благоприятное взаимное впечатление, что ансамбль лицеистов под моим руководством и фортепианным сопровождением стал постоянным участников встреч ветеранов. Это было настоящее патриотическое воспитание в действии! Виктор Григорьевич обычно го-

ворил вступительное слово, вспоминая события военных лет. Как сейчас слышу его молодой звонкий голос. И кажется, если он командует: «Товарищи! Вперед! За мной!», то мы сразу сорвемся и побежим за ним с криком «Ура!».

Как-то раз совершенно неожиданно я повстречала Виктора Григорьевича в «своем» храме святителя Николая у Соломенной сторожки. Оказалось, что он «свой» и для Виктора Григорьевича и вообще – мы соседи!

С тех пор наши отношения стали еще более сердечными и, можно сказать, дружескими. Не раз я бывала в гостеприимном доме Виктора Григорьевича и Эммы Яковлевны, когда в домашней обстановке за чашкой чая беседа льется «часов не замечая»...

Виктор Григорьевич был замечательный рассказчик.

Запомнился один забавный эпизод из ректорского периода первых лет, рассказанный Виктором Григорьевичем с присущим юмором.

Однажды МИФИ по неофициальному договору занимался установкой оборудования на каком-то рыбзаводе. Заказ был выполнен. Когда пришло время расплачиваться за работу, ректор предложил вместо денег расплатиться продукцией рыбзавода. Времена были не слишком сытые. А почему бы и нет – подумал заказчик. Полгода студенты и преподаватели наслаждались в мифической столовой деликатесным блюдом – ухой из осетровых голов, регулярно поставляемых «ко двору».

Когда я впервые увидела младшего сына Виктора Григорьевича – Михаила, то, вздрогнув от неожиданности (настолько он похож внешне на своего отца! «Одно лицо»!), интуитивно бросилась навстречу. Миша сразу все понял, и мы обнялись. Позже я заметила, что схожесть не только внешняя: та же душевная доброта и щедрость, та же врожденная мягкая интеллигентность. Мы с Михаилом одногодки и живем рядом по соседству – в Дубках.

Получалось, будто Виктор Григорьевич передал мне «по наследству» счастливую возможность продолжать наше общение уже на уровне моего поколения...

Поздравительное письмо ВГ к 50-летию хора МИФИ

Слава и гордость МИФИ

*Виктор Григорьевич Кириллов-Угромов,
ректор МИФИ в годы создания и становления хора*

Хоровые песни для русского долгожителя служат вехами прожитой жизни. В детстве это – деревенские хороводы девчат, поющих «Страдание». В школьные годы – песни у пионерского костра. Служба на флоте обозначена строевыми песнями, а в минуту привала – душевными мелодиями с рассказами о морских сражениях, флотской дружбе и суровой судьбе моряка. Годы Великой Отечественной войны вспоминаются раздольными русскими песнями в теплушках, везущих солдат и моряков на фронт. А госпиталь – это не только боль и стоны, но и задушевные песни, которые заводили милые хохлушки, работавшие сестрами.

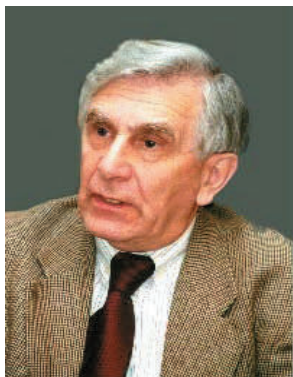
Теперь, как и в самом раннем детстве, я предпочитаю слушать, а не петь. И на концерте Мужского академического хора МИФИ в моей памяти мелькают лица моих институтских друзей, славные дела мифистов, и просыпается надежда на лучшее.

Я люблю хор МИФИ и считаю подвигом деятельность миниатюрной женщины Эсфири Моисеевны Рывкиной, которая сумела объединить десятки здоровых молодых студентов, будущих инженеров-физиков, в коллектив, спаянный товариществом и увлеченностью музыкой. Становление хора пришлось на годы, когда я возглавлял МИФИ. Мне по душе был порядок, который установил для хористов первый Президент хора Юрий Игнатьев: почти армейский устав, строгая дисциплина, отторжение двоечников. Когда началось формирование студенческих строительных отрядов, хор в полном составе отправился сначала в Подмосковье, а потом на целину. Наряду с наградами и благодарностями коллективу хора однажды пришла жалоба. Хористов подвела страсть к юмору. Поскольку начало строительных работ совпало с окончанием учебы, старые студенческие конспекты уложили в ящик, похожий на гроб, и с печальными песнопениями прошли по деревне. Старушки крестились, считая, что кого-то хоронят, а начальство посчитало это

насмешкой над верующими... К счастью, все обошлось, и расставание хора с населением было дружеским.

Сегодня хор МИФИ ни в чем не уступает профессионалам. И это – заслуга руководителя хора Надежды Васильевны Малявиной. Совсем недавно на юбилейной сессии МАГАТЭ хор довел до слез участников сессии исполнением «Колыбельной» Брамса. Открытие замечательного памятника архитектуры – Хлебного дома усадьбы «Царицыно» – состоялось с участием хора МИФИ. Традиционно хор лелеют ректорат и особенно профсоюз. Председатель ОПК А.П. Трофимов заботится о нем как о родном дитяти. В эти дни хор МИФИ отмечает свое пятидесятилетие, и пусть слава его будет столь же долгой, как и слава нашей Альма-матер.

2007 год

МЕРЗОН Габриэль Израилевич

Доктор физико-математических наук, научный сотрудник ФИАН, заместитель начальника отделения физики и астрофизики.

СОВМЕЩАЯ НЕСОВМЕСТИМОЕ...*

С Виктором Григорьевичем Кирилловым-Угрюмовым я работал вместе примерно десять лет с 1952 по 1962 годы. Внешне он казался резким и суровым человеком, но в нем билось доброе и благородное сердце. Мне представляется, что в его натуре сочетались два противоречивых качества. Он был и до конца оставался верным сыном ленинской партии, беззаветно преданным ей рыцарем без страха и упрека. В служении идеям партии он видел смысл своей жизни, закрывая глаза на несоответствия между ее декларативными идеалами и реальными делами. С другой стороны, ему были свойственны черты, которые я назвал бы христианскими: великодушие, сочувствие, отзывчивость, даже некоторая сентиментальность (во время одного из выступлений Виктора Григорьевича на его глазах я видел искренние слезы). Он был преданным науке ученым, прекрасным семьянином, заботливым мужем и отцом, человеком способным сопереживать и помогать.

Не скрою, работая вместе, я не всегда понимал его реакцию на возникавшие трудности, а потому не был свободен в общении с ним. Между нами всегда сохранялась некоторая дистанция. Он по праву старшего всегда называл меня на «ты», но я не решался ответить ему тем же и обращался к нему только на «Вы».

Неоднозначность его натуры проявлялась и в том, что хоронить себя он завещал не под красными знаменами, а по христианскому

* Г.И. Мерзон. К истории ФИАН. Рядом и вместе: вспоминая коллег из МИФИ. М.: ФИАН, 2015. Стр. 3–10.

обычаю. Его отпевали в храме Святителя Николая, что в Хамовниках, с участием знаменитого мужского хора МИФИ. Проститься с Виктором Григорьевичем пришло множество людей, знавших, любивших и ценивших его. Стоя в тесном полутемном храме со свечой в руке, я вспоминал нашу совместную работу в 1950-е годы в ФИАН и наши встречи в последующие годы.

Виктора Григорьевича я помню со студенческих лет, т.е. с конца 1940-х годов. Тогда инженерно-физический факультет Московского механического института (ММИ), от которого ведет начало современный МИФИ, располагался в здании на улице Кирова (ныне, как и прежде, Мясницкая улица), Виктор Григорьевич был одним из самых заметных студентов. Он пришел учиться после тяжелого ранения в декабре 1941 года. В те дни он находился в составе роты морских курсантов, которые преградили дорогу танкам Гудериана, рвавшимся из Тулы к Москве. Как и большинство студентов-фронтовиков, он старательно учился и много времени отдавал общественной работе, благодаря чему вскоре был избран секретарем парткома факультета. Фигура Виктора Григорьевича в синем морском кителе была заметна и на комсомольских собраниях, где он нередко выступал с краткими пламенными речами. Несомненно, он мог сделать успешную партийную карьеру, но выбрал для себя иное поприще: науку и родной МИФИ, которым и посвятил свою жизнь.

Я работал вместе или рядом с ним в лаборатории ФИАН, руководимой Артемом Исааковичем Алиханяном, когда Виктор Григорьевич учился в аспирантуре. Хотя формально он числился на кафедре ядерной физики инженерно-физического факультета ММИ, свою кандидатскую диссертацию Виктор Григорьевич готовил в ФИАН, где имелись необходимые лабораторные помещения и опытное производство. Здесь, в ФИАН, он встретил Эмму Яковлевну Арапову и навсегда связал с ней свою жизнь.

Артем Исаакович, к которому Виктор Григорьевич всегда относился с почтением и любовью, поручил ему сконструировать, изготовить и запустить большую (по тем временам) прямоугольную камеру Вильсона объемом 32 литра для исследования космических лучей. Предстояло разработать все узлы камеры: корпус, системы расширения, освещения, фотографирования и термостатирования,

а также электронную схему управления. Поскольку опыта создания больших камер Вильсона в то время в Советском Союзе не имелось, в основу конструкции была положена камера, созданная итальянскими физиками и описанная в научном физическом журнале *Nuovo Cimento* в 1951 году. Работой с участием молодых сотрудников ФИАН и студентов-дипломников МИФИ руководил Виктор Григорьевич. И это не было «общим руководством. Решение всех важнейших проблем он брал на себя. Мне досталась разработка оптической системы импульсного освещения камеры и проверка однородности освещения ее объема. Особенно долго пришлось повозиться с корпусом камеры. С него под действием воды и спирта, пары которых конденсировались на следах частиц, слезала черная светопоглощающая краска. Из-за этого возникал туман, мешавший наблюдению и фотографированию треков. Так продолжалось до тех пор, пока Виктор Григорьевич не отдал команду содрать старую краску и заменить ее более прочной, что и позволило устойчиво наблюдать четкие следы частиц.

Позже с помощью этой камеры Вильсона подробно изучалось взаимодействие космических мюонов в пластинах плотного вещества. Целью этих экспериментов было проверить существование аномального рассеяния мюонов, якобы установленного некоторыми зарубежными авторами. Однако проведенные точные измерения аномального рассеяния не подтвердили.

Результаты работ по созданию камеры Вильсона были опубликованы в 1957 году в журнале «Приборы и техника эксперимента». Они же послужили основой успешно защищенной Виктором Григорьевичем кандидатской диссертации. Чтобы отпраздновать это событие, мы, его коллеги, были приглашены к нему домой в особнячок на Новой Басманной улице. Там я впервые увидел Виктора Григорьевича уже не в роли сурового «отца-командира», а в качестве радушного хлебосольного хозяина и любящего сына. Его мать, милая пожилая женщина, похожая на сельскую учительницу, боготворила сына, а он отвечал ей добротой и вниманием.

В 1957 году Виктор Григорьевич был назначен деканом своего родного инженерно-физического факультета. Однако он не покинул и лабораторию ФИАН, где руководил теперь созданием 100-литровой фреоновой пузырьковой камеры: трекового детекто-

ра, в котором след заряженной частицы выглядит как цепочка пузырьков на траектории этой частицы. Камера предназначалась для исследования элементарных частиц, генерируемых на Дубненском синхрофазотроне. Корпус пузырьковой камеры размещался внутри прочного стального кожуха, способного выдержать высокое давление. Вскоре Виктору Григорьевичу пришла заманчивая мысль упростить конструкцию этого детектора и использовать стальной кожух в качестве корпуса камеры. Тем самым ее полезный объем увеличивался почти в 6 раз! Помимо Виктора Григорьевича в создании фреоновой пузырьковой камеры участвовали физики ФИАН (все выпускники МИФИ), аспирант МИФИ (А.М. Гальпер), а также физики из Ереванского физического института.

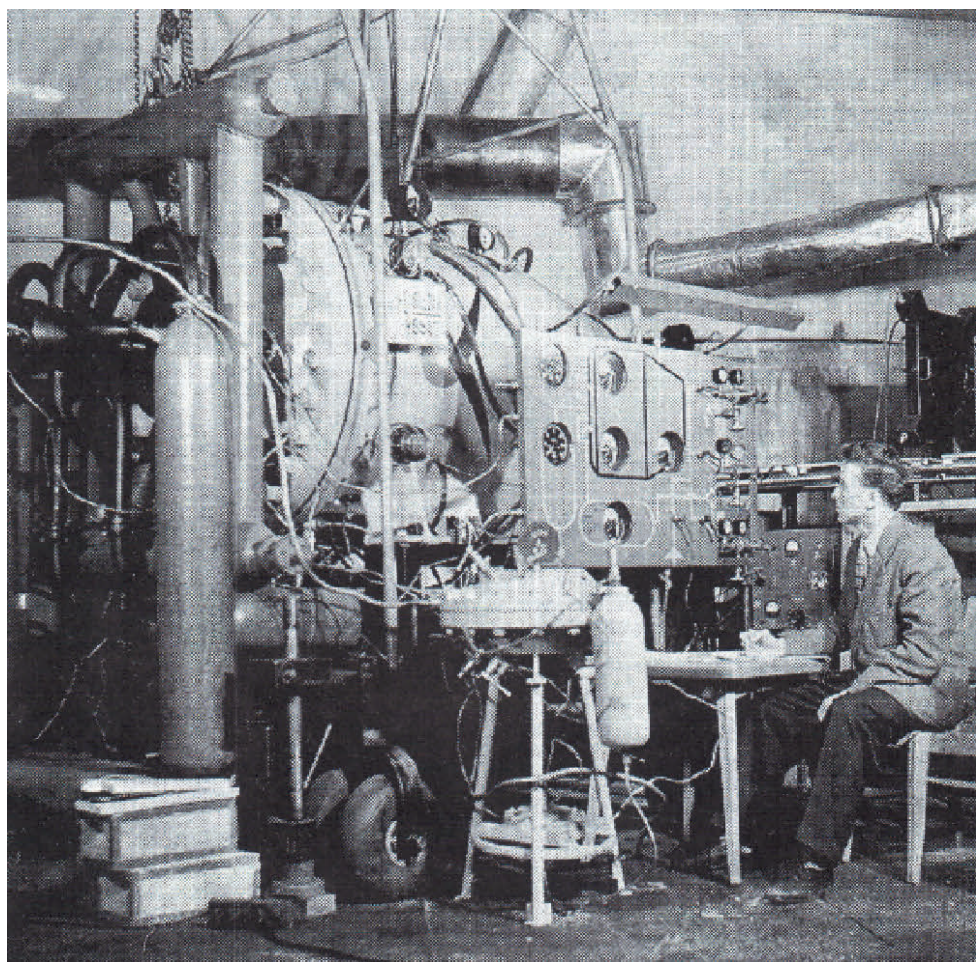
Фреоновая пузырьковая камера была введена в строй в 1961 году. Но работа над ней сопровождалась не только успехами. Как-то, по оплошности, не был вовремя перекрыт вентиль, регулирующий подачу сжатого воздуха в расширительный клапан, и лопнуло «плавающее» стекло, через которое фотографировались треки. Взрыв был такой силы, что был слышен по всем зданию ФИАН. К счастью, при этом никто не пострадал. В другой раз мы решили добавить к фреону, которым заполнялась пузырьковая камера, пахучую примесь с целью по запаху контролировать возможную утечку газа, как это практикуется в сетях бытового газоснабжения.

В качестве такой примеси была выбрана летучая органическая жидкость метилмеркаптан, обладающая резким запахом тухлой капусты. Несколько капель жидкости были пролиты на пол, после чего отвратительный зловонный запах быстро распространился по всему зданию ФИАН. Набежало начальство и, зажав носы, сделало нам «втык», так что эта идея была похоронена.

После переделки конструкции пузырьковой камеры она оказалась самой большой в мире: ни в СССР, ни за рубежом подобной ей не существовало. При наполнении камеры жидким фреоном, обладающим выгодной сравнительно короткой радиационной длиной (около 35 см) при диаметре камеры 90 см, можно было с высокой эффективностью наблюдать радиационные распады элементарных частиц. В частности, в 1962–1963 годы удалось впервые обнаружить распад долгоживущего нейтрального каона на три нейтральных пиона. Трудность обнаружения такого распада состоит в том,

что регистрируемые заряженные частицы (электронно-позитронные пары) возникают здесь лишь в четвертом поколении последовательных превращений:

$$K^0_L \rightarrow 3\pi^0 \rightarrow 6\gamma \rightarrow 6e^+e^-.$$

Удалось измерить и отношение вероятностей такого рода распада и также зарегистрированного в пузырьковой камере распада на один нейтральный и два заряженных пиона

$$K^0_L \rightarrow \pi^+ \pi^- \pi^0; \quad \pi^0 \rightarrow 2e^+e^-.$$

Полученные данные были доложены на Международной конференции по физике высоких энергий (Дубна, 1964) и вошли в Международные таблицы свойств элементарных частиц.

Примерно 10–15 лет спустя у некоторых участников этих работ возникло желание оформить эти результаты как открытие. Однако, согласно Положению об открытии, число его авторов не должно превышать восьми человек, а нас было девять. Мы решили посоветоваться по такому поводу с Виктором Григорьевичем, который был тогда председателем ВАК СССР и хорошо понимал ситуацию. Его вердикт был простым и мудрым: «Во избежание конфликта между авторами, от этой затеи следует отказаться!».

В 1974 году мне пришлось обратиться к Виктору Григорьевичу как к ректору МИФИ с жалобой на Приемную комиссию. История состояла в следующем. После окончания физико-математической школы мой сын решил поступить в МИФИ. Я порадовался его желанию, поскольку сам был выпускником МИФИ и участником совместных работ с кафедрой экспериментальной ядерной физики. Сын усердно готовился к экзаменам по математике и физике и на первом из них (письменной математике) получил высшую оценку. Каково же было мое разочарование, когда на устном экзамене он заработал все лишь три балла. Когда я ознакомился с его ответами, то убедился, что задачи были решены верно. Налицо было предвзятое отношение экзаменатора, либо его ошибка. Я решился пойти на прием к Виктору Григорьевичу и поговорить с ним на эту тему. Далее между нами состоялся такой разговор.

– Виктор Григорьевич, я могу утверждать, что преподаватель 3 был необъективен к абитуриенту. Я проверил его ответы и ручаюсь за их правильность. Мне не хочется подавать апелляцию. Все же МИФИ – моя *Alma mater*. Жаловаться на МИФИ – все равно, что жаловаться на родную мать.

– Да, – ответил Виктор Григорьевич, – жаловаться на *Alma mater* некрасиво. Но я попробую разобраться в этом деле».

Один из моих коллег с кафедры экспериментальной ядерной физики Б.А. Долгошеин тоже рассказал Виктору Григорьевичу о сложившейся ситуации. Реакция последнего была такова: «Не надо делать резких шагов. Я уверен, все образуется».

Я не знаю (и никогда не узнаю), сделал ли что-либо Виктор Григорьевич для восстановления справедливости. Думаю, он приложил здесь свою добрую руку. Его христианское начало все же было сильнее начала партийного. Два оставшихся экзамена по русскому языку и физике сын сдал успешно. Он набрал необходимую для поступления сумму баллов и стал студентом МИФИ.

В последующие годы наши контакты стали эпизодическими. Я встречал Виктора Григорьевича на официальных юбилеях МИФИ и ФИАН, на конференциях и семинарах, сессиях Отделения ядерной физики Академии наук. Последний раз мы виделись в день 60-летия кафедры экспериментальной ядерной физики МИФИ. По некоторым высказываниям Виктора Григорьевича я понял, что он не одобряет перестройку и тяжело переживал распад СССР. Я знал, что Виктор Григорьевич болел, но не ожидал столь скоро трагического исхода. Он совершил много добрых дел и, как сказано в Священном писании, «да воздастся им по делам их».

Ноябрь, 2008 год

СТРАМОУС
Татьяна Евгеньевна

В Е Т Е Р А Н

Посвящается В.Г. Кириллову-Угрюмову

Присягу Родине давал
Такой огромной, безграничной,
Ей молодость и жизнь отдал,
Служа Отчизне на «отлично».

Ты защищал родные стены,
Утюжил телом дно траншей,
Душил руками тень измены
И фрицев гнал от нас взашей.

Ты не забыл последний бой,
Когда дымясь броня потела,
И каждый был там, как герой,
Примкнув штыки в атаке смело.

Ты выстоял и шел вперед,
В бараний рог скрутив войну,
Ты приближал победный год,
Освобождая нас, страну.

Тебя хлестала боль потерь,
Но говорить не смей – «старею».
Нам очень важно и теперь
Слова услышать – «честь имею».

18.03.2004 года

ДМИТРЕНКО Валерий Васильевич

*Выпускник МИФИ 1965 г., д.ф.-м.н., профессор
каф. №7 НИЯУ МИФИ.*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВИКТОРЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ КИРИЛЛОВЕ-УГРЮМОВЕ

Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов был очень яркой и разносторонней личностью. Он занимался и наукой, и организацией высшего образования, и производством, и помогал людям. Но в своих воспоминаниях я коснусь только одной стороны многогранной деятельности Виктора Григорьевича: его взаимоотношениям с молодыми сотрудниками.

Я появился на кафедре экспериментальной ядерной физики в 1959 году, когда поступил учиться в МИФИ. Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов был уже кандидатом наук и в этот год его назначили директором МИФИ. У меня, как у бывшего авиа- и судомоделиста, был хороший опыт работы руками, и я присоединился к группе Бориса Анатольевича Долгошеина, которая занималась созданием стримерной камеры. Разработка стримерной камеры проходила весьма успешно (ведущие сотрудники кафедры Б.А. Долгошеин и Б.И. Лучков в 1970 году были удостоены за ее создание Ленинской премии). Когда я завершал обучение на кафедре и получил квалификацию инженера-физика, то был уже известен Виктору Григорьевичу как перспективный сотрудник. И, так как у моего первого научного руководителя Б.А. Долгошеина в то время не было возможности взять аспиранта, а у Аркадия Моисеевича Гальпера как раз образовалась лаборатория, Виктор Григорьевич порекомендовал Аркадию Моисеевичу взять меня в свою лабораторию в качестве аспиранта. Это было мое первое непосредственное соприкосновение с Виктором Григорьевичем.

После обучения в аспирантуре у Аркадия Моисеевича я должен был пройти распределение. В то время это было очень серьезное дело. У меня не было постоянной московской прописки, и меня распределили в физико-технический институт в городе Пятихатки под Харьковом. Наш МИФИ в то время очень динамично развивался как научная организация. Особенно бурно развивалась наша кафедра, которой руководил Виктор Григорьевич. Например, преподавателей на кафедре в то время было где-то человек 20–25, а проблемная лаборатория при кафедре насчитывала при этом около 120 человек, которые формировали лаборатории А.А. Петрухина, А.М. Гальпера, Ф.М. Сергеева и только что созданную лабораторию Ю.Д. Котова. И тогда Виктор Григорьевич, вероятно, с подачи Аркадия Моисеевича, решил оставить меня в МИФИ, а не отпускать меня в Пятихатки. В то время Виктор Григорьевич пользуясь своим авторитетом, смог организовать для меня московскую прописку и ордер на квартиру! Квартира мне была выделена в 1969 году из лимита Министерства среднего машиностроения (аналога нынешней госкорпорации «Росатом») на Кантемировской улице недалеко от МИФИ. Это событие, конечно, оставило в моей душе глубокий след.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации мне было предложено принять участие в поездке за рубеж в рамках программы обмена молодыми специалистами между Советским Союзом и зарубежными странами. В Соединенные Штаты по этой программе каждый год направлялось около 100 человек, и столько же приезжало в Советский Союз со стороны Соединенных Штатов. В основном из США приезжали гуманитарии, а с нашей стороны – инженеры и научные сотрудники. Правда, чтобы поехать, надо было удовлетворять нескольким требованиям: быть не старше 35 лет; быть, как минимум, кандидатом наук; быть женатыми и, желательно, быть членом или кандидатом в члены КПСС. Кроме того, претендент на такую командировку должен был пройти ряд дополнительных проверок, проводимых специальными организациями такими, как партком, Совет ветеранов при райкоме партии и т.д. Успешно пройдя все проверки, я оказался в Калифорнийском технологическом институте США, где и проработал почти год.

В связи с моим пребыванием в США вспоминается эпизод, который показал мне самому мое личное отношение к Виктору Григорьевичу. Через некоторое время пребывания в США ко мне обратилось несколько человек родом из Польши. Они стали убеждать меня остаться в Америке, потому, что с их точки зрения судьба предоставляла мне уникальный шанс – выехать из тоталитарного Советского Союза в свободные Соединенные Штаты, и это никак нельзя было упустить. Я отказался. И отказался не только потому, что не представлял для себя возможным покинуть Советский Союз, страну, в которой я родился, вырос, и к которой относился как к родной матери, но и потому, что я не мог себе позволить подставить под удар Виктора Григорьевича, который рекомендовал меня для этой зарубежной командировки. Я понимал, что своим отказом от советского гражданства поставлю его в тяжелое положение, и этого я никак не мог себе позволить.

Еще вспоминается один характерный эпизод моего общения с Виктором Григорьевичем. В начале 2000-х годов кафедрой уже заведовал Феликс Михайлович Сергеев. Но вот подошел срок завершения его заведования. В то время срок пребывания заведующим кафедрой был официально ограничен, однако избрание нового заведующего кафедрой проходило весьма демократичным путем. Для выдвижения кандидатов на пост заведующего кафедрой было созвано собрание трудового коллектива кафедры. На этом собрании Виктор Григорьевич предложил избрать заведующим кафедрой экспериментальной ядерной физики меня. Была выдвинута также еще одна кандидатура. В результате общего голосования 80 % сотрудников кафедры проголосовало за меня и 20 % – за второго кандидата. Мы, кстати говоря, оба были еще и спортсменами. Один из видов, которым я занимался, было фехтование, и я в шутку предложил нам устроить дуэль. Дуэль, конечно, не состоялась, но следующим этапом было голосование на совете факультета, где мы оба выступили, и результат был точно такой же: 80 к 20. Наконец, дошли до институтского совета, где результат оказался таким же самым. И вот, в результате этих голосований в 2007 году я был назначен заведующим кафедрой экспериментальной ядерной физики.

Последний раз я встретился с Виктором Григорьевичем в 2007 году. Виктор Григорьевич тогда уже долго болел, и мы с несколькими сотрудниками кафедры поехали проводить его дома. Виктору Григорьевичу уже было сложно долго с нами общаться. Мы посидели и поговорили недолго, потом супруга Виктора Григорьевича сказала: «Знаете, ему надо отдохнуть». Он отошел в другую комнату и прилег. А мы еще немного посидели и поговорили. И это, как оказалось, была наша прощальная встреча.

Виктор Григорьевич остался в моей памяти как человек, который отличался заботливым отношением к своим сотрудникам, хорошо понимал их личные проблемы и старался помочь всеми доступными средствами, добиваясь тем самым успешного развития кафедры экспериментальной ядерной физики МИФИ. Я остался ему благодарен на всю оставшуюся жизнь и всегда вспоминаю как одного из честнейших, добросовестных и очень ответственных людей, которые много сделали для нашего высшего образования, для нашего института и для нашей науки.

Вечная ему память!

ГРАЧЁВ Виктор Михайлович

Окончил МИФИ в 1971 году по специальности «Электроника и автоматика физических установок», кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой № 7, всю жизнь проработал в МИФИ на кафедре экспериментальной ядерной физики.

СТАРШИЙ ТОВАРИЩ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Одна из немногих человеческих черт, сыграть которую невозможно – интеллигентность. Сымитировать интеллигентность необычайно сложно. Она либо есть, либо ее нет. Виктор Григорьевич для меня навсегда останется примером истинного советского, российского интеллигента.

Я взял на себя смелость написать эти воспоминания, хотя знаю Виктора Григорьевича сравнительно недавно, так как являюсь одним из немногих сотрудников института, которых он никогда не называл по имени. Я из Грачёва сразу превратился у него в «Михалыча», чем безгранично горжусь.

Когда я пришел на кафедру в 1971 году, Виктор Григорьевич был ее заведующим, и видели мы его в президиумах гораздо чаще, чем на кафедре. Потом Виктор Григорьевич стал председателем ВАК и каждую субботу на черной «Волге» приезжал в МИФИ. Кафедра вытягивалась во фронт и с 11 до 15 проводились всевозможные мероприятия: кафедры, НТС, семинары и т.д. Был у него и час приема по личным вопросам. Несмотря на занятость и внешнюю суровость, Виктор Григорьевич находил время для заинтересованного и тактичного обсуждения внутри кафедральных и личных проблем. Один раз на таком приеме удалось побывать и мне. Потом случилось так, что Виктор Григорьевич стал научным руководителем моей кандидатской диссертации. Вначале я обрадовался: председатель ВАК – руководитель диссертации, теперь все пойдет, как по маслу. Не тут-то было. Каждую субботу меня вызывали «на ковер» для обсуждения полученных результатов, пару раз пришлось даже ездить в ВАК. Основной моей задачей стало не быстро сделать дис-

сертацию, козыряя фамилией руководителя, а не подвести его. К счастью, все обошлось, и мне это удалось.

Прошли годы, и уже Виктору Григорьевичу приходилось иногда отпрашиваться у меня с заседаний и собраний общественных организаций, которыми я руководил. Надо сказать, что он был чуть ли не единственным, кто делал это всегда, когда не мог присутствовать. Было это не так часто, но зато, когда он присутствовал на этих мероприятиях, всегда был их активным и заинтересованным участником.

Вспоминается эпизод, когда по весне он пришел к нам и попросил помочь завести машину, стоящую в гараже рядом со студгородком. Около часа «будили» мы малолитражную «Оку» от зимней спячки.

Небольшое географическое отступление. Из географии известно, что Ока впадает в Волгу, а та уже в Каспийское море. В жизни порой получается наоборот: большая черная «Волга» может превратиться в маленькую светлую «Оку». Не застрахованы от таких метаморфоз и обладатели современных служебных иномарок. Но это к слову.

Наконец, к всеобщей радости агрегат затарaxтел, и мы получили в подарок две банки черносмородинового варенья, которое потом с удовольствием поедали в течение месяца всей лабораторией, вспоминая добрым словом Виктора Григорьевича и Эмму Яковлевну

В последние годы Виктор Григорьевич плодотворно работал в Совете ветеранов МИФИ. Он неоднократно заходил к нам, когда надо было что-то напечатать, отсканировать, подготовить, но гораздо чаще просто заходил, улыбался своей незабываемой, обаятельной улыбкой и говорил:

– Никаких дел, – просто поговорить. И он мог часами говорить о боевом прошлом, о ветеранских делах, об истории и становлении МИФИ, о здоровье, дачном урожае и семейных новостях. Мы обсуждали текущую жизнь страны, его волновали институтские новости и кафедральные проблемы. Виктор Григорьевич неоднократно поучал меня, прививая азы дипломатии и осторожности:

– Ты, Михалыч, на кафедре профоргом был, парторгом был, заместителем заведующего кафедрой по научной работе был, а теперь вот зам по учебе, а все в толк не возьмешь, что «выступать» надо поменьше. Не любит этого начальство, по себе знаю. Хорошо еще,

если тебе одному по шапке дадут, но ты ведь еще и коллектив представляешь. Хотя со многим из того, что ты говоришь, я готов согласиться.

Не обошел он вниманием и активно обсуждавшуюся в последнее время тему омоложения преподавательских кадров. Начал он, как и был воспитан, с себя:

– Ты, Михалыч, если нужно можешь перевести меня на полставки, – сказал он как-то мне, когда мы остались одни. Я резонно возразил, что он как человек, имеющий отношение к военно-морскому флоту, должен помнить, что капитан покидает корабль последним и при нынешнем руководстве кафедры будет именно так. Мои доводы не показались ему убедительными, и он поехал проситься об отставке к новому ректору.

Надо отдать должное: Михаил Николаевич, узнав о тяжелой болезни Виктора Григорьевича, принял живое участие в оказании ему посильной помощи. Так, в распоряжение Виктора Григорьевича была выделена автомашина. Правда, воспользовался он ею, по моему, всего один раз, когда и приехал просить об отставке. Чувствовал он себя в это время неважно: отказывала нога, он ходил с палочкой. Ректор, естественно, с порога отверг это прошение и решил проводить Виктор Григорьевич до машины. Водитель куда-то запропастился, и Михаил Николаевич проводил гостя по зеленой аллее от корпуса «К» до родной кафедры. Это выглядело символической передачей эстафеты в сильные и надежные руки. Визит этот на родную кафедру и в МИФИ, к сожалению, оказался для Виктора Григорьевича последним.

Через пару недель, когда мы были приглашены к нему домой, он вспомнил об этом визите. Виктор Григорьевич встретил нас на пороге, с гордостью продемонстрировал, что может уже обходиться без палочки. Потом мы сидели за столом, где вместо оговоренного чая было полно яств, включая знаменитые беляши Эммы Яковлевны. Виктор Григорьевич сидел с нами, но быстро уставал и отходил немного отдохнуть. В очередной раз, возвратившись к столу, он сказал, обращаясь к Эмме Яковлевне:

– Вот съездил в родной институт, получил два «втыка»: один от ректора, а потом еще эти, – продолжал он, с наигранной суровостью посмотрев в нашу сторону, – на родной кафедре добавили.

Виктор Григорьевич занимал высокие посты и в МИФИ, и в государстве, находясь на которых, обойтись без предупреждений, «выговоров с занесением» и «без» было невозможно. Мне трудно судить обо всех этих взысканиях, но последние два «втыка» были Виктором Григорьевичем абсолютно заслужены.

Жизнь любого человека принято оценивать по трем параметрам: построил ли он дом, воспитал ли сына и посадил ли дерево. Виктор Григорьевич построил прекрасный дом на излучине Москвы-реки, в котором все мы с вами сейчас работаем, у него два сына, дочь, внуки, которые, как мы надеемся продолжат славные традиции деда в стенах МИФИ, а о дереве мне хотелось бы сказать особо. У Виктора Григорьевича на даче, невесть откуда взявшаяся, росла сакура, так вот он без ведома домочадцев ее выкопал и посадил у главного корпуса МИФИ, где она радует своим буйным цветением уже не одно поколение мифистов.

*Группа выпускников кафедры № 7 у сакуры, посаженной
Виктор Григорьевичем у главного корпуса МИФИ, 2009 год*

Так вот, если мы все будем относиться к МИФИ, как к своему дому, к своей семье, то это и будет залогом процветания нашего Университета, как бы он в дальнейшем ни назывался, и лучшей памятью замечательному человеку Виктору Григорьевичу Кириллову-Угрюмову.

2009 год

МАШКОВИЧ Лидия Евгеньевна

Выпускница МИФИ 1963 года, старший инженер ВНИИАС НПО «Энергия», (1970–1998).

**ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ –
ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ**

Я познакомилась с Виктором Григорьевичем сначала заочно – со слов моего будущего мужа Машковича Вадима Павловича, который в то время был секретарем партбюро факультета «Т» и тесно соприкасался по долгу службы с Виктором Григорьевичем.

Мой муж и его друзья – тоже сотрудники института очень высоко ценили и уважали Виктора Григорьевича за его человечность и объективность, умение не пройти мимо, казалось бы, мелких проблем, умение увидеть в каждом человеке то главное, что беспокоило этого человека. Виктор Григорьевич всегда старался по мере возможностей вникнуть в проблему и помочь преодолеть ту или иную ситуацию.

Именно таким должен быть (по нашему общему мнению) настоящий фронтовик, коммунист. А ведь мы – представители того поколения, которое рождено и выросло в Советском Союзе. У нас был очень суровый подход к оценке того или иного деятеля той эпохи.

Я была еще слишком мала (студентка 2 курса МИФИ), чтобы так строго судить о людях. Поэтому пишу, со слов моего мужа и его соратников – друзей, с которыми мне пришлось пересечься на моем жизненном пути во время работы на кафедре № 1 («Физика защиты от ионизирующих излучений»). Виктор Григорьевич умел заглянуть в душу каждого человека, для него не существовало разделения проблем человека на «важные» и «не очень важные». Очевидно поэтому все сотрудники и студенты института очень радовались назначению Виктора Григорьевича ректором нашего любимого МИФИ! Это были годы, когда институт получил свое новое место прописки, там, где сейчас главный корпус, все учебные корпуса,

студгородок, реактор, детский сад, лицей. На возведение всего этого ушли годы нелегкого труда коллектива института во главе с Виктором Григорьевичем Кирилловым-Угрюмовым. Та памятная доска с его портретом при входе в главный корпус МИФИ говорит о благодарности мифистов всех возрастов. Наш с мужем правнук (ему сейчас 20 лет) учится в МИФИ на кафедре «Теоретической физики», поэтому я не теряю связь с молодым поколением и могу отвечать за свои слова. (За эти годы только в нашей семье МИФИ окончили семь человек: мы, наши дети и внуки.) Все они чтут память Человека, посвятившего МИФИ половину своей жизни, и мы и наши потомки ему очень благодарны!

Два соратника Виктора Григорьевича, будущие профессора кафедры № 1 МИФИ – Женя Крамер-Агеев (слева) и Вадим Машкович. Июль 1961 года. Пока им еще по 29 лет

А теперь от меня: так случилось, что, когда я поступила на учебу в МИФИ, оказалось, что в институте есть три человека с двойной фамилией: Кириллов-Угрюмов – будущий ректор, Крамер-Агеев Евгений Александрович – будущий доктор технических наук, профессор кафедры № 1, и я – Сперанская-Крыльцова Лидия Евгеньевна – студентка ф-та «В». В круговороте дел такого института, как МИФИ,

заметить такую мелочь мог только человек, для которого институт – это родной дом, в котором нет мелочей.

И вот однажды в институт пожаловала какая-то важная комиссия, и ректор в сопровождении профессоров и т.д. повел всех по институту (благо уже было что показать). А навстречу по коридору иду Я – студентка! И вот, на глазах этой важной комиссии Виктор Григорьевич галантно целует мне руку в ответ на мое приветствие таких важных людей. От неожиданности я покраснела, как рак, с головы до ног! Комиссия, улыбаясь, прошла мимо по своим делам, а я осталась стоять столбом, прижимая к себе поцелованную руку.

Казалось бы, такая мелочь! У Виктора Григорьевича не было мелочей! Он был Человеком с Большой Буквы с огромным трепетным Сердцем. И в наших сердцах он остается таким навечно!

УРИН Михаил Генрихович

*Доктор физико-математических наук, профессор
НИЯУ МИФИ, кафедра № 32 «Теоретическая ядерная
физика».*

ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ

Когда мы, школьники голодных послевоенных лет, поступили на первой курс недавно созданного Инженерно-физического факультета Московского механического института, то встретили там студентов-фронтовиков, В.Г. Кириллова-Угрюмова, Е.В. Арменского, Л.Р. Кимеля, В.М. Галицкого и других. Они оказывали огромное влияние на учебную и общественную жизнь факультета. Их отличали целеустремленность в получении образования, обостренное чувство справедливости, желание помочь тем, кому было трудно в учебе и в быту. Не случайно, что впоследствии они стали руководителями в той отрасли, которая отвечала за подготовку научно-инженерных кадров для советского Атомного проекта.

Я расскажу о нескольких контактах с В.Г., сохранившихся в моей памяти. В работе над дипломными проектами, которыми руководил А.Б. Мигдал, нам (совместно с В.Н. Моховым), потребовался редкий научный журнал (Novo Cimento). Я обратился к В.Г. который в то время был деканом факультета, с просьбой о помощи. Одним зимним вечером В.Г. назначил мне встречу у проходной ФИАНа. На входе он расстегнул шубу и из-за пояса достал и передал мне нужный журнал. Впоследствии я часто использовал этот прием для выноса не секретных материалов через охрану при посещении Курчатовского института, где тогда работал А.Б. Мигдал. По его предложению дипломная работа была опубликована в ЖЭТФ, и позже (в это время я работал в некоем «почтовом ящике») на факультет из-за границы пришел запрос на имя профессора Урина с просьбой прислать оттиск статьи. Мне передали, что на одной из встреч со студентами В.Г. сказал примерно следующее: «Смотрите, как там быстро наши студенты становятся профессорами».

Как-то во время завершения строительства главного корпуса МИФИ мы поднялись на последний этаж, откуда открывался прекрасный вид на Коломенское и Москва-реку. Любуясь этим видом, В.Г. говорил о том, что подобно американским университетам в МИФИ учебный процесс будет обязательно сочетаться с научно-исследовательской работой. Хорошо известно, сколько сил вложил В.Г. в реализацию этого подхода. Позже мы с ним обсудили вопросы теории захватов мюонов ядрами – процесса, экспериментальным исследованием которого занимался В.Г. Удалось выяснить возможность использования теории конечных Ферми-систем, разработанной А.Б. Мигдалом, для интерпретации скорости захвата.

Встреча, которую я не могу забыть, состоялась много лет спустя на заседании ученого совета, на котором защищался мой аспирант. В тот год я отмечал свой юбилей и В.Г., поздравив меня, сказал: «Миша, ты себя недооцениваешь». Для меня было большой честью услышать эти слова от Человека с Большой Буквы.

Библиографический указатель трудов В.Г. Кириллова-Угрюмова

1953

1. Вайсенберг А.О. Зависимость эффективности счетчиков от перенапряжения / А.О. Вайсенберг, В.Г. Кириллов-Угрюмов // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1953. – Т. 24, вып. 1. – С. 124–125.
2. Кириллов-Угрюмов В.Г. Магнитный масспектрометр в сочетании с камерой Вильсона для исследования космического излучения: дисс. кандидата физ.-мат. наук / В.Г. Кириллов-Угрюмов; науч. рук. А.И. Алиханян; ММИ. – М., 1953. – 146 с.
3. Кириллов-Угрюмов В.Г. Магнитный масспектрометр в сочетании с камерой Вильсона для исследования космического излучения: автореф. дисс. канд. физ.-мат. наук / В.Г. Кириллов-Угрюмов; рук. работы А.И. Алиханян. – Москва: ММИ, 1953. – 7 с.
4. Кириллов-Угрюмов В.Г. Магнитный масспектрометр в сочетании с камерой Вильсона / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.И. Алиханян, Н.В. Шостакович, В.М. Федоров // Доклады Академии Наук СССР. – 1953. – Т. 92. – С. 255–257.
5. О нестабильных заряженных частицах более тяжелых, чем протон / А.И. Алиханян, М.И. Дайон, В.Г. Кириллов-Угрюмов // Доклады Академии Наук СССР. – 1953. – Т. 99. – С. 361–364.

1955

6. Алиханян А.И. Рассеяние медленных μ -мезонов в меди / А.И. Алиханян, В.Г. Кириллов-Угрюмов // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1955. – Т. 19. – С. 737–745.
7. Кириллов-Угрюмов В.Г. Прямоугольная камера Вильсона для исследования космического излучения / В.Г. Кириллов-Угрюмов, В. М. Федоров, Б.Н. Дерягин // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1955. – Т. 28, Вып. 3. – С. 603–608.

1957

8. Дерягин Б.Н. Прямоугольная камера Вильсона с боковым освещением / Б.Н. Дерягин, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Г.И. Мерзон // Приборы и техника эксперимента. – 1957. – № 3. – С. 15–17.
9. Кириллов-Угрюмов В.Г. Рассеяние мю-мезонов в бериллии / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Некоторые вопросы инженерной физики: Сборник статей. – М.: МИФИ, 1957. – Вып. 1. – С. 22–29.

1958

10. Determination of the masses and momenta of charged particles from multiple scattering measurements in a propane bubble chamber / V.G. Kirillov-Ugriumov, L.P. Kotenko, E.P. Kunetsov // Nuclear instruments. – 1958. – Vol. 3, Is. 5. – P. 265–270.

11. Иванов Ю. М. Зависимость угловой корреляции при μ^- - е распаде от энергии / Ю.М. Иванов, В.Г. Кириллов-Угрюмов // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1958. – Т. 34, Вып. 1. – С. 255–256.

12. Кириллов-Угрюмов В.Г. Рассеяние мю-мезонов в бериллии / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.М. Москвичев // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1958. – Т. 34, Вып. 2. – С. 322–326.

13. Угловая анизотропия при $\pi^+ - \mu^+ - e^+$ распаде, измеренная в пропановой пузырьковой камере / А.И. Алиханян, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Л.П. Котенко [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1958. – Т. 34, Вып. 5. – С. 1101–1108.

14. Угловые распределения позитронов при $\pi^+ - \mu^+ - e^+$ распаде в пропане / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1958. – Т. 34, Вып. 1. – С. 253–255.

15. Упругое рассеяние π -мезонов на углероде при энергиях (5+44) МэВ / Ю.М. Грашин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1958. – Т. 35. – С. 1300–1302.

1959

16. A 570 Liter Freon Bubble Chamber / A.I. Alihanyan, V.G. Kirillov-Ugriumov [et al.] // Proceedings / International Conference of High-Energy Accelerations and Instruments CERN. – 1959. – P. 512–513.

17. Кириллов-Угрюмов В.Г. Пучок мю-мезонов с энергией до 70 МэВ, полученный на ускорителе / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ю. М. Иванов // Некоторые вопросы экспериментальной физики. – М.: МИФИ, 1959. – Вып. 1. – С. 3–12.

18. Рассеяние мю-мезонов с импульсом около 100 MeV/c в меди и железе / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1959. – Т. 36, № 2. – С. 416–423.

19. Упругое рассеяние π -мезонов на углероде при энергиях (5+22) МэВ / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1959. – Т. 37, Вып. 2. – С. 1273–1280.

1960

20. Однократное рассеяние мю-мезонов на углероде при энергиях (10+30) МэВ / А.И. Алиханян, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1960. – Т. 38, Вып. 2. – С. 387–393.

1961

21. Кириллов-Угрюмов В.Г. Состояние работ по атомной энергии в Швейцарии / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Атомная энергия. – 1961. – Т. 11, Вып. 1. – С. 79–80.

22. Расчет траекторий π -мезонов, образованных на внутренней мишени синхроциклотрона ОИЯИ / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Б.м., 1961. – 26 с. – (Издания / Объединенный ин-т ядерных исследований, Лаб. ядерных проблем. Р-663)

23. Траектории π -мезонов с энергией от 40 до 400 МэВ, образованных на внутренней мишени синхроциклотрона ОИЯИ / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Б.м., 1961. – 58 с. – (Издания / Объединенный ин-т ядерных исследований, Лаб. ядерных проблем. Р-664)

24. Угловая и энергетическая дисперсия π -мезонов в рассеянном магнитном поле шестиметрового синхроциклотрона / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Атомная энергия. – 1961. – Т. 11, Вып. 3. – С. 245–246.

25. Фреоновая пузырьковая камера объемом 570 л / А.С. Алексанян, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Приборы и техника эксперимента. – 1961. – № 6. – С. 34–38.

1962

26. Оценка возможности использования космических лучей для исследования структуры м-мезона / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Некоторые вопросы физики элементарных частиц и атомного ядра. – М.: Атомиздат, 1962. – С. 77–82.

27. Упругое рассеяние π -мезонов с энергиями (5 + 15) МэВ на ядрах углерода / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1962. – Т. 42. – С. 1687–1688.

1963

28. Absorption of stopped π -mesons in carbon / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1963. – Т. 44, Вып. 4. – С. 1144–1146.

29. Применение порогового черенковского счетчика для разделения пионов и мюонов в мезонных пучках / Б.А. Долгошеин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Приборы и техника эксперимента. – 1963. – № 3. – С. 55–57.

1964

30. Влияние ядра на рождение π^0 -мезонов / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1964. – Т. 45, Вып. 2. – С. 437–442.

31. Изучение распадов K^0 – мезонов на три нейтральных пиона / А.С. Алексанян, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1964. – Т. 46. – С. 1504–1506.

32. Интенсивный пучок мюонов синхроциклотрона ОИЯИ: препринт ОИЯИ Р-1902 / Ю.М. Грашин, Б.А. Долгошеин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Б.м., 1964. – 6 с. – (Издания / Объединенный ин-т ядерных исследований, Лаб. ядерных проблем ; Р-1902).

33. Кириллов-Угрюмов В.Г. Поглощение отрицательных π -мезонов в углероде при остановке / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А. К. Поносов, Ф. М. Сергеев // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1964. – Т. 46, Вып. 4. – С. 1220–1225.

34. Кириллов-Угрюмов В.Г. Некоторые исследования медленных мезонов : доклад, представленный на соискание ученой степени доктора физико-математических наук по совокупности работ / В.Г. Кириллов-Угрюмов. – Дубна, 1964. – 64 с.

35. Множественное рождение η -мезонов на ядрах ксенона : препринт ИТЭФ, 220 / Ю.М. Грашин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.], 1964. – 11 с.

1965

36. Долгошеин Б.А. Интенсивный пучок мюонов на синхротроне ОИЯИ / Б.А. Долгошеин, В.Г. Кириллов-Угрюмов, В.Д. Бобров // Атомная энергия. – 1965. – Т. 18, Вып. 4. – С. 48–50.

37. Захват мюонов атомами, находящимися в химическом соединении / В.Д. Бобров, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1965. – Т. 4, № 1. – С. 1199–1207.

38. Захват отрицательных мюонов чистыми изотопами хрома и никеля / В.Д. Бобров, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1965. – Т. 4, № 1. – С. 1197–1199.

39. Кириллов-Угрюмов В.Г. Исследования некоторых характеристик ионизационной камеры / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.А. Петрухин, В.В. Шестаков // Приборы и техника эксперимента. – 1965. – № 4. – С. 59–62.

1966

40. Захват отрицательных мюонов в чистых изотопах Ni и Cr / Бобров В., Кириллов-Угрюмов В. [и др.] // Ядерная физика. – 1966. – Т. 4, Вып. 1. – С. 75–82.

41. Измерение отношения распадов $K[2]_{0} \rightarrow 3\pi_{0}$ и $K[2]_{0} \rightarrow \pi^{+}\pi^{-}\pi_{0}$ / А. С. Алексанян [и др.] // Материалы / Международная конференция по физике частиц высокой энергии, 12. Дубна. – 1966. – Т. 1. – С. 102–104.

42. Ионизационный калориметр для исследования космических мюонов высоких энергий под большими зенитными углами / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Физика элементарных частиц: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1966. – С. 59–68.

43. Исследование мюонов высоких энергий с помощью комплексной установки / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1966. – Т. 30. – С. 1662–1666.

44. Исследование энергетического спектра космических мюонов посредством электронно-фотонных ливней / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1966. – Т. 30. – С. 1669–1674.

45. Кириллов-Угрюмов В.Г. Измерение вероятностей образования μ -атомов в соединениях LiCl, CsCl, ZnO, CuCl / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.А. Долгошеин, А.В. Самойлов // Труды XII конференции по физике высокой энергии. – М.: Атомиздат, 1966. – Т. 1. – С. 889–890.

46. Неэлектромагнитные взаимодействия мюонов сверхвысоких энергий / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1966. – Т. 30. – С. 1666–1669.

47. Пузырьковая камера, предназначенная для работы в магнитном поле / А.И. Алиханян, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Физика элементарных частиц: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1966. – С. 76–82.

48. Упругое рассеяние π -мезонов на углероде при энергиях 5–22 Мэв / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Физика элементарных частиц: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1966. – С. 41–47.

49. Энергетический спектр космических мюонов под большими зенитными углами / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Ядерная физика. – 1966. – Т. 3, Вып. 4. – С. 783–784.

1967

50. Исследование электронно-фотонных каскадов в железе в области энергий (10^{12}) эВ / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1967. – Т. 31. – С. 1533–1535.

51. Кириллов-Угрюмов В.Г. Поглощение π -мезонов сложными ядрами / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сергеев, А.И. Фесенко // Элементарные частицы и космические лучи: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1967. – С. 121–130.

52. О спектре масс систем странных частиц, образующихся при взаимодействии π -мезонов с легкими ядрами / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1967. – С. 40–48.

53. Поглощение π^+ -мезонов с энергией 70 МэВ ядрами эмульсии / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сергеев, А.И. Фесенко // Ядерная физика. – 1967. – Т. 5, Вып. 4. – С. 851–854.

54. Энергетический спектр космических мюонов сверхвысоких энергий на уровне моря / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи: Сборник статей. – М.: Атомиздат, 1967. – С. 19–33.

1968

55. Study of the nuclear and electromagnetic interactions of high-energy muons / V.V. Borog, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Canadian Journal of Physics. – 1968. – Vol. 46, № 10. – P. 381–386.

56. Study of the properties of cosmic muons underground by means of a complex installation / V.A. Aglamosov, L.D. Gedevanishvili, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Canadian Journal of Physics. – 1968. – Vol. 46, № 10. – P. 339–343.

57. Данные о резонансе с массой ~ 1300 МэВ в системе КК / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Ядерная физика. – Москва: Наука, 1968. – Вып. 2: т. 7. – С. 470–471.

58. Исследование электронов и гамма-квантов космических лучей на высотах до 27,5 км / В.А. Безус, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1968. – Т. 32, № 11. – С. 1863–865.

59. Отчет о НИР за 1968 год / отв. исполн. В.Г. Кириллов-Угрюмов; исполн.: В.В. Фролов, Б.Д. Зайцев. – М.: МИФИ, 1968. – 102 с.

60. Энергетическое и угловое распределение мюонов с энергией (10^{11} – 10^{12}) эВ / Р.Е. Казаров, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1968. – Т. 32. – С. 511–514.

1969

61. Study of the angular distribution of high-energy cosmic muons at large zenith angles / V.V. Borog, V.G. Kirillov-Ugriumov [et al.] // Proceedings of 11th International Cosmic Ray Conference. – Budapest, Hungary, 1969. – P. 179–181.

62. Измерение времени жизни Λ -гиперона во фреоновой пузырьковой камере / Демидов В.С., Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Ядерная физика. – 1969. – Т. 10, Вып. 6. – С. 1201–1203.

63. Измерение потоков электронов и гамма-квантов с энергией больше 100 МэВ на разных высотах в атмосфере / В. А. Безус, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – 1969. – Вып. 2. – С. 3–22.

64. Исследование каскадных ливней в горизонтальном потоке космических лучей / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – М.: Атомиздат, 1969. – Вып. 2. – С. 37–44.

65. Кириллов-Угрюмов В.Г. Перспективы исследования космических мюонов высоких энергий / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.А. Петрухин // Элементарные частицы и космические лучи. – М.: Атомиздат, 1969. – Вып. 2. – С. 45–56.

66. О возможности обнаружения W -бозона по поляризации распадающихся мюонов / Г.Г. Бунатян, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1969. – Т. 9, Вып. 5. – С. 325–330.

67. Об изменениях интенсивности электронов и гамма-квантов в атмосфере / В.А. Безус, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэрономия. – 1969. – Т. 9, № 3. – С. 540–543.

68. Отчет о НИР за 1969 год, приложение-отчет о НИР студентов за 1968–1969 гг. / отв. исполн. В.Г. Кириллов-Угрюмов; исполн.: В.В. Фролов, Б.Д. Зайцев. – М.: МИФИ, 1969. – 81 с.

69. Поиск тяжелых частиц на уровне моря / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Ядерная физика. – 1969. – Т. 10, № 2. – С. 336–340.

70. Поиски кратных ливней в горизонтальном потоке космических лучей / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Труды Всесоюзной конференции по физике космических лучей. – Ташкент, 1969. – Ч. 1, Вып. 2. – С. 62–65.

71. Прибор для регистрации первичного гамма-излучения / В.А. Безус, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические лучи. Сборник статей. – 1969. – № 11. – С. 179–181.

72. Прибор для регистрации электронов с энергией 0,1 – 1,5 ГэВ в космическом излучении / Н.Л. Григоров, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Приборы и техника эксперимента. – 1969. – Т. 3. – С. 78–84.

73. Прямой и обратный потоки электронов с энергией 100–1500 МэВ на разных высотах в атмосфере / В.А. Безус, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1969. – Т. 33, № 11. – С. 1827–1830.

74. Резонансы в КК- и КЛ- системах / В.С. Демидов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – М.: Атомиздат, 1969. – Вып. 2. – С. 67–88.

75. Сечения неупругого взаимодействия пи-мезонов с ядрами / Демидов В.С., Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Ядерная физика. – 1969. – Т. 9, Вып. 2. – С. 292–295.

76. Спектр масс системы K0L0 / Демидов В.С., Кириллов-Угрюмов В.Г., Никитин Ю.П. [и др.] // Ядерная физика. – 1969. – Т. 9, Вып. 3. – С. 587–589.

77. Эксперимент по поиску тяжелых частиц на уровне моря / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – 1969. – Вып. 2. – С. 57–66.

1970

78. Зависимость потока электронов в верхней атмосфере от состояния магнитосферы Земли / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1970. – Т. 34, № 11. – С. 2275–2280.

79. Изучение спектра масс Lambda K-системы в p-p-взаимодействиях при 4 и 5,1 ГэВ/с / Будагов Ю.А., Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1970. – Т. 11, Вып. 1. – С. 31–36.

80. Исследование первичного гамма-излучения с энергией больше 200 МэВ с помощью искровой камеры / С. А. Волобуев, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1970. – Т. 34, № 11. – С. 2250–2255.

81. Отчет о НИР за 1970 год / отв. исполн. В.Г. Кириллов-Угрюмов ; исполн.: В.В. Фролов, Б.Д. Зайцев. – М.: МИФИ, 1970. – 107 с.

82. Прибор для регистрации первичных электронов / Н.Л. Григоров, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические лучи. Сборник статей. – 1970. – № 12. – С. 70–72.

1971

83. Additional electron flux detection after magnetic perturbations / S.A. Volobuyev, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Solar Physics*. – 1971. – Vol. 20, № 2. – P. 491–496.

84. Method of Determination Gamma-Rays Polarization above Egamma more than 1 MeV / S.R. Kelner, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Proceedings / ICRC*, 12, Hobart. – 1971. – Vol. 6. – P. 2498–2510.

85. Muon Guide Made of Units of Magnetized Iron / G.B. Bondarenko, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Proceedings, 8th International Conference on High-Energy Accelerators, HEACC* 1971. – September 20–24, 1971. – 282.

86. Search of High-Energy Gamma-Rays from Discrete sources of Radioemission / S.A. Volobuyev, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Proceedings / ICRC*, 12, Hobart. – 1971. – Vol. 5. – P. 1683–1896.

87. Study of High-Energy Electrons at Upper Layers of Atmosphere During Magnetic Perturbation / V.V. Dmitrenko, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Proceedings / ICRC*, 12, Hobart. – 1971. – Vol. 6. – P. 2021–2029.

88. Survey of Heavy Particles at Sea Cosmic Rays Level and Mountain Height / V.A. Gomofov, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Proceedings / ICRC*, 12, Hobart. – 1971. – Vol. 6. – P. 2317–2387.

89. Генерация потока энергичных гамма-квантов от внегалактического источника 3C-120 / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Астрономический журнал*. – 1971. – Т. 48, № 6. – С. 1105–1114.

90. Изучение деполяризации μ - мезонов при образовании мезоатомов гелия и неона / В.Г. Варламов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Труды IV Международной конференции по физике высоких энергий и структуре ядра*. – Дубна, 1971. – С. 105–106.

91. Исследование каскадных ливней, генерируемых мюонами / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Т.М. Кирина // *Известия Академии наук СССР. Серия физическая*. – 1971. – Т. 35, № 10. – С. 2164–2169.

92. Исследование космического гамма-излучения / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Успехи физических наук*. – 1971. – Т. 105, Вып. 2. – С. 209–250.

93. Наблюдение гамма-квантов с энергией больше 100 МэВ из района крабовидной туманности / С.А. Волобуев, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Известия Академии наук СССР. Серия физическая*. – 1971. – Т. 35, № 12. – С. 2463–2465.

94. Наблюдение гамма-квантов с энергией больше 100 МэВ от радиоисточника 3C120 / С.А. Волобуев, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики*. – 1971. – Т. 13, № 1. – С. 43–46.

95. Отчет о НИР (1971 год) / отв. исполн. В.Г. Кириллов-Угрюмов ; исполн.: В.В. Фролов, Б.Д. Зайцев. – М.: МИФИ, 1971. – 98 с.

96. Поиск тяжелых нерелятивистских частиц в космических лучах на уровне моря / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1971. – Т. 35, № 10. – С. 2092–2097.

97. Регистрация дополнительных электронных потоков после магнитного возмущения / С.А. Волобуев, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэронавигация. – 1971. – Т. 11, № 3. – С. 412–416.

98. Регистрация потока энергичных гамма-квантов от внегалактического источника 3С 120 / С.А. Волобуев, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Астрономический журнал. – 1971. – Т. 48, Вып. 6. – С. 1105–1113.

99. Рождение систем $\pi^+\pi^-$ на ядрах в области малых передач импульса / В.Г. Кириллов-Угрюмов, В. И. Левина, А. К. Поносов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1971. – Вып. 14. – С. 168–172.

100. Электроны и гамма-кванты больших энергий в верхних слоях атмосферы / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1971. – Т. 35, № 12. – С. 2476–2478.

101. Эффект возрастания потока электронов высокой энергии в верхней атмосфере в период магнитных суббурь / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Труды / Международный семинар по проблеме "Генерация космических лучей на Солнце". – 1971. – С. 456–468.

1972

102. Высокоэнергичные электроны в верхней атмосфере / В.В. Дмитренко, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Труды / Международный семинар по проблеме "Ускорение частиц в космическом пространстве": НИИЯФ МГУ, 1972. – С. 282–288.

103. Деполяризация отрицательных мюонов в благородных газах / В.Г. Варламов, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1972. – Т. 17, Вып. 6. – С. 318–320.

104. Деполяризация отрицательных мюонов в гелии и неоне / В.Г. Варламов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – М.: Атомиздат, 1972. – Вып. 6: Том 15. – С. 318–320.

105. Исследование ядерного взаимодействия мюонов в железе / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1972. – Т. 36, № 8. – С. 1761–1766.

106. Когерентная генерация системы 2π - π на ядрах / Василькова А.Д., Василькова А.Д., Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1972. – Т. 17, № 7. – С. 371–374.

107. Установка для исследования углового распределения космических мюонов сверхвысоких энергий под большими зенитными углами / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические лучи. Сборник статей. – 1972. – № 13. – С. 192–195.

1973

108. Observation of Gamma-Rays from the Region of the North Galactic Pole / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Program / International Cosmic Rays Conference Denver, 13. – 1973. – Vol. 1. – P. 450–455.

109. Research on Cosmic Gamma Radiation from Sygnus Region / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Program / International Cosmic Rays Conference Denver, 13. – 1973. – Vol. 1. – P. 450.

110. Гальпер А.М. Дискретные источники гамма-квантов / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.И. Лучков // Земля и Вселенная. – 1973. – № 1. – С. 6–11.

111. Изучение электронов высоких энергий в атмосфере / В.А. Безус, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Изучение космических лучей на искусственных спутниках Земли. Сборник. – 1973. – С. 112–125.

112. Исследование космического гамма-излучения на искусственном спутнике Земли с помощью искровой камеры / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космическое излучение. – 1973. – Вып. 3. – С. 3–12.

113. Исследование первичного гамма-излучения из области Северного полюса Галактики / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1973. – Т. 37, № 6. – С. 1144–1149.

114. Обнаружение гамма-излучения источника Суг Х-3 в октябре 1972 года / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1973. – Т. 18, № 4. – С. 217–220.

115. Обнаружение избыточных потоков гамма-излучения из района Северного галактического полюса / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1973. – Т. 17, № 5. – С. 254–258.

116. Экспериментальное наблюдение электронного парамагнетизма мюонных атомов / В.Г. Варламов, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1973. – Т. 17, Вып. 4. – С. 186–190.

117. Энергетическое и угловое распределение космических мюонов и процессы их генерации в области энергий (10^{12}) эВ / В.Г. Кириллов-

Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1973. – Т. 37, № 7. – С. 1493–1497.

1974

118. Гальпер А.М. Наблюдательная гамма-астрономия / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б. И. Лучков // Успехи физических наук. – 1974. – Т. 112, Вып. 3. – С. 491–515.

119. Обнаружение гамма-излучения источника Суг X-3 / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1974. – Т. 38. № 9. – С. 1801–1805

120. Обнаружение синхронных изменений потоков энергичных электронов и гамма-квантов во время магнитного возмущения / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1974. – Т. 38. № 9. – С. 1966–1969.

1975

121. Всесоюзная школа по теоретической ядерной физике. Некоторые вопросы экспериментальных исследований в области физики высоких энергий (6-я сессия; 1975; Москва). Гамма-астрономия: Тезисы конспекта лекций / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.М. Гальпер, Б.И. Лучков; Всесоюзная школа по теоретической ядерной физике (6-я сессия; 1975; Москва). – М.: МИФИ, 1975. – 44 с.

122. Всесоюзная школа по теоретической ядерной физике. Некоторые вопросы экспериментальных исследований в области физики высоких энергий (6-я сессия; 1975; Москва). Гамма-астрономия (тезисы): Конспекты лекций / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.М. Гальпер, Б.И. Лучков; Всесоюзная школа по теоретической ядерной физике (6-я сессия; 1975; Москва). – М.: МИФИ, 1975. – 44 с.

123. О переменности гамма-излучения рентгеновского источника Суг X-3 / Б.М. Владимирский, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в астрономический журнал. Астрономия и космическая астрофизика. – 1975. – Т. 1, № 3. – С. 25–29.

124. Экспериментальное исследование свободных мюонуклонных атомов / В.Г. Варламов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Ядерная физика. – 1975. – Т. 21, Вып. 1. – С. 120–132.

1976

125. 8-метровая стримерная камера / Н.З. Анисимова, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – М.: Атомиздат, 1976. – Вып. 4. – С. 5–11.

126. Direct muon production in proton-nuclear collisions at 70, 50 and 35 GeV / V.V. Abramov, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Physics Letters B.* – 1976. – Vol. 64, Iss. 3. – P. 365–368.

127. Longitudinal polarization measurements of direct muons produced in proton-nuclear collisions / N.Z. Anisimova, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Physics Letters B.* – 1976. – Vol. 65, Iss. 1. – P. 85–88.

128. Борог В.В. Исследование сечения ядерного взаимодействия мюонов в космических лучах / В.В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.А. Петрухин // *Известия Академии наук СССР. Серия физическая.* – 1976. – Т. 40, № 5. – С. 1041–1045.

129. Гальпер А.М. Дискретные источники космического гамма-излучения / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.И. Лучков // *Известия Крымской обсерватории.* – 1976. – Т. 54. – С. 328–335.

130. Исследование потоков электронов с энергией больше 30 МэВ в верхних слоях атмосферы / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Элементарные частицы и космические лучи.* – 1976. – Вып. 4. – С. 22–25.

131. Кириллов-Угрюмов В. Система аттестации научных кадров / В. Кириллов-Угрюмов // *Коммунист.* – 1976. – № 17. – С. 55–65.

132. Короткопериодические пульсации потока атмосферных гамма-квантов / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики.* – 1976. – Т. 24, № 7. – С. 426–430.

133. Периодическое гамма-излучение дискретного источника ЛЕБЕДЬ X-3 / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в астрономический журнал.* – 1976. – Т. 2, № 11. – С. 524–527.

134. Система для изучения свойств космического гамма-излучения с энергией более 1МэВ / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Известия Академии наук СССР. Серия физическая.* – 1976. – Т. 40, № 3. – С. 671–674.

135. Система искровых камер гамма-телескопа "ГАММА-1" / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Тезисы докладов / Научное космическое приборостроение.* Фрунзе, 31 мая – 5 июня 1976 г. – 1976. – С. 42–43.

136. Угловая зависимость интенсивности гамма-излучения с Е более 100 МэВ на больших высотах в атмосфере и на уровне моря / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Элементарные частицы и космические лучи.* – 1976. – Вып. 4. – С. 15–19.

1977

137. An accelerator evaluation of the performance of the Soviet-French wide-gap spark chamber for gamma-ray astronomy / V. Akimov, V.G. Kirillov-

Ugryumov [et al.] // Nuclear Instruments and Methods. – 1977. – Vol. 147. – P. 329–332.

138. The Flux of 30-600 MeV Electrons in the Stratosphere / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Proceedings / International Cosmic Rays Conference, 15, Plovdiv Bulgaria. – 1977. – Vol. 4. – P. 346–351.

139. The Soviet-French Experiment GAMMA-1 For High Energy Gamma-Ray Astronomy / A.R. Bazer-Bachi, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Recent Advances in Gamma-Ray Astronomy. Proceedings of 12th ESLAB Symposium Frascati Italy. – 1977. – P. 269–275.

140. Борог В.В. Неупругое взаимодействие мюонов с ядрами Железа при малых q^2 в области энергий выше 200 ГэВ / В. В. Борог, В.Г. Кириллов-Угрюмов, А. А. Петрухин // Ядерная физика. – 1977. – Т. 25, Вып. 1. – С. 85–93.

141. Гальпер А.М. Дискретные источники космического гамма-излучения / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б. И. Лучков // Успехи физических наук. – 1977. – Т. 121, Вып. 4. – С. 729–731.

142. Гальпер А.М. Картина неба в гамма-лучах / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б. И. Лучков // Природа. – 1977. – № 12. – С. 21–31.

143. Наблюдение короткопериодических пульсаций потоков электронов и гамма-квантов в верхних слоях атмосферы и их связь с периодическими осцилляциями солнечного диаметра / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1977. – Т. 41, № 9. – С. 1765–1771.

144. Наблюдение периодического гамма-излучения дискретного источника ЛЕБЕДЬ X-3 / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1977. – Т. 26, № 5. – С. 381–385.

1978

145. Longitudinal polarization of direct muons with $p = 1.9$ GeV/c produced in NN collisions / V. V. Abramov, V. V. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Physics Letters B. – 1978. – Vol. 78, Is. 4. – P. 515–518.

146. Гальпер А.М. Гамма-астрономия / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.И. Лучков // Космонавтика. Астрономия. – 1978. – № 5. – С. 5–69.

147. Гальпер А.М. О дискретных источниках высокоэнергичных гамма-квантов / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.И. Лучков // Материалы / Ленинградский семинар по космофизике, X. – 1978. – С. 283–293.

149. Кириллов-Угрюмов В.Г. Гамма-астрономия: окно в мир высоких энергий / В.Г. Кириллов-Угрюмов, А.М. Гальпер, Б.И. Лучков. – Москва:

Знание, 1978. – 64 с. – (Новое в жизни, науке и технике. Серия "Космонавтика, астрономия". 5).

150. Многослойная широкозаязорная искровая камера для гамма-телескопа / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1978. – Т. 42, № 5. – С. 1102–1105.

151. Наблюдение квазипериодических пульсаций электронно-фотонной компоненты космических лучей в стратосфере / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1978. – Т. 42, № 5. – С. 993–996.

152. Тенденции и перспективы развития гамма-телескопов / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Международный семинар социалистических стран "Научное и космическое приборостроение", 2. – 1978. – С. 8–9.

1979

153. Soviet-Indian Gamma-Ray Experiment Carried out by Balloon at the Geomagnetic Latitude 8 grad. N / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // (COSPAR) Scientific Ballooning Pergamon Press Oxford and New York. – 1979. – P. 211–213.

154. Suprathermal proton bremsstrahlung contribution to X-radiation of gamma sources / F.A. Aharonian, V.G. Kirillov-Ugryumov [и др.] // Proceedings of 16th International cosmic ray conference (ICRC 1979). – 1979. – Vol. 1. – P. 173–178.

155. Измерение интенсивности атмосферных энергичных электронов на самолетных высотах / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Краткие сообщения по физике. – 1979. – № 7. – С. 11–14.

156. Измерение интенсивности жесткого атмосферного гамма-излучения на самолетных высотах / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Краткие сообщения по физике. – 1979. – № 7. – С. 7–10.

157. Кириллов-Угрюмов В.Г. Проблемы системы аттестации научных кадров / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Б.С. Розов // Управление НИОКР: исследования, разработки, внедрение: монография/ ред. В.А. Трапезников. – Москва: Экономика, 1979. – Гл. I.3. – С. 25–34.

158. Наблюдение мюноклонного атома хлора / В.А. Баширов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1979. – Т. 29, Вып. 5. – С. 302–305.

159. Пятиминутные пульсации интенсивности жесткого гамма-излучения в атмосфере / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1979. – Т. 30, № 9. – С. 631–633.

160. Управление НИОКР: исследования, разработки, внедрение / Б.Е. Патон, Ф.М. Рудич, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]; Под ред. В.А. Трапезникова. – Б.м.: Экономика, 1979. – 221 с.

1980

161. Search for quasi-periodic fluctuations of hard gamma radiation at geomagnetic latitude 7.6 degree / A.M. Gal'per, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Soviet Physics – Lebedev Institute Reports. – 1980. – Vol. 6. – P. 18–22.

162. К вопросу об интерпретации квазипериодических вариаций интенсивности жесткого атмосферного гамма-излучения / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики. – 1980. – Т. 31, № 11. – С. 693–696.

163. Кириллов-Угрюмов В.Г. Перспективы наблюдательной гамма-астрономии / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Р.З. Сагдеев // Успехи физических наук. – 1980. – Т. 132, Вып. 4. – С. 704–706.

164. Малогабаритный гамма-телескоп "ЕЛЕНА-Ф" / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – 1980. – Вып. 5. – С. 31–36.

165. Наблюдение квазипериодических флуктуаций интенсивности атмосферного гамма-излучения с энергией выше 40 МэВ / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – 1980. – Вып. 5. – С. 159–166.

166. Прибор для регистрации космического гамма-излучения с энергией выше 5 МэВ / А.С. Гляненько, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космические лучи. – М.: Атомиздат, 1980. – Вып. 5. – С. 16–31.

1981

167. Soviet-Indian research of cosmic radiation by high altitude balloons / Советско-индийские исследования космического излучения на высотных аэростатах / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov, Yu.D. Kotov [et al.] // Advances in Space Research. – 1981. – V. 1, Is. 11. – P. 101–106.

168. Возможные принципы построения гамма-телескопа и логики выделения регистрируемых частиц / В.В. Акимов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Научное космическое приборостроение. – 1981. – С. 20–26.

169. Гальпер А.М. Штрихи невидимой Вселенной / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов // Наука и жизнь. – 1981. – № 8. – С. 2–11.

170. Измерение потоков альбедных гамма-квантов с энергией 30 – 400 МэВ в ближайшем космическом пространстве / В. В. Дмитренко, В.Г. Ки-

риллов-Угрюмов [и др.] // Космические исследования. – 1981. – Т. 19, № 2. – С. 312–314.

171. Исследование потоков электронов и гамма-квантов в ближайшем космическом пространстве / А. М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1981. – Т. 45, № 4. – С. 637–641.

172. Кириллов-Угрюмов В.Г. Гамма-астрономия высоких энергий / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Вестник академии наук СССР. – 1981. – № 9. – С. 12–19.

173. Многослойная широкозаязорная искровая камера-конвертор для регистрации космического гамма-излучения / А.С. Белоусов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Научное космическое приборостроение. – 1981. – С. 27–31.

174. Регистрация повышенных потоков высокоэнергичных электронов в области Бразильской магнитной аномалии / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические исследования. – 1981. – Т. 19, № 4. – С. 645–647.

1982

175. Измерение потоков электронов высоких энергий в околоземном космическом пространстве / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Элементарные частицы и космическое излучение. – 1982. – С. 26–37.

176. Исследование потоков электронов и гамма-квантов с энергией больше 30 МэВ на высоте 300–350 км / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1982. – Т. 46, № 9. – С. 1675–1676.

177. Исследование электронно-фотонной компоненты космических лучей с энергией более 30 МэВ на борту орбитального комплекса САЛЮТ-6 – СОЮЗ – ПРОГРЕСС / А. М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // АН СССР Труды 6 Научных чтений по космонавтике. Секция КС. – 1982. – С. 65–85.

178. Кириллов-Угрюмов В. Советская система аттестации кадров на современном этапе / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Коммунист. – 1982. – № 10. – С. 59–69.

1983

179. Aharonian F.A. Development of high-energy electromagnetic cascade initiated by relativistic electrons and gamma-rays in hot photon: препринт ЕрФи 676(66)-83 / F.A. Aharonian, V.G. Kirillov-Ugryumov, V.V. Vardanian. – Б.м.: Ереванский физический институт, 1983. – 34 с.

180. The observation of the galactic anticenter region by the balloon borne gamma-ray telescope Natalya-I / Iyudin A.F., Kirillov-Ugryumov V.G., Kotov Yu.D. // *Advances in Space Research*. – 1983. – V. 3, Is. 4. – P. 53–56.

181. Агаронян Ф.А. Позитроны в составе космических лучей и связанное с ними галактическое гамма-излучение / Агаронян Ф.А., Кириллов-Угрюмов В.Г., Котов Ю.Д. // *Астрофизика*. – 1983. – Т. 19, Вып. 1. – С. 139–152.

182. Измерение электронов высоких энергий в радиационном поясе Земли на ИСЗ "БОЛГАРИЯ-1300" / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Космические исследования*. – 1983. – Т. 21, № 4. – С. 651–652.

183. Исследование кинетики химических реакций в газовой фазе с помощью мюонных атомов / Ю.П. Добрецов, Б.А. Долгошеин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Мезоядерная физика: Сборник статей*. – М.: Энергоатомиздат, 1983. – С. 74–86.

184. Исследование потоков высокоэнергичных электронов на спутнике "ИНТЕРКОСМОС-БОЛГАРИЯ-1300" / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Космические исследования*. – 1983. – Т. 21, Вып. 5. – С. 707–710.

185. Наблюдение астрофизических объектов гамма-телескопом на границе атмосферы: препринт ФИАН № 207 / С.В. Дамле, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Б.м., 1983. – 18 с.

186. Новая компонента внутреннего радиационного пояса Земли – электроны высоких энергий / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики*. – 1983. – Т. 38, Вып. 8. – С. 409–411.

187. Перспективы развития гамма-телескопов на космических аппаратах / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Итоги науки и техники. Серия Астрономия*. – 1983. – Т. 22. – С. 261–283.

188. Пространственные распределения высокоэнергичных электронов под радиационными поясами Земли: препринт 297 / С.А. Аверин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Москва: ФИАН: МИФИ, 1983. – Разд. паг.

189. Электроны с энергией больше 40 МэВ в радиационном поясе Земли / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Геомагнетизм и аэрономия*. – 1983. – № 5. – С. 849–850.

1984

190. Behavior of fluxes of high-energy particles at midlatitudes during magnetic disturbances / A.F. Iyudin, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // *Akademiia Nauk SSSR Izvestiia Serii Fizicheskaja*. – 1984. – Vol. 48. – P. 2192–2195.

191. Diffuse component of gamma-radiation with E 5 MeV measured by high altitude balloon / Iyudin A.F., Kirillov-Ugryumov V.G. [и др.] // Письма в астрономический журнал. – 1984. – Т. 10, № 1. – С. 27–34.

192. Dobretsov Yu.P. Munucleon Atoms / Yu.P. Dobretsov, B.A. Dolgoshein, V.G. Kirillov-Ugryumov // Hyperfine Interactions. – 1984. – Vol. 19, Is. 1–4. – P. 845–856.

193. Intensity variations of secondary cosmic rays observed during August 10–11, 1981 / A.F. Iyudin, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Геомагнетизм и аэронавигация. – 1984. – Т. 24, № 5. – С. 719–722.

194. Prospects for Developing Satellite-Borne Gamma-Ray Telescopes / A.M. Gal'per, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Soviet Science Review E: Asrtrophysics Space Physics. – 1984. – Vol. 3. – P. 301–328.

195. The observations of Crab nebula gamma-radiation in the 5–100 MeV energy range / Iyudin A.F., Kirillov-Ugryumov V.G. [и др.] // Письма в астрономический журнал. – 1984. – Т. 10, № 2. – С. 104–110.

196. Агаронян Ф.А. Релятивистские электронно-фотонные ливни в ядрах активных галактик и квазаров / Агаронян Ф.А., Варданян В.В., Кириллов-Угрюмов В.Г. // Астрофизика. – 1984. – Т. 20, Вып. 2. – С. 223–237.

197. Долготные и питч-угловые распределения потоков высокоэнергичных электронов под радиационными поясами Земли / С.А. Аверин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэронавигация. – 1984. – № 3. – С. 494–495.

198. Долготные изменения потоков квазизахваченных и альбедных электронов с E больше 60 МэВ / С.А. Аверин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэронавигация. – 1984. – № 3. – С. 495–496.

199. Кириллов-Угрюмов В.Г. О дальнейшем улучшении идеологической, общетеоретической и специальной подготовки аспирантов и соискателей научных степеней / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Социологические исследования. – 1984. – № 4. – С. 72–77.

200. Наблюдение гамма-телескопом "Наталия-I" дискретных источников в районе антицентра Галактики / В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1984. – Т. 48, № 11. – С. 2074–2077.

201. О фоне жесткого гамма-излучения от кодирующего коллиматора гамма-телескопа в условиях космического эксперимента / А. П. Александров, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические исследования. – 1984. – Т. 22. – С. 950–951.

202. Электроны высоких энергий в радиационном поясе Земли / А.М. Гальпер, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1984. – Т. 48, № 11. – С. 2188–2191.

1985

203. Aharonian F.A. Formation of relativistic electron-photon showers in compact X-Ray sources / F.A. Aharonian, V.G. Kirillov-Ugryumov // *Astrophysics and Space Science*. – 1985. – V. 115. – P. 201–225.

204. Gamma-radiation with E gamma 5 MeV detected from Seyfert galaxy 3C120 and region with $l = 190$ deg and $b = 20$ deg / Damle, S.V., Kirillov-Ugryumov, V.G. [et al.] // *Proceedings / 19th Intern. Cosmic Ray Conf.* – 1985. – V. 1, 85N33981

205. Lifetimes of high-energy electrons, taking into account scattering in the atmosphere in the dipole magnetic field / A.F. Iyudin, V.G. Kirillov-Ugryumov, Yu. D. Kotov [et al.] // *Геомагнетизм и аэронавтика*. – 1985. – Т. 25. – С. 561–565.

206. Высыпание энергичных протонов на средних широтах, связанное с импульсным возмущением магнитосферы / А.Ф. Иудин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики*. – 1985. – Т. 41, Вып. 4. – С. 140–143.

207. Исследования гамма-излучения и квазипериодических пульсаций заряженных частиц, проведенные с помощью гамма-телескопа низких энергий «Наталия-1» / А.С. Гляненко, А.Ф. Иудин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Труды ФИАН*. – 1985. – Т. 162. – С. 6–39.

208. Эксперимент "Мария" по исследованию электронно-позитронной компоненты космических лучей на борту орбитального комплекса "Салют-7" – "Союз-13" – "Космос-1669": препринт 035-85 / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Москва: МИФИ, 1985. – 10 с.

1986

209. Kirillov-Ugryumov V.G. Discovery of High-Energy electrons in the Radiation belt by Devices with Gas Cherenkov Counters / V.G. Kirillov-Ugryumov, A.M. Galper, V.V. Dmitrenko // *Nuclear instruments & Methods in Physics Research Section A-accelerators spectrometers Detectors and associated Equipment*. – 1986. – Vol. 248, Is. 1. – P. 238–24.

210. Высокоэнергичные электроны и позитроны в радиационном поясе Земли: препринт 040-86 / С.А. Воронов, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.]. – Москва: МИФИ, 1986. – 10 с.

211. Зарядовый состав потока высокоэнергичных электронов и позитронов радиационного пояса Земли / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // *Письма в журнал экспериментальной и теоретической физики*. – 1986. – Т. 43, № 5. – С. 240–241.

212. Магнитный спектрометр для исследования зарядового состава в потоках электронов и позитронов космического излучения / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космофизические исследования. – 1986. – С. 65–73.

213. Магнитный сцинтилляционный спектрометр электронов / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Приборы и техника эксперимента. – 1986. – № 2. – С. 35–38.

214. Предельные свойства инклюзивных спектров частиц в реакциях поглощения пионов ядрами: препринт 021-86 / М.Г. Горнов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Б.м.: МИФИ, 1986. – 15 с.

215. Прохождение через атмосферу протонов, выпадающих из радиационного пояса / А.Ф. Июдин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэрномия. – 1986. – Т. 26, № 2. – С. 214–217.

216. Регистрация электронов и позитронов высокой энергии в районе Бразильской аномалии (Эксперимент "МАРИЯ") / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космические исследования. – 1986. – Т. 24, № 4. – С. 652–654.

217. Светосильный гамма-телескоп "ГАММА-1" / В.В. Акимов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космофизические исследования. Сборник научных трудов. – 1986. – С. 3–10.

218. Эксперимент МАРИЯ по исследованию электронно-позитронной компоненты космических лучей на борту орбитального комплекса САЛЮТ-7 – СОЮЗ-13 – КОСМОС 1669 / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия вузов. Серия Физика. – 1986. – № 9. – С. 19–24.

219. Электроны высоких энергий в радиационном поясе Земли / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия вузов МВ и ССО СССР Физика. – 1986. – № 9. – С. 38–43.

220. Энергетические спектры выпадающих из радиационного пояса протонов с энергиями больше 150 МэВ в зависимости от высоты над уровнем моря / А.Ф. Июдин, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэрномия. – 1986. – Т. 26, № 2. – С. 316–318.

1987

221. Registration of Sporadic Increase of High Energy Particle Flux near the Brazilian Anomaly Region / A.M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Proceedings / International Cosmic Rays Conference Papers, 20. – 1987. – Vol. 4. – P. 451–452.

222. Relation Between Intensities of High Energy Electrons and Positrons Trapped By Geomagnetic Field / A. M. Galper, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] //

Proceedings / International Cosmic Rays Conference Papers, 20. – 1987. – Vol. 4. – P. 449–450.

223. The Main Parameters of Gamma-Ray Telescope GAMMA-1 / V.V. Akimov, V.G. Kirillov-Ugryumov [et al.] // Proceedings / International Cosmic Rays Conference Papers, 20. – 1987. – Vol. 2. – P. 320–323.

224. Высокоэнергичные электроны и позитроны в радиационном поясе Земли / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Геомагнетизм и аэронавигация. – 1987. – № 3. – С. 492–494.

225. Исследование зарядового состава высокоэнергичных электронов и позитронов в ближайшем космическом пространстве / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1987. – Т. 51, № 10. – С. 1828–1829.

226. Эксперимент по изучению электрон-позитронных потоков в окрестности Земли / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Космофизика. – 1987. – С. 3–10.

1988

227. Исследование потоков заряженных частиц в диапазоне импульсов 20–200 МэВ/с на орбитальной научной станции "Мир": препринт 045-88 / А.П. Александров, Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.]. – Москва: МИФИ, 1988. – 7 с.

228. Регистрация возрастания потоков высокоэнергичных частиц в районе Бразильской геомагнитной аномалии (10 сентября 1985 г.): препринт 006-88 / Воронов С.А., Кириллов-Угрюмов В.Г. [и др.]. – Б.м.: МИФИ, 1988. – 7 с.

229. Эксперимент по исследованию потоков заряженных частиц высоких энергий на орбитальном научном комплексе "Мир" (эксперимент "Мария-2"): препринт 035-88 / А.П. Александров, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Москва: МИФИ, 1988. – 12 с.

1989

230. Измерение остаточной поляризации отрицательных мюонов в газообразном дейтерии при давлении 10 АТМ: препринт ОИЯИ Р1-89-156 / Г.Ф. Бинько, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – Дубна: ОИЯИ, 1989. – 8 с.

1990-е

231. Памяти Никитина Юрия Петровича / А.В. Берков, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Успехи физических наук. – 1990. – Т. 160, Вып. 4. – С. 91–93.

232. Наблюдение пульсара PSR 0833-45 телескопом "ГАММА-1" / В.В. Акимов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в астрономический журнал. – 1991. – Т. 17, № 6. – С. 501–504.

233. Кириллов-Угрюмов В.Г. Размышления мифиста / В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1992. – 31 с. – (Альма-Матер-50).

234. Особенности фазовой кривой светимости гамма-пульсара PSR 0833-45 по данным наблюдений телескопа "ГАММА-1" / В.В. Акимов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Письма в астрономический журнал. – 1992. – Т. 18, № 4. – С. 315–321.

235. Исследование и поиск гамма-пульсаров на обсерватории "ГАММА-1" / С.А. Воронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Известия Академии наук СССР. Серия физическая. – 1993. – Т. 57, № 4. – С. 152–157.

236. Стационарный пояс электронов высоких энергий в магнитосфере Земли: зарядовый состав и энергетические спектры / С.А. Воронов В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Сборник "Ядерная физика, физика космических излучений, астрономия". – 1994. – С. 23–30.

237. Кириллов-Угрюмов В.Г. Рывок в развитии российской школы / В.Г. Кириллов-Угрюмов // Физическое образование в вузах. – 1996. – Т. 2, № 4. – С. 6–9.

2000-е

238. Кириллов-Угрюмов В.Г. О мезокристаллическом гибридном реакторе (МКГР) / Кириллов-Угрюмов В.Г. // Инженерная физика. – 2000. – № 1. – С. 2–4.

239. Памяти Игоря Владимировича Савельева / Н. Г. Басов, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.] // Успехи физических наук. – 2000. – Т. 170, Вып. 2. – С. 205–206.

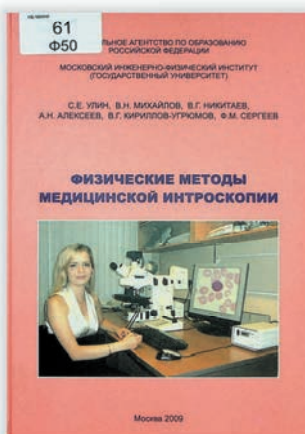
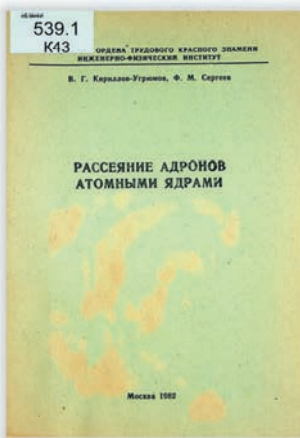
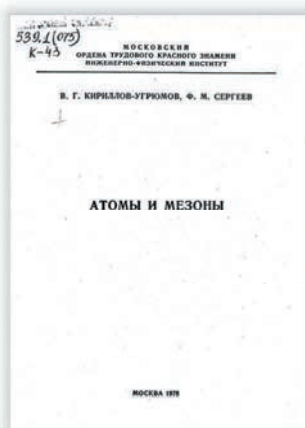
240. Крючков Э.Ф., Лейпунский А.И. и ядерное образование / Э.Ф. Крючков, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Л.Н. Юрова // Известия высших учебных заведений. Ядерная энергетика. – 2003. – № 4. – С. 36–41.

241. Дорога длиною 60 лет: кафедра микро- и космофизики / Ф.М. Сергеев В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]. – М.: МИФИ, 2005. – 168 с.

242. Мы помним ваши имена: книга Памяти сотрудников МИФИ – участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / ред. В.Г. Кириллов-Угрюмов; сост. Т. А. Озолина. – Москва: МИФИ, 2005. – 128 с.

Учебные пособия В.Г. Кириллова-Угрюмова

- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Атомы и мезоны / В.Г. Кириллов-
К43 Угрюмов, Ф.М. Сергеев. – М.: МИФИ. Ч. 1: Упругое рассеяние
пионов на ядрах, пи-мезоатомы. Элементы теории. – 1978. –
74 с.
- 539.1 Взаимодействие заряженных частиц с твердыми телами:
В40 Учебное пособие / Ю.П. Добрецов, В.Г. Кириллов-Угрюмов,
Л.А. Максимов, А.И. Рязанов; ред. М.И. Рязанов. – М.: МИФИ,
1979. – 73 с.
- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Атомы и мезоны / В.Г. Кириллов-
К43 Угрюмов, Ю.П. Никитин, Ф.М. Сергеев. – М.: Атомиздат, 1980. –
216 с.
- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Рассеяние адронов атомными яд-
К43 рами: Учебное пособие / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сер-
геев. – М.: МИФИ, 1982. – 70 с.
- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Элементарные частицы в физике
К43 ядра: Учебное пособие / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сергеев. –
М.: МИФИ, 1984. – 68 с.
- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Ядерные методы исследования
К43 вещества: Учебное пособие / В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сер-
геев. – М.: МИФИ, 1988. – 62 с.
- 539.1 Кириллов-Угрюмов В.Г. Основы мюонного метода исследо-
К43 вания вещества и ядерного Мю-катализа: Учебное пособие /
В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сергеев. – М.: МИФИ, 1993. – 131 с.
- 61 Физические методы медицинской интроскопии: Учебное
Ф50 пособие для вузов / С.Е. Улин, В.Н. Михайлов, В.Г. Никитаев,
А.Н. Алексеев, В.Г. Кириллов-Угрюмов, Ф.М. Сергеев. – Москва:
МИФИ, 2009. – 306 с.

**Перечень диссертаций, подготовленных
под руководством В.Г. Кириллова-Угрюмова
(по данным библиотечного фонда НИЯУ МИФИ)**

1. Агаронян Ф.А. Исследование роли процесса тормозного излучения протонов в образовании космического рентгеновского и гамма излучения: Дисс... канд. физ.-мат. наук (01.04.16-Физика атомного ядра и элементарных частиц) / Ф.А. Агаронян; Науч. рук. В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1979. – 129 с.

2. Борог В.В. Исследование ядерного взаимодействия космических ионов в железе при энергиях 1011-1012 ЭВ: Дисс... канд. физ.-мат. наук / В.В. Борог; рук. работы: В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1972. – 104 с.

3. Варданян В.В. Формирование электронно-фотонных ливней в среде с плотным фотонным полем: дисс... канд. физ.-мат. наук: (01.04.16 – физика атомного ядра и элементарных частиц) / В.В. Варданян; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г., Агаронян Ф.А. – М.: МИФИ, 1985. – 161 с.

4. Варламов В.Г. Исследование образования мюонных атомов: Дисс... канд. физ.-мат. наук / В.Г. Варламов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г., Долгошеин Б.А. – М.: МИФИ, 1974. – 116 с.

5. Гальпер А.М. Исследование нелептонных распадов долгоживущего нейтрального K -мезона: Дисс... канд. физ.-мат. наук / А.М. Гальпер; Науч. рук. В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1964. – 84 с.

6. Гомозов В.А. Поиск тяжелых нерелятивистских однозарядных частиц в космическом излучении: Дисс... канд. физ.-мат. наук / В.А. Гомозов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1973. – 90 с.

7. Горнов М.Г. Исследование реакции $P-A-2P+P-tPoA^*$ и $P-A-P-A^*$ на легких ядрах при начальном импульсе 4ГэВ/с: Дисс... канд. физ.-мат. наук / М.Г. Горнов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1976. – 101 с.

8. Грачев В.М. Исследование гамма-квантов и электронов на орбитальном комплексе «Салют-6» – «Союз» – «Прогресс»: дисс... канд. физ.-мат. наук: (01.04.01-экспериментальная физика) / В.М. Грачев; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1980. – 123 с.

9. Грашин Ю.М. Методика некоторых экспериментов с мезонными пучками синхроциклотрона ОИЯИ: Дисс... канд. техн. наук / Ю.М. Грашин; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1965. – 107 с.

10. Павлов А.А. Исследование процессов генерации космических мюонов в области энергий 10–12 эв: Дисс... канд. физ.-мат. наук /

А.А. Павлов; рук. работы В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1973. – 111 с.

11. Поносов А.К. Рождение странных частиц на ядрах пи-мезонов с импульсом 3,9 ГЭВ/с: Дисс... канд. физ.-мат. наук / А.К. Поносов; рук. работы В.Г. Кириллов-Угрюмов. – М.: МИФИ, 1970. – 128 с.

12. Потапов Л.И. Интенсивность и спектр вторичных электронов космических лучей на высотах до 35 км над уровнем моря: Дисс... канд. физ.-мат. наук / Л.И. Потапов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1975. – 144 с.

13. Протасов В.П. Генерация триплета $2\pi\text{-}\pi^+$ на легких ядрах и квазисвободных нейтронах π -мезонами с импульсом 4 ГЭВ/с: Дисс... канд. физ.-мат. наук / В.П. Протасов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1973. – 169 с.

14. Самойлов А.В. Экспериментальное исследование вероятностей захвата отрицательных мюонов атомами и ядрами: Дисс... канд. физ.-мат. наук / А.В. Самойлов; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1964. – 96 с.

15. Сергеев Ф.М. Взаимодействие медленных π -мезонов с ядрами углерода: Дисс... канд. физ.-мат. наук / Ф.М. Сергеев; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1963. – 115 с.

16. Шуршаков В.А. Динамика потоков заряженных частиц высоких энергий во внутреннем радиационном поясе Земли: дисс... канд. физ.-мат. наук: (01.04.16 – физика атомного ядра и элементарных частиц) / В.А. Шуршаков; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. Июдин А.Ф. – М.: МИФИ, 1986. – 151 с.

17. Юров В.Н. Создание гамма-телескопа средних энергий с проводочными искровыми камерами и проведение исследований первичного космического гамма-излучения: дисс... канд. физ.-мат. наук: (01.04.16 – физика атомного ядра и элементарных частиц) / В.Н. Юров; Науч. рук. Кириллов-Угрюмов В.Г. – М.: МИФИ, 1988. – 192 с.

Инженер — Физик

газета московского инженерно-физического института
(государственного университета)

МИФИ

Издается
с 1960 года
№ 8-9 (1345-1346)
Апрель-май 2004 г.
Бесплатно

• ЛУЧШИЕ ЛЮДИ МИФИ

В.Г. Кириллов-Угрюмов: «МНЕ ВЫПАЛ ЖРЕБИЙ — ЖИТЬ!»

МИФИ богат на людей талантливых, неординарных. На личностей. И все же не ошибемся, если назовем этого человека легендарным. Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов. Недавно в МИФИ праздновали его 80-летие, которое превратилось в общеститутский праздник. И торжественные поздравления в актовом зале, и специальный концерт нашего хора в честь юбиляра — все проходило на таком душевном подъеме, что ясно было: всей своей жизнью этот человек заслужил огромное уважение людей.

В нашей редакции состоялась беседа В.Г. Кириллова-Угрюмова со студентами и сотрудниками «И-Ф». Предлагаем вашему вниманию ее фрагменты.

(Продолжение на стр. 4)

На снимке:
Виктор Григорьевич со
студентами.

Фото С. Власова.

В.Г. Кириллов-Угрюмов:

«МНЕ ВЫПАЛ ЖРЕБИЙ — ЖИТЬ!»

(Описание. Начало на стр. 1)

— Виктор Григорьевич, у Вас дружная семья, верные друзья, огромный авторитет в научной и образовательной среде, но богатства нет. Не жалуете, что вот так, «налегке»?

— Нет. Слава Богу, возвращаясь к вопросу о жене, что она разделяет мою позицию и не пилит за то, что ничего не нажил (смеется).

Приглашали как-то Виктора Григорьевича на комиссию по поводу выделения машины ему, как инвалиду войны. Сравнивали: «Вы три километра сможете пройти? Он говорит: «Смогу». Ну и отправили его. Одна член комиссии потом говорила ему: «...Вы бы хоть приоткрылись, что Вам ходить тяжело». И этим сильно его рассердило.

Кто общался с Виктором Григорьевичем заметил, что есть у него любимая фраза: «Честно говоря». В этих словах — весь его талант необыкновенной и такой простой человек.

— Виктор Григорьевич, а как Вы со своей женой, Эльмой Яковлевной, познакомились?

— Проще простого. В ФИАНе, когда готовил диплом, сидел и дни, и ночи. И вот приходит какая-то девушка и требует от нас заметку в стенографу. Ну и что-то там накарбала, отнес. Газета вышла, а заметки нет. Я сразу тельнику, пошел выяснять... Она стала что-то лепетать, мол в другом номере и т.д. Мы мощно поругались. Кошачье оказалось моей будущей женой. Она работала в ФИАНе и была редактором стенограмм. Ну, стали встречаться, любовь и все такое. Поженились и вот все жилось друг друга поддерживаем.

— Виктор Григорьевич, мы заметили, что Вы — очень галантный человек. К женщинам с большим уважением относитесь.

— Что есть, то есть. Я думаю, корни этого уходят в детство. Меня воспитывали женщины: маме помогали ее сестра и бабушка. Бабушка была настоящим правдивым человеком. Для меня это образцы большой душевной теплоты, трудолюбия, огромного терпения. Ей было 80 лет, а она держала корону и другую ювелирку... хотя жила одна... только потому, что к ней в Малоярославцы всех иную отправляли. И

всех она ласково принимала, обогревала, кормила. До сих пор поражаюсь, как она с нами управлялась. Отсюда у меня уважение к женщинам.

А когда в институте учился, там большинство было девушек, ведь война, и очень они себя хорошо проявляли и в учебе, и в общественной работе. Потом, после войны, их уже на основные факультеты не брали. И когда я стал ректором, ходил по институтам, доказывал без девочек на МИФИ нельзя, бурют парни. И угрозил, что разрешил принимать их на расчете две-три в группу. Ну а сегодня, я смотрю, сколько умных, красивых девушек в МИФИ...

— Вы учились в тяжелое военное время — голодное, холодное. Представьте себя сегодняшним студентом. Как Вы думаете, легче Вам сейчас было бы, чем тогда?

— Думаю, тяжелее. Конечно, то, что мы имели в те годы — бесплатное образование, бесплатное лечение, повышенная стипендия, гарантированная работа по специальности — все это давало возможность профессионально расти, быть полезным обществу. Очень много было сделано для России ее патриотами.

Вот когда Совет ветеранов поднял вопрос о строительстве часовни на территории МИФИ, на меня напали некоторые: «А почему не мечеть, не синагога?». Такое впечатление, что люди не понимают, что такое Россия. Так вот, Сталин, во время приема по случаю окончания войны, поднял тост: «За великий русский народ!» Хотя он полчеркнул, что участвовали все народы.

— Виктор Григорьевич, мы знаем, что буквально с первых дней войны огромное количество добровольцев шло на фронт. И почти все они погибли. Можно сказать, что был «выбят» цвет мужичи России?

— Да, погибли лучшие. Настоящие мужчины встали на фронт, на передовую и, к великому сожалению, большинство из них погибли. Война «выбила» и лучших коммунистов.

— Вы верите в нашу молодежь? Что она будет бороться за Россию? Некоторые считают, что за последние 10-12 лет наши СМИ выискивают столько негатива, порожи и т.д., что молодым людям вообще бывает ориентироваться. (Студент: «Понимаете, порожух... Если человек мыслитель, никакое теле-

видение не сделает из него дурака.»)

— Вот почему и считаю, что нужно бороться за правослабие. Это наши корни, это наша нравственность, это патриотизм. В мою бытность ректором строили комплекс «Студгородок»: жилые дома, общагиты, столовую и т.д. Так сейчас, когда все стали распродавать, пропали одно из помещенных мормонов.

— Мы знаем. Студентов, говорят, туда приглашают в модельный дом. И есть железные, ходят. Да и другие секты наусуется около МИФИ.

— Возмону воза. Но все-таки надо заучиваться сначала над своими корнями, над историей своей страны. Такого протеста против безнравственности как в православии, я не наблюдал нигде.

— Виктор Григорьевич, что бы Вы назвали сегодняшней молодежью?

— То, что говорил адмирал Ушаков: «Не отчаивайтесь! Сини грозные бури отбьются к славе России!» Не отчаивайтесь к злобой ситуации.

С. Сергеева.

ИНЖЕНЕР-ФИЗИК

Сентябрь-октябрь 2006 г., № 10-12(1384-1386)

• СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

На Кубе принято годам давать имена. Так, год 1962 был назван «Голом сельского хозяйства», а год 1969 — «Че Гевара». Именно в этот год состоялся Конгресс культуры в Гаване.

На Конгрессе обсуждалась роль интеллигенции в строительстве социализма. Эта тема, по мнению организаторов, была актуальна для стран Латинской Америки, Азии и Африки. Естественно, что делегатов Конгресса особенно интересовал опыт Советского Союза, других стран, где социализм являлся нормой жизни. Соответственно с целью Конгресса формировался и состав его участников. Многочисленными были делегации Латинской Америки, члены которых — видные представители мировой культуры. Так, делегатом от Мексики был гениальный монументалист Давид Сикейрос. Из Советского Союза приехали автор книги «Шт и меч» Вадим Кожеников, выдающийся полководец и дипломат Иосиф Григулевич, известный кинодокументалист Роман Кармен, участник боев с фашистами в Испании в 1937-39 годах, и другие.

Встречали участников Конгресса культуры в Гаване неэкзотично радушно. Каждый делегат послал кофейное деревце, побывал на новогоднем карнавале, совершил поездку на остров Пинос. Даже встречу Нового года для москвичей кубинцы устроили в водах теплого океана. Иностранцев делегатов опекала президент Академии наук Кубы, один из ближайших соратников Кастро, Антонио Нунес Хименес.

Чтобы было легче перенести тропическую жару, делегаты получили бесконечные куртки и тростниковые шляпы. Праздник открылся речью команданте Фиделя, а закончился демонстрацией трудящихся. В своей речи Фидель остановился на решении текущих проблем. После победы революции на Кубе империалисты, и прежде всего США, объявляли экономическую блокаду

«ПОМНЮ ПОЕЗДКУ НА КУБУ»

В связи с 80-летием легендарного Фиделя Кастро, кубинская тема снова вызывает интерес. Профессор МИФИ В.Г. Кириллов-Угрюмов делится своими воспоминаниями о поездке в эту страну.

Делегаты Конгресса 1969 года. (В центре — Давид Сикейрос, крайний справа — В.Г. Кириллов-Угрюмов).

острова Свободы. Они запретили покупать у Кубы сахар, главный продукт экспорта, перестали поставлять запчасти к машинам, разное купленное у них, решили лишить Кубу горячего. И первым, кто протянул руку помощи Кубе, был Советский Союз. Заместитель председателя Совета министров А.И. Микоян подписал договор о закупке сахара по мировым ценам с оплатой в твердой валюте, так и другими товарами, в том числе нефтью. Неисправители усмотрели в договоре побужки Кубе со стороны СССР. По этому поводу в своей речи Фидель сказал, что в данном случае речь идет не о какой-то экономической сделке, а о неосвоенной помощи, прежде всего политической, старшего брата младшему. Слова Фиделя громом оваций поддержали участники митинга на площади Революции.

Во главе одной из колон демонстрантов шел священник. Привет-

ствия его, Фидель назвал священника коммунистом и пояснил, что настоящий коммунист не тот, кто борется на деле за воплощение идеалов коммунизма в жизнь. Священник не побоялся встать с оружием в руках на защиту крестьян, батрачавших у помещика.

Фидель Кастро выступил и на Конгрессе культуры. Он заклеймил империализм США как главную угрозу мировой культуре, призвал деятелей науки, образования, искусства бороться за то, чтобы блага цивилизации доставались не кулакам долларовых магнатов, а простым людям на Земле.

В год восьмидесятлетия Фиделя Кастро опубликовано много воспоминаний, добрых пожеланий в его адрес, в адрес кубинской революцию. В нашей стране содействительную подборку воспоминаний и пожеланий опубликовала газета «Советская Россия». Удачную характе-

ристику юбилею дал американский кинорежиссер Оливер Стоун: «Фидель Кастро — один из наиболее разумных людей на Земле, с кем нам следует советоваться».

В книге серии ЖЗЛ «Эрнесто Че Гевара» делегат Конгресса в Гаване Григулевич привел слова единственного и друга Фиделя Че Гевары, обращенные к своим детям: «Будьте способны чувствовать любую несправедливость. Это самая прекрасная черта революционера».

Справедливость — это главное, что объединяет народ Кубы вокруг коммунистической партии Кубы во главе с Фиделем Кастро. «Родина или смерть! Мы победили!» — начертано на знаменах кубинской революции.

Делегат Конгресса культуры в Гаване в 1969 г. В.Г. Кириллов-Угрюмов.

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ!»

Памяти замечательного человека, верного мифиста.

Инженер — Физик

газета московского инженерно-физического института (государственного университета)

МФИ

Издается
с 1960 года
№ 17(1409)
7 декабря 2007 г.
Бесплатно

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ

(18 марта 1924г. — 6 ноября 2007г.)

ПЕРВЫЙ РЕКТОР И ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО МФИ

Перед нами фотографии Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова. Мы внимательно всматриваемся в так хорошо знакомое всем мифистам лицо дорогого нам человека — Виктора Григорьевича, и мысленно листаем страницы его яркой биографии.

Выпускник Военно-морской специальной школы. Участник Великой Отечественной войны. Защитник Москвы. Мифист первого поколения мифистов. Талантливый ученый, организатор. Первый ректор МФИ (до него были директоры). Первый председатель Совета ректоров Москвы. Председатель ВАК при СМ СССР. Профессор-консультант кафедр 7. Председатель Совета ветеранов МФИ.

И где бы он ни работал, какое бы должности ни занимал, он отдавался делу со свойственной ему тщательностью, самолюбием, с высочайшей ответственностью.

Года, когда Виктор Григорьевич возглавил МФИ, фактически определили облик современного университета. В этот период проходило становление Московского инженерно-физического института. По инициативе Виктора Григорьевича и при его непосредственном участии были начаты и завершены работы по созданию учебно-научного комплекса на Каширском шоссе, **атомного центра** с последовательными **кабинетными** ректорами. Построены объекты социальной сферы: студенческие общежития, жилые дома для сотрудников МФИ, лесной сад, полигонная, профсоюзный, спортивный лагерь на берегу Валу. Для студентов были созданы условия для занятий спортом, развития художественной самостоятельности. Культурная жизнь была многообразной и яркой. Были созданы Мухомов и МФИ. Кубкомачетский павильон, открыл Молодежный университет культуры как центризмально-эстетического воспитания. Именно в этот период МФИ сформировался как один из ведущих вузов страны, получил международную известность и признание.

Всей своей жизнью Виктор Григорьевич заслужил глубочайшую любовь, уважение и признательность к нему, что работая рядом с ним, общался с ним, это хорошо его знало. Он был прост и доступен в общении. Люди тянулись к нему и он отвечал им вниманием, добротой, душевной теплотой, человеческим участием.

Из интервью:

— Виктор Григорьевич, что бы вы пожелали сегодняшней молодежи?

— То, что говорил адмирал Ушаков: «Не отчаивайтесь! Сил грозные бури обратятся к славе России!» Не отчаивайтесь в любой ситуации.

(Читайте на стр. 2)

ЧЕЛОВЕК- ЛЕГЕНДА

В прошлом году наш выход сходил в музей Обороны Москвы. Экскурсию проводил сам Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов.

Наши родители учились под его началом и по его рассказам мы знаем, какой это необыкновенный человек: бывший ректор нашего института — замечательный ученый, прекрасный руководитель, фронтовик. Его называют человеком-легендой.

Мы с большим увлечением слушали рассказы тех событий, которым посвящены экспозиции музея. На стенах висели множество документов и личных вещей защитников Москвы и среди них фотографии юного моряка в бескозырке со знакомой улыбкой — Виктор Григорьевич в семнадцать лет.

...Преодолевшие силы русских, вооруженные до зубов, разгромив полк моряков армян, — напавшие на подступах к городу Грозному в своем марше. На самом деле тогда в бою под городом Скопин немецкой полк разгромил семнадцатилетние ребята-моряки, вооруженные старыми винтовками и автоматами, подобранными во время боя. Среди них был и наш Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов.

...На этой экскурсии мы услышали для себя много нового и познавательного о битве под Москвой.

...И только недавно узнали, что Виктор Григорьевич провозгласил для нас экскурсию уже буднично тяжело болелым.

Павел Безотосный,
студент пятого курса ВФК.

ПОКА ЖИВЫ, БУДЕМ ПОМНИТЬ О ВАС!

В чем смысл жизни? Для чего человек живет?

Сейчас еще и еще раз, мысленно прошлись с этим вопросом для многих мифистов-студентов, молодых людей. Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов всей своей жизнью дал ответ на вечный философский вопрос: он жил для людей, для Родины, он пришел к Богу.

Нам посчастливилось последние лет десять (когда он был председателем Совета ветеранов МФИ) тесно общаться с ним. Для ректора Виктор Григорьевич стал старшим товарищем, хорошим советником, светлым примером честности и порядочности. Чем больше его узнавали, тем больше понимали, какой он необыкновенный человек.

Огромное количество наград, орденов, кавалерия кавалерства. И — необычайная скромность, простота, беззащитность, наивность. Огромное количество друзей, единомышленников, учеников. Когда умер Виктор Григорьевич, из разных городов мира звали его бывшие студенты.

Он был коммунистом и в то же время последние годы считал себя православным человеком. Казалось бы, парадокс, но в том, и другом случае для него были были заповеди — жить для людей, для Родины, сохранять нравственность. Много призывал уезжать для осуществления своей мечты: возвести на территории МФИ храм-часовню в память об ушедших из жизни мифистах, а также об

основателе МФИ и тех, кто героически трудились в атомной энергетике — жес, высказывался за защиту имени Отечества.

Мы делились с ним интервью, просили написать статьи. Было чувство — только бы успеть, успеть рассказать о нем. Любимая его фраза была «Честно мне!» — и ней он несл.

Странное чувство: Виктор Григорьевич умер, а мы ощущаем, что он жив. Смотрим на его портрет и говорим: «Честно мне!». Пока живы, будем помнить о Вас, дорогой Виктор Григорьевич!

Редислав Гасты
«Инженер-Физик».

Виктор Григорьевич навсегда останется в нашей памяти. И в жизни, и в делах мы будем стремиться развиваться на этом замечательного человека. Прощания на нашей стороне.

Сегодня перед нашим университетом поставлена важная задача — создание Федерального ядерного университета. Нет сомнения, что коллектив сделает все, чтобы она была выполнена. При этом мы должны помнить, что в его основе лежат традиции МФИ, который создавал, развивал, вывел на высший международный уровень — Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов.

М.Н. Стриханов, ректор МФИ,
А.П. Трофимов, председатель ОПК,
Д.Н. Мифонов, председатель Совета ветеранов МФИ.

Федеральное агентство по атомной энергии. Факс ректору МФИ

Уважаемый Михаил Николаевич!
Глубоко опечален известием о безвременной кончине Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, ученого-физика и педагога, доктора наук, участника Великой Отечественной войны, профессора Кириллова-Угрюмова Виктора Григорьевича.

Он внес достойный вклад в развитие атомной энергии нашей страны.

Правительственная телеграмма ректору МФИ.

Глубокоуважаемый Михаил Николаевич, с глубоким скорбью узнал о кончине моего друга выдающегося физика и патриота России Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова.

На фронтах Великой Отечественной войны он отстаивал само существование страны. До последнего дня своей жизни Виктор Григорьевич боролся и доказал, что преобразование в стране должны быть в первую очередь направлены на улучшение жизни каждого человека.

Страна и наука понесли тяжкую утрату.

Передайте родным и близким, и другим мои искренние соболезнования.

Ж.И. Афанасьев.

С уважением Лауреат Нобелевской премии, депутат Государственной думы

Выражаю мои самые искренние соболезнования родным и коллективу Московского инженерно-физического института, родным и близким Виктора Григорьевича.

Директор ФГУП «Институт стратегической стабильности», научный руководитель Российского Федерального ядерного Центра (г. Саров), академик РАН В.Н. Маслов.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ

• Родился Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов 18 марта 1924 года в Москве. Его отец — Григорий Николаевич Кириллов-Угрюмов, морской инженер, погиб при исполнении служебных обязанностей, когда Виктору было два года. Мать, Полина Семеновна Жукова, учительница математики, была награждена орденом Ленина в 1940 году.

• В 1931 году поступил в московскую среднюю школу № 348. Учился хорошо, мечтал о военной службе и готовился к ней. Поступил в Московское военно-морское спецшкола; 1 мая 1941 года впервые участвовал в параде на Красной площади.

(Продолжение на стр. 2)

ФАКТЫ
БИОГРАФИИ

(Окончание. Начало на стр. 1)

• 22 июня, в день объявления войны, вместе со всеми выпускниками училища попал рапорт с просьбой направить на фронт. Виктора зачислили в Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского. 8 августа он принял присягу, а 31 октября старшина 1-й статьи Кириллов-Угрюмов в числе 75 первокурсников был откомандирован в 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, направлявшуюся на фронт.

• 26 ноября 1941 года бригада выдвинулась в Ржевскую область. Батальон, в котором Виктор был командиром отделения, храбро действовал при освобождении Смоленка, захваченного передовыми моторизованными отрядами немцев. Спустя годы благодарные сослуживцы присвоили Кириллову-Угрюмову звание Почетного гражданина этого города.

• 12 декабря в жарком бою под Клином Виктор Григорьевич был тяжело ранен. Три месяца провел в госпитале. В июне 1942 года молодому инженеру-физику была признана инвалидность, и он был уволен из армии.

• В 1943 году отключившись морем поступает в Московский инженерно-физический институт, впоследствии названный Московским инженерно-физическим институтом (МФИИ).

• Возглавив комсомольскую организацию, стал первым Сталинским студентом, а также одним из организаторов мотосекции.

• В 1949 году отлучившись от института, Егор принял участие в экспедиции. Он занимался исследованием космических лучей и параллельно работал в Институте физики АН СССР под руководством известного ученого А. Н. Алехина.

• В 1953 году Евгением заканчивает кандидатскую диссертацию. И в возрасте 29 лет становится деканом факультета экспериментальной и теоретической физики МФИИ. В 1957-1959 гг. он — заведующий кафедрой экспериментальной ядерной физики (7).

• В 35 лет Кириллов-Угрюмов поступает на еще более высокий пост — ректора МФИИ (1959-1974). На этом он продолжал большую работу по развитию новых форм обучения, рекомендательных академиков И. В. Курчатова.

• В 1962 году защищает докторскую диссертацию, а в 1963 году становится профессором кафедры 7. Профессор В.Г. Кириллов-Угрюмов — физик-экспериментатор. Ему с сокурсниками впервые удалось обнаружить разделение сложной системы — свободный мюонный атом. Результат был зарегистрирован как открытие.

• В 1970-1974 гг. В.Г. Кириллов-Угрюмов — председатель Совета ректоров вузов Москвы. На этом посту он много сделал для распространения опыта работы передовых вузов.

• В 1973 году ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

• В 1974-1987 гг. В.Г. Кириллов-Угрюмов возглавляет Высшую аттестационную комиссию (ВАК) при Совете Министров СССР. Опираясь на авторитет ученого, он существенно совершенствовал структуру ВАК, добивается внедрения нового уровня требовательности к соискателям ученых степеней, профессорских званий.

• В 1987 году по состоянию здоровья Виктор Григорьевич был вынужден уйти на пенсию. Он переехал в МФИИ, где на должности профессора продолжал научную деятельность. Являлся заместителем председателя Совета ветеранов 1-й Ударной армии.

• В 1992 году удостоен медали Российской Федерации имени П.Л. Капицы.

• В 1997 году избран председателем Совета ветеранов МФИИ. На этом посту вел большую работу по патристическому воспитанию молодежи.

• В 2004 году Междуреченский библиографический центр при Кемеровском государственном университете награждает Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова Почетной медалью. Почетная медаль — высшее звание в Книге «Выдающиеся ученые мира XX века».

В.Г. Кириллов-Угрюмов — ректор МФИИ.

Таким будут помнить Виктора Григорьевича все, кто знал, уважал и любил его. (ЦКБ, 6 августа 2007г. Фото Л. Патрикеева.)

В.Г. Кириллов-Угрюмов:

«МНЕ ВЫПАЛ
ЖРЕБИЙ —
ЖИТЬ!»

мое удивительно, что я стал отличником, и мне дали Сталинскую стипендию. Помогать приходилось младшим и дежонкам, которые были на так называемом трудовом фронте. Шла война, и они работали в ночную смену на авиационном заводе вместо специалистов, ушедших на фронт. А днем учились.

...Будучи первокурсником, я стал секретарем комсомольской организации института. Ну что, надо работать. Начали с того, что в комитет комитета комсомола на стене закрепили военно-морской флаг. Это был символ — боевого духа, дисциплины и товарищества. Выявлялись в учебе и в жизненных обстоятельствах становились примером. Время было колдовое, голодное. Приходилось и за дровами выезжать за город, чтобы институт отапливать, и в котлоды сажать опилки, как-нибудь привозить. Учебники многим не были, сидели, конспекты по ночам переписывали.

— На Вас выпала, за пять-шесть студенческих лет человек формировался? — Да, конечно. Это очень важные годы. И от них надо жить как можно больше. В первую очередь в учебе. Некоторые думают, вот этот предмет не нужен, чертене не пригодится... Вы не знаете, как сложится жизнь, все может пригодиться.

— Ну, конечно, вчитывая, в студенческие годы надо и погулять. Толстой говорил: «Непонятимая пора детства». То же можно сказать и о студенческих годах. Мы, например, собирались с друзьями, пели песни под гитару. Больше того, после заседания комитета комсомола шли в пивную в Уланском переулке. Выпивали по кружке пенного, из бочки, пива. А потом по дороге гуляли, как футбольный матч, консервируя банку... Ну, но такие грехи были. Но выпивать не было.

Помню наших замечательных педагогов: Лейбухского, Алехина. Помню, как нас, отличников, в 43-м году на канкулды отправляли в Гагры, в дом отдыха Министерства боеприпасов. Бесстыдно.

— На что Вы потратили первую свою стипендию?

— Первую свою стипендию, конечно, отдал маме. Она тянула меня, нездоровая, одна. Папа, морской инженер, погиб, когда мне было два года. Работала учительницей в школе. Была награждена орденом Ленина.

С окончанием закончил институт, Виктор Григорьевич поступает в аспирантуру. Занимается исследованием космических лучей и параллельно работ

Со студенческими корреспондентами.

тает в Институте физики АН СССР под руководством известного ученого А.Н. Алехина.

• Защищая блестяще диссертацию, в 29 лет становится деканом факультета экспериментальной и теоретической физики.

• В 1962 году защищает докторскую. Профессор В.Г. Кириллов-Угрюмов — физик-экспериментатор. Ему с сокурсниками впервые удалось обнаружить разделение сложной системы — свободный мюонный атом. Результат был зарегистрирован как открытие.

• В 35 лет возглавляет МФИИ. На этом посту он продолжал работу по развитию новых форм обучения, рекомендательных И. В. Курчатова. Под его руководством создавался новый комплекс МФИИ и Кемерово. До этого институт был разбросан по всей Москве. Строились общежития, СОИ «Выль», студенческая профсоюзная, экспериментальная завод «Кинет». Собирались студенты, в которых было много талантов. Виктор Григорьевич стал одним из организаторов мотосекции. Кульминация жизни в новом МФИИ наступила в 1963 году.

• Очень много сил и труда вложил в развитие нашего университета Виктор Григорьевич за 15 лет работы ректором.

— В какой момент вы прочитали, что Вы, работая семь лет на посту председателя ВАК страны, попали на авто-

ритетные ученым, существенно усовершенствовали ее структуру. Но ведь, знаете, Вас отсюда «ушли».

— «Ушли», да.

— Ну а как же Вы «ушли» из единственного? — Было, и «промазались» в людях. Я взял к себе в первые замки товарища, которого, мне казалось, хорошо знал. И он, в итоге, меня предал. В чем была проблема? В ВАК были отделись: естественных наук, медицинских и т.д. И — отдели спецпроблем, где шли «закрытые» работы по оборонной тематике. В Экспертный совет входили специалисты — физики и занимающиеся секретными работами. Мой зам, и начальник отдела захотели все работы с грифом «секретно» пропускать только через спецштаб.

Но там не всегда были специалисты! То есть это была возможность пренебречь научную степень, кому хотело. К сожалению, их поддержали в «через». Я против этого возстал. Ну и началось! На меня написали «летучку», что я, как председатель ВАК, беру взятку, что у меня роскошная дача и т.д. И поехала комиссия народного контроля проверить. От электриков шли три километра пешком, а когда пришли и увидели «виллу», которую построил еще моя мама (так называемый ДКШ)... Мне соседи говорили, что такая рутина в воздухе стояла: зря прозвонили.

В.Г. Кириллов-Угрюмов,
публикация в газете «Правда-5» № 7879 06-11-98 59632

РЫВОК В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ

В 1946 году в Московском механическом институте, ныне инженерно-физическом (МИФИ), была сломана традиционная система подготовки инженеров. Базовое техническое обучение теперь строилось не на сложившихся десятилетиями курсах сопротивления материалов, теоретической механики, гидравлики, рецептурном курсе высшей математики, а на университетских курсах физики и математики, включая разделы векторного анализа, дифференциальных и интегральных уравнений, теории групп и т.п. При обучении математике ставилась цель не только вооружить студентов аппаратом вычислений, но и выработать логическое абстрактное мышление.

Принципиально важным было включение в учебный процесс теоретической научной работы студентов, изучение ими журнальной литературы, выполнение не типовых, идущих на полку дипломных проектов, а оригинальных, имеющих содержательную ценность работ.

Цель такой ломки высшего технического образования состояла не в погоне за новаторством. Она была обусловлена необходимостью подготовки инженеров-физиков для нарождающейся новейшей отрасли промышленности – атомной. Такие специалисты должны были быть готовы к самообразованию – на основе фундаментальной вузовской подготовки они должны были получить навыки творческой работы и готовы легко овладевать смежными специальностями.

Предполагалось, что питомцы МИФИ в равной степени будут сильны и как физики с университетским дипломом, и как инженеры, получившие классическую втузовскую подготовку.

Разумеется, что успеха можно было ждать только при условии мощного профессорского корпуса, ибо, как известно, качество преподавания обеспечивается составом лекторов. При активном содействии И.В. Курчатова к обучению студентов были привлечены выдающиеся российские ученые: академики Л.А. Арцимович, А.И. Алиханян, И.В. Обреимов, И.К. Кикоин, А.Б. Мигдал, И.Я. Померанчук, М.Д. Миллионщиков, Н.Н. Семенов, И.Е. Тамм, А.Н. Тихонов и другие. Первым деканом нового факультета стал основоположник создания реакторов на быстрых нейтронах А.И. Лейпунский. Александр Ильич особое внимание уделял набору студентов. С теми, кто поступал на

старшие курсы, он проводил собеседования лично. Студенты, кстати, обеспечивались высокой стипендией, возможностью хорошо отдохнуть в каникулярное время, активно заниматься спортом. На первых порах учебы студенты практиковались в научно-исследовательских институтах. Позже МИФИ сам стал владельцем нескольких ускорителей частиц, атомного реактора, ряда других исследовательских установок, центра ЭВМ.

Теперь, через полвека после введения новой системы подготовки инженеров можно оценить ее эффективность. Ведь априори нельзя было исключить, что инженеры-физики в итоге не станут ни физиками, ни инженерами. О том, как они справились с обязанностями инженеров, говорят факты. Как сообщалось на заседании, посвященном сорокалетию МИФИ, около 70 % инженерного состава атомной промышленности в то время составляли выпускники МИФИ. Напомним, что речь идет об отрасли, которая обеспечила ядерный паритет Советского Союза в вооружениях, разработку перспективных источников энергии, добилась мировых достижений в развитии фундаментальных исследований в области физики элементарных частиц. Ныне министром этой отрасли промышленности стал выпускник МИФИ В.Н. Михайлов. Что касается потенциальных возможностей питомцев МИФИ как научных работников, то подавляющее большинство из них успешно справились с защитой кандидатских и докторских диссертаций. Дипломы инженера-физика явились стартом научной карьеры лауреата Нобелевской премии Н.Г. Басова, директора лаборатории Высоких Энергий ОИЯИ академика А.М. Балдина, крупнейшего специалиста в области физики твердого тела академика Ю.М. Кагана и многих, многих других.

Опираясь на опыт подготовки научных кадров в МИФИ, была создана новая форма подготовки преподавателей физики для высшей школы. Серьезной проблемой профессорского корпуса высшей школы и научно-исследовательских институтов в последние десятилетия стало его прогрессирующее старение. Средний возраст соискателей кандидатских степеней перешагнул рубеж 35 лет, а более половины докторов наук вступили в пенсионный возраст. Поиск молодых научных талантов активно начался давно. Наиболее радикальными в этом отношении были специализированные школы типа математической спецшколы академика Колмогорова, либо вузы, такие как МФТИ, гарантировавшие при приеме в институт каждому абитуриенту научную карьеру. При очевидных надеждах на приобщение к науке та-

лантливых людей в раннем возрасте – на практике пришлось столкнуться с труднопреодолимым стремлением родителей любыми способами доказать, что именно их ребенок есть тот самый искомый талант. Следствием пробивной силы родителей, поверхностных знаний студентов, полученных от репетиторов, рано или поздно претендент на научную стезю убеждался в ошибочности своего выбора. В итоге – впустую затраченные усилия, годы, и, как следствие – разочарование.

Жизнь доказала, что наиболее оптимальным временем для отбора будущих профессоров – это период обучения на младших курсах вуза, а объективными свидетелями наличия таланта ученого у студента являются его вузовские преподаватели. Идея создания специального факультета МИФИ для подготовки будущих ученых или, как его называли, Высшей школы физиков, складывалась из трех основных составляющих. Первая – на факультет зачислялись студенты разных вузов, как правило, университетов, проявившие на первых курсах способности к творческой работе в области физики. Вторая – при продолжении обучения в МИФИ они, осваивая учебные дисциплины, вели полноценную научно-исследовательскую работу в лабораториях Физического института Академии наук и МИФИ, и, наконец, третья составляющая – получая диплом инженера-физика в МИФИ, они распределялись на последующую работу тем институтом или университетом, который их откомандировал в МИФИ. Большинство из окончивших факультет сразу поступали в аспирантуру.

Прошло более 25 лет после начала работы Спецфака – Высшей школы физиков. Ее бессменным деканом является профессор Ю.А. Быковский, а идейным руководителем – академик Н.Г. Басов. Выпускники Спецфака стали за эти годы известными учеными, высококлассными профессорами вузов. Так, Ф.А. Агаронян – автор докладов по астрофизике на крупнейших международных конференциях. Как правило, несколько выпускников Спецфака в своем родном вузе создавали ядро, вокруг которого создавалось целое подразделение.

Например, в Иркутском университете сформировалась кафедра и научная лаборатория питомцев Спецфака. В Самаре – научная школа лазерной техники. Можно определенно сказать, что система подготовки молодых ученых в Высшей школе физиков, как и вся методика обучения в МИФИ, выдержала испытания временем. Новая система обучения обеспечила симбиоз технического и университетского образований без ущерба для каждого из них и заложила возможность самостоятельно повышать свою квалификацию в широком диапазоне

специальностей. Это достижение отечественной высшей школы позволило нашей стране стать одним из лидеров мирового технического прогресса в середине XX века. Опыт советской высшей школы в подготовке инженеров-исследователей был заимствован в ряде зарубежных стран: Китае, Германии, Кубе и других.

В ходе перестройки высшей школы в настоящее время делается акцент на заимствование зарубежного опыта, прежде всего – американского, и принижаются достижения отечественного высшего образования, те заделы, которые зрели в недрах советских вузов, но не были вовремя реализованы. Примером может служить идея многоступенчатого высшего образования, о котором публиковались статьи в советской печати еще в шестидесятые годы. Основой этой идеи было предложение узаконить уровень образования для студентов, которые по тем или иным причинам были не в состоянии завершить полный курс обучения в вузе. Такие студенты на базе знаний первых двух курсов в МИФИ и последующего обучения по специальным программам в течение семестра, могли бы успешно преподавать в средней школе физику или информатику, справляться с должностями в управленческом аппарате, выполнять многие виды работ, где формально требовалось высшее образование. Разумеется, что идея была применима не только к МИФИ, но и к любому вузу.

Реформы, которые сегодня осуществлены в высшей школе, предусматривают учреждение новых званий бакалавров и магистров, но целесообразность введения этих званий весьма неопределенна, хотя, как говорится, уже давно не за «бугром», а в родном отечестве соответствующие разработки оказались невостребованными.

В канун нового учебного года в сентябре 1996 г. появилось странное интервью Министра образования России, противопоставляющее диплом, как свидетельство уровня образования, и само образование. К сожалению сегодня диплом действительно может дать превратную картину о подлинных знаниях своего владельца. В ходе перестройки заметно ослаб контроль за содержанием изучаемых студентом дисциплин. Поэтому объем знаний, полученных студентом по дисциплинам с одинаковым названием, но у разных преподавателей, может существенно различаться. При платном обучении мало значит и оценка на экзамене. Не секрет, что деньги позволяют двоечнику удержаться «на плаву» и даже успешно «окончить» институт. До недавнего времени в переходе метро можно было за доллары приобрести диплом даже кандидата наук. Следовало бы искоренить те серьезные дефекты «пе-

рестройки» высшего образования, которые привели к девальвации дипломов и не позволяют сегодня определить, какой же уровень знаний, умений, навыков получил в итоге обучения в высшей школе ее воспитанник. Факт остается фактом, что отечественная система образования, обеспечившая превращение нашей страны в великую державу, в активе которой покорение атома и первый полет спутника, была лучшей системой образования в мире, и совершенствовать ее нужно предельно аккуратно, не пренебрегая собственным опытом.

«ЛЕД ТРОНУЛСЯ, ГОСПОДА РАЗРУШИТЕЛИ !»

Продолжающийся развал когда-то лучшей в мире системы образования в России становится очевидным. Год назад конференция ветеранов Московского государственного инженерно-физического института (технического университета) протестовала против так называемого второго этапа «реформы» высшей школы, грозящего ей окончательным крахом. Но глас этот, как и многие другие, не был услышан. На общероссийской демонстрации протеста, прошедшей недавно, 20 мая, против разрушения системы образования выступили сотни тысяч студентов, профессоров, преподавателей.

Важнейшую роль в развитии человечества в XXI веке будут играть специалисты, способные разрабатывать новейшие технологии производства, методы лечения болезней, мощные безопасные источники энергии. Новые технологии и методы могут быть созданы только на основе достижений фундаментальной науки. Именно система образования, органически переплетавшаяся с достижениями науки, и позволила в уходящем веке совершить научно-технические революции, подобные покорению атома, прорыву в космос, компьютеризации общества. Не случайно ассигнования на науку в США достигли 6–7 процентов от валового внутреннего продукта (ВВП), то есть на науку у них уходит примерно столько же средств, сколько на оборону. И как не назвать развалом сокращение соответствующих показателей в России с 5 до 0,3 процента! Суть нынешних "реформ" в области образования и науки сводится не к улучшению профессионального уровня подготовки специалистов, а к попыткам сократить жалкие расходы на них из федерального бюджета.

Похоже, что заключительная глава Гарвардского проекта о перестройке в России, где предусмотрено окончательное истребление

остатков социализма – бесплатного обучения и здравоохранения, бое-способной армии – к 2000 году успешно воплотится в жизнь. Экономическое удушение образования – это тройной удар и по производству, и по здравоохранению, и по армии. Примечательна фраза Гарвардского проекта: «За все надо платить!» Вопрос: чем? Деньги никогда не определяли благополучие и счастье русского народа. Главными для русских людей была идея, стремление к общему благу Отчизны, то есть то, что вкладывается в общепринятый смысл слова патриотизм. В годы разрухи после гражданской войны Ленин призывал молодежь не к личному обогащению, а к учебе, к приобретению знаний как самого нужного капитала для страны. В Великую Отечественную войну, даже в самые трудные дни, забота о народном образовании, науке, о подготовке квалифицированных кадров не отодвигалась на второй план. Так, в 1942 году, когда немцы дошли до Волги, советское правительство, думая о будущем страны, в два раза увеличило прием в аспирантуру, были организованы республиканские Академии наук в Узбекистане и Армении, открыты (а не закрыты) новые вузы, в том числе и наш институт – МИФИ. И это в период, когда каждая копейка была на счету.

Отечественные кадры ученых и их ученики начавшие обучение в годы войны, лишили США монополии на владение атомным оружием. И на планах Трумэна пришлось поставить крест. Так что умение руководить страной заключается не только в том, чтобы очистить родную землю от вражеской нечисти, но и гарантировать ее независимость. Так было при Советской власти. А сейчас...

Думаю, что прав был депутат Федерального собрания В.Н. Григорьев, когда при обсуждении вопроса об образовании усомнился в дееспособности руководителей нынешней власти. Эта недееспособность видна прежде всего в направленности нравственного воспитания молодежи. Патриотизм стал чуть ли не бранным словом. История XX века представлена в учебнике для средней школы А. Кредера как период торжества американо-английского империализма. Советскому Союзу этим автором, даже при анализе исхода второй мировой войны, уготована второстепенная роль. Не знают молодые сегодня, к примеру, о патриотическом поступке колхозника Ферапонта Головатого, купившего во время Великой Отечественной войны на собственные сбережения истребитель и подарившего его Красной Армии. Не знают и о сотнях ему подобных, передавших фамильные драгоценности на нужды Отчизны. Если только перечислить фамилии тех, кто получил от

имени Красной Армии благодарственные письма И.В. Сталина, составила бы замечательная книга о патриотизме советских людей, для которых благо Отечества дороже денег.

Образование, как и любая отрасль деятельности человека, нуждается в совершенствовании. Но это совершенствование, реформирование должно иметь ясную цель и не разрушать то лучшее, что уже накоплено, учитывать специфику и традиции, свойственные России. Пример бездумного, поспешного решения одной из проблем высшей школы – учреждение степени бакалавра. О том, что промежуточная ступень в высшем образовании нужна, говорилось еще в шестидесятые годы. Имелось в виду, что первые два курса обучения в высшей школе должны дать основу для дальнейшей глубокой специализации. Действительно, тем студентам, которые по каким-то причинам не в силах освоить полный курс вуза, следует дать возможность в течение одного-двух семестров, в том числе и в системе вечернего обучения, получить минимум специальных знаний в области экономики, управления, информатики и т.п. и лишь тогда дать диплом бакалавра с указанием приобретенной специальности. Ныне твердо установлен лишь срок обучения бакалавра – четыре года и ничего не сказано о том, чем же он будет по существу отличаться от обычного студента четвертого курса. Иначе говоря, ради реформы ввели в лексикон отечественного высшего образования новое заморское слово, не вложив в него полезный для нас смысл.

Теперь правительство решило принять пакет постановлений по высшей школе, которые грозят нанести ей окончательный, смертельный удар. Речь идет прежде всего о приватизации вузов. Частное управление вузом, даже акционерами, не только не гарантирует государству выпуск нужных для него специалистов, но при этом появляется реальная возможность перепрофилирования вуза в угоду конкурентам, в том числе и транснациональным корпорациям (ТНК), с тем чтобы работать, как слабо развитые страны, на «золотой миллиард» – Северную Америку и Запад Европы. Сокращение федерального финансирования ударит по подготовке кадров для оборонной промышленности, еще в большей степени поставит страну в зависимость от МВФ, который по сути дела будет диктовать, каких специалистов можно готовить в нашей стране, а каких нельзя, предоставляя кредиты, к примеру, визам, готовящим экономистов и не предоставляя тем, которые готовят, скажем, инженеров.

Снижение размеров стипендий студентам, поборы с них за различные хозяйственные услуги, за пересдачу экзаменов, за пользование библиотеками – все это немедленно отразится на качестве подготовки специалистов. Малообеспеченные студенты вынуждены будут сочетать учебу с работой, а дети «новых русских» смогут сдавать экзамены бесконечное число раз, а проще – купить диплом на толкучке. И в том, и в другом случае качество обучения устремится к нулю.

Перестройщики и реформаторы все время уповали на политическую инертность студентов. Вся мощь СМИ, проправительственной печати были направлены на охаивание периода Советской власти в нашей истории, на растление молодежи. Нашлись ренегаты даже со значками Героев Социалистического Труда, которые за доллары согласились лгать о строе, который недавно сами же прославляли. Трубя о всяческих свободах, они спокойно относятся к запрету на политическую пропаганду в вузах. То ли считают студентов не доросшими до политики, то ли просто боятся.

Голубые шмаковские профсоюзы стремятся переводить стрелку недовольства нынешним руководством страны только на экономические вопросы. Но на митинге в МИФИ в канун общероссийской демонстрации протеста против вузовских реформ именно студенты предложили выйти на улицы с политическими лозунгами. И этих лозунгов, красных знамен на демонстрации было много. Лед тронулся, господа разрушители российской высшей школы!

ФОТОАЛЬБОМ

С любимой женой

*С сыновьями на любимом ИЖ-49. Иж49 – тот самый мотоцикл,
на котором отец ездил в институт на Зацепу.
(Фото Михаила Кириллова-Угрюмова)*

*Год 1959. Алагез – это высокогорная станция
по исследованию космических лучей в Армении,
на которую часто ездил отец, 1959 год.
(Фото Михаила Кириллова-Угрюмова)*

Ректор МИФИ В.Г. Кириллов-Угрюмов и начальник НИЧ МИФИ В.В. Фролов знакомятся с первым номером многотиражной газеты «ИНЖЕНЕР-ФИЗИК», октябрь 1960 год

Перед посещением подземной лаборатории в Солт-Лейк-Сити (США, 1973 год). Слева-направо: Александр Евгеньевич Чудаков – академик, Институт ядерных исследований; Ирина Вячеславовна Ракобольская – декан факультета повышения квалификации МГУ, начальник штаба авиационного женского полка «Ночные ведьмы»; Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов, ректор МИФИ

Виктор Григорьевич перед входом в здание подземной лаборатории

*Виктор Григорьевич у входа в здание высокогорной станции
космических лучей (США, 1973 год)*

Озеро неподалеку от высокогорной станции (США, 1973 год)

На улице Сан-Франциско, 1973 год

*В аэропорту Сан-Франциско. Слева-направо: И.В. Ракоборская, А.Е. Чудаков,
В.Г. Кириллов-Угрюмов*

*Австралия, о.Тасмания. г. Хобарт, 12-я Международная конференция
по космическим лучам, 1971 год*

США, Космическая станция, 1973 год

*Виктор Григорьевич на закладке фундамента здания ВАК
на ул. Грибоедова, 1975 год*

*Встреча с космонавтом Н.Н. Рукавишниковым в МИФИ. За столом слева
направо: Н.Д Болотин 1-й секретарь Красногвардейского РК КПСС, В.Г. Ки-
риллов-Угрюмов, Н.Н. Рукавишников. Комиссар ССО «Подмосковье-71»
А. Калинин вручает Н.Н. Рукавишникову сувенир и форму «бойцов» ССО МИФИ*

С Саввой Ямщиковым. Савва Васильевич Ямщиков – советский и российский художник-реставратор, историк искусства, публицист, журналист, ученый-культуролог, историк, писатель, теле- и радиоведущий. Савва несколько раз читал лекции в МИФИ и всегда встречался с отцом. (Фото Михаила Кириллова-Угрюмова)

Делегация МИФИ в Наноцентре МЭИ. Слева направо С.Е. Улин, Т.А. Озолина, Н.М. Федорова, Д.И. Миронов, В.Г. Кириллов-Угрюмов, руководитель Наноцентра Л.Н. Патрикеев, 2005 год

День рождения Патрикеева Л.Н. Справа налево: Калинин Б.А., Кириллов-Угрюмов В.Г., Шальнов А.В., Трофимов А.П., Алексенко А.Г., Наумов В.И., Волков Ю.А., Алексаков Г.Н., Агаханян Т.М., Патрикеев Л.Н., Кармазинский А.Н., Шагурин И.И., 1997 год

В гостях у В.Г. Кириллова-Угрюмова. Справа нижний ряд: жена Эмма Яковлевна, сын Михаил, Сергей Улин, Виктор Григорьевич, Озолина Тамара Александровна, Валентин Никитаев, вверху справа: Патрикеев Лев Николаевич, Владимир Шуренков, ноябрь 2002 года

Ветераны МИФИ собрались поздравить Виктора Григорьевича с 80-летием. 18 марта 2004 года

В актовом зале МИФИ. Концерт Мужского хора МИФИ в честь 80-летия В.Г. Кириллова-Угрюмова. С приветствием хору выступает В.Г. Кириллов-Угрюмов, 2004 год. (Фото В.А. Лапшинский)

Концерт Мужского хора МИФИ в Актовом зале МИФИ в честь 80-летия В.Г. Кириллова-Угрюмова, 2004 год. (Фото В.А. Лапшинский)

Концерт Мужского хора МИФИ в Актовом зале МИФИ в честь 80-летия В.Г. Кириллова-Угрюмова. На переднем плане Л.Б. Обшадко, Н.В. Малявина, В.Г. Кириллов-Угрюмов и его внук (на заднем плане родственники), 2004 год

*Банкет после концерта мужского хора МИФИ в Актовом зале МИФИ
в честь 80-летия В.Г. Кириллова-Угрюмова.*

*Художественное руководство хора, хористы-ветераны,
сотрудники МИФИ, 2004 год. (Фото В.А. Саркисян)*

*В.Г. Кириллов-Угрюмов
и старейшина, ветеран
хора В.А. Саркисян.
(Фото В.А. Лапшинский)*

*Дуэт профессоров МИФИ
В.Г. Кириллова-Угрюмова
и Ю.Г. Дрекса, старейшина,
ветеран хора. (Фото В.А. Лапшинский)*

Концерт Мужского хора МИФИ на вечере памяти В.Г. Кириллова-Угрюмова, 2008 год. (Фото В. Заливако)

2008 г. В актовом зале МИФИ. Однополчане на вечере памяти В.Г. Кириллова-Угрюмова, 2008 год. (Фото В. Заливако)

В актовом зале МИФИ. Выступает ансамбль КСП МИФИ на вечере памяти В.Г. Кириллова-Угрюмова, 2008 год. (Фото В. Заливако)

Фотоальбом

Встреча памяти отца дома: Валерий Дмитренко, Виктор Грачев, Сергей Улин, жена Эмма Яковлевна, Татьяна Кириллова-Угрюмова, моя жена Наталья Захарова. (Фото Михаила Кириллова-Угрюмова)

Национальный исследовательский ядерный университет

Кафедра экспериментальной ядерной физики и космофизики

Конкурс имени

Виктора Григорьевича Кириллова-Угрюмова
на лучшую дипломную работу

Диплом I степени

Награждается студент группы С11-03
Халиуллин Марат Харисович

Научный руководитель Улин Сергей Евгеньевич

За работу «Ксеноновый гамма-детектор для прибора «Сигнал»»

Ректор НИЯУ МИФИ

М.Н. Стриханов

И.О. Декана ВШФ

И.И. Завестовская

Зав. кафедрой ЭЯФик

В.М. Данилов

18 марта 2013 г.

КИРИЛЛОВ-УГРЮМОВ

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

РЕКТОР МИФИ 1959-1974 гг.

Составители настоящего сборника приносят искреннюю благодарность всем, кто в той или иной мере помогал нам в поиске и подготовке материала для его издания. Особую благодарность выражаем редактору книги Татьяне Владимировне Волвенковой, техническому редактору Светлане Владимировне Тялиной, сотрудникам библиотеки НИЯУ МИФИ и начальнику центра информационно-библиотечного обеспечения Татьяне Николаевне Стукаловой.

Т.В. Волвенкова

С.В. Тялина

Т.Н. Стукалова

Виктор Григорьевич Кириллов-Угрюмов

*Сборник воспоминаний,
посвященных 100-летию
Первого ректора МИФИ*

Редактор *Т.В. Волвенкова*

Подписано в печать 11.03.2024. Формат 70×100/16.
Печ. л. 14,0. Изд. № 002-3. Тираж 400 экз. Заказ № 6.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ».
Типография НИЯУ МИФИ.
115409, Москва, Каширское ш., 31.